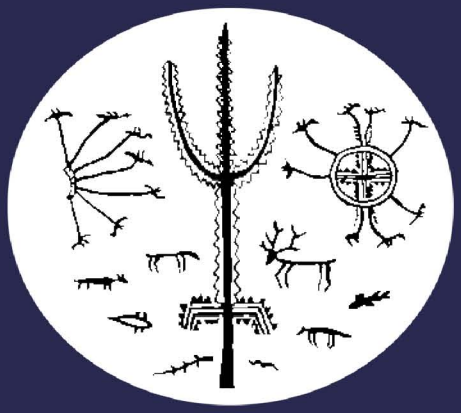


ISSN 2079-1003

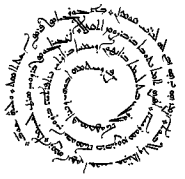
URAL-ALTAIC STUDIES
УРАЛО-АЛТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

№ 2 (13) 2014

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

МОСКВА

Ural-Altaic Studies
Урало-алтайские исследования



ISSN 2079-1003
ISBN 978-1-4632-0168-5

Ural-Altaic Studies

Scientific Journal

№ 2 (13) 2014

Established in 2009
Published four times a year

Moscow

© Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2014

Co-published with

gorgias press

ISSN 2079-1003
ISBN 978-1-4632-0168-5

Урало-алтайские исследования

научный журнал

№ 2 (13) 2014

Основан в 2009 г.
Выходит четыре раза в год

Москва

© Институт языкознания Российской академии наук, 2014

Совместно с

gorgias press

CONTENTS

No 2 (13) 2014

Benjamin Brosig. Aspect, tense and evidentiality in Middle Mongol 7
Natalia Dubrovskaya. Noun *parka* / *porga* and its synonyms in the Selkup dialects 39
Denis Kiryanov. Temperature terms in the Bashkir language 53
Fanuza Nurieva, **Endzhe Khuzina**. Gender stereotypes in the Tatar proverbs 60
Indira Semenova. Quantitative stratification of the Karachay-Balkar lexicon compared with the ones of the relative languages 73
Firdaus Khisamitdinova. On the mythological concepts of the Bashkirs 90

DISCUSSIONS

Igor Brodski. Lexical-semantic models of the Finno-Permic composite phytonyms with determinants 97
Yulia Normanskaya. On the question about the reconstruction principles of nomination models (*discussion note*) 116

Style sheet 120
How to subscribe 123

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 2 (13) 2014

Б. Брозиг. Категории вида, времени и эвиденциальности в среднемонгольском языке 7
Н. В. Дубровская. Термин *парка* / *порга* и его синонимы в диалектах селькупского языка 39
Д. П. Кирьянов. Термины температуры в башкирском языке 53
Ф. Ш. Нуриева, **Э. С. Хузина**. Отражение гендерных стереотипов в татарских паремиях 60
И. Д. Семенова. Параметрическая стратификация карачаево-балкарской лексики на фоне родственных языков 73
Ф. Г. Хисамитдинова. О некоторых мифологических представлениях башкир 90

ДИСКУССИИ

И. В. Бродский. Лексико-семантические модели сложных (составных) финно-пермских фитонимов, содержащие детерминант 97
Ю. В. Норманская. К вопросу о принципах реконструкции номинационных моделей (*дискуссионная заметка*) 116

Требования к оформлению статей 120
Как подписаться 123

Главный редактор
А. В. Дыбо
(д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН)

Заместитель главного редактора
Ю. В. Норманская
(д.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционная коллегия

В. Ю. Гусев (к.ф.н., Институт языкознания РАН), П. П. Дамбуева (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), А. И. Кузнецова (д.ф.н., проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова), О. А. Мудрак (д.ф.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет), С. А. Мызников (д.ф.н., проф., Институт лингвистических исследований РАН), И. Николаева (PhD, Школа восточных и африканских исследований, Великобритания), Ф. Ш. Нуриева (д.ф.н., проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет), Г. Ц. Пюрбеев (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), И. Я. Селютина (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), Р. А. Тадинова (д.ф.н., доц., Институт языкознания РАН), З. Н. Экба (к.ф.н., Институт языкознания РАН), М. Роббеетс (PhD, Лейденский университет, Нидерланды)

Редакционный совет

В. М. Алпатов (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН), А. Е. Аникин (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт филологии СО РАН), Р. Г. Ахметьянов (д.ф.н., проф., Бирский государственный педагогический институт), М. Бакро-Надь (проф., Университет Сегеда, Венгрия), В. Блажек (проф., Масариков университет, Чехия), Т. М. Гарипов (д.ф.н., чл.-корр. НАН РБ, Башкирский государственный педагогический институт имени М. Акмуллы), Н. И. Егоров (д.ф.н., проф., Чувашский государственный институт гуманитарных наук), И. В. Кормушин (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), И. Л. Кызласов (д.и.н., проф., Институт археологии РАН), Й. Лааксо (проф., Венский университет, Австрия), К. М. Мусаев (д.ф.н., чл.-корр. РАЕН, Институт языкознания РАН), Д. М. Насилов (д.ф.н., чл.-корр. РАЕН, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова), И. А. Невская (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия), Т. Ризе (проф., Венский университет, Австрия), Е. К. Скрибник (проф., Мюнхенский университет, Германия), П. А. Слепцов (д.ф.н., проф., акад. НАН РСЯ, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН), М. Стаховски (проф., Краковский университет, Польша), Ф. Г. Хисамитдинова (д.ф.н., проф., Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН), Л. Хонти (проф., Будапештский университет, Венгрия), К. Шониг (проф., Берлинский университет им. Гумбольдта, Германия), Н. Н. Широбокова (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), М. Эрдал (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия)

Editor-in-Chief
Anna Dybo
(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Deputy Editor-in-Chief
Yulia Normanskaya
(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Editorial Board

Valentin Gusev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Polina Dambueva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Ariadna Kuznecova (Lomonosov Moscow State University), Oleg Mudrak (Russian State University for the Humanities), Sergey Myznikov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences), Irina Nikolaeva (School of Oriental and African Studies, Great Britain), Fanuza Nurieva (Kazan (Volga region) Federal University), Grigoriy Pyurbeev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Irina Selyutina (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Roza Tadinova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Zarema Ekba (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Martine Robbeets (Leiden University, Center for Linguistics, Institute for Area Studies, the Netherlands)

Advisory Board

Vladimir Alpatov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Alexandr Anikin (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Rinat Ahmet'yanov (Birsk State Pedagogical Institute), Marianne Bakró-Nagy (University of Szeged, Hungary), Václav Blažek (Masaryk University, Czech Republic), Talmas Garipov (M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University), Nikolay Egorov (Chuvash State Institute for the Humanities), Igor Kormushin (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Igor Kyzlasov (Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences), Johanna Laakso (University of Vienna, Austria), Kenesbay Musaev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Dmitriy Nasilov (Lomonosov Moscow State University), Irina Nevskaya (Goethe University Frankfurt, Germany), Timothy Riese (University of Vienna, Austria), Elena Skribnik (University of Munich, Germany), Piotr Slepcov (Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marek Stachowski (Krakow University, Poland), Firdaus Hisamitdinova (Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Centre of Russian Academy of Sciences), László Honti (University of Budapest, Hungary), Klaus Schönig (Humboldt University of Berlin, Germany), Natalia Shirobokova (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marcel Erdal (Goethe University Frankfurt, Germany)

© 2014 ***Benjamin Brosig***

Aspect, tense and evidentiality in Middle Mongol

In this paper I will discuss aspect, tense and evidentiality in Middle Mongol (MM), the language of the Mongol Empire of the 13th and 14th century[1]. MM had a fairly developed system of simple and periphrastic markers for signaling aspectual and evidential distinctions. The generic marker *-yU*, the progressive-habitual *-mU* and the progressive *-n bu-yu* divided present tense imperfectivity among each other, while both the past imperfective *-jU bü-lüge* / *a-juɣu* and the future in the past *-QU bü-lüge* / *a-juɣu*, which could also be used in habitual contexts, were used for past imperfectivity. Perfective notions were covered by the simple perfective pasts *-bA*, *-lUGA* and *-jUGU*, differing from each other evidentially; the present and past perfect *-GsAn* and *-GsAnbü-lüge* / *a-juɣu*; the resultative-progressive *-jU a-mu* in the present; and *-jU bü-lüge* / *a-juɣu* in the past and the resultative *-GA* (*bü-lüge*). Separate notions such as the future *-QU*, inceptivity as expressed by some constructions containing *-QU bol-*, and the aspectually unclear marker *-d* are also discussed, with the overall goal of showing for the first time how these different markers formed a system.

The scope of this paper is limited to indicative final verbal predicates. It excludes aspect marking in non-finite clauses: *Öreele kilgün bol-ulca-ju a-asu* '⟨Now⟩ that he have become to each other like the shafts of a cart' [§ 200, 8144]; clauses ending in non-indicative mood suffixes: *minqa mede-jü a-tuqai* (lit.) 'he be commanding a thousand' (i. e. 'let him be in command of a thousand') [§ 225, 9365], and non-verbal predicates. As interrogative and most negated clauses are based on finite verbs, clauses with interrogative clitics or negational adverbs are included[2].

The order of this paper is as follows. In *Section 1* the inventory of morphemes and morpheme combinations that constitute the aspectual system of MM is discussed. *Section 2* introduces the corpus. Then, the imperfective and perfective domains are discussed in *Sections 3* and *4*, respectively. Conclusions are drawn in *Section 5*[3].

1. Inventory

As in all Mongolic languages, morphological verbs forms in MM can be divided into non-finite converbs, facultatively finite participles, as well as finite indicative forms and mood forms such as imperatives. Sentence-final predicates can maximally consist of: 1) a verb stem; 2) the converbal suffixes *-n* and *-jU* plus a copula verb stem; 3) a participial suffix plus copula and 4) a finite or participial suffix. Only the positions *1* and *4* are obligatory, and if position *3* is occupied, position *4* can only be occupied by a finite suffix.

Finite indicative suffixes in MM are as follows: see *Table 1*.

[1] While some classifications do assume "Ancient Mongol" as a language spoken e. g. up to the beginning of the 13th century (cf. [de Rachewiltz 1999: 241—244]), there is no distinct cut-off point except for intervocalic **h* (cf. [Svantesson et al. 2005: 121—124]) justifying this distinction, while the decline of social gender marking spans throughout the MM period [Bayarmendü 1986]. Therefore, despite its name, MM is the oldest attested form of Mongolic proper.

[2] The transcription of the Secret History of the Mongols (SH) used here is the one by John Street made public in 2013 at https://mywebspace.wisc.edu/jcstreet/web in version 24. I worked with version 23g, but removed some annotations concerning syntax and derivational morphology. Morpheme boundaries differ in a few instances. Amendations of the transcriber were accepted without further notice. The first information provided is the paragraph number necessary to locate the translation. The four-digit code following it consists of, first, the number of the chapter (X, Y, Z representing chapters 10, 11, 12), second and third, the leaf number and, forth, the line number (0—4 recto, 5—9 verso). Thereafter, the source of the translation is mentioned, with slight modifications of my own, which are indicated by cursive letters. If a translation was modified substantially, no source is given. Words in translations that have no direct equivalent in the original sentence are sometimes added in brackets. If the translation is not mine, neither are these insertions. As the SH is the source used most extensively in this paper, only paragraph and line number are provided, while the abbreviation for the source, "SH", is skipped.

[3] I want to express my gratitude to John Street, who not only helped me with a number of helpful suggestions and corrections for this paper, but in his many publications on MM impressed me with a precision and meticulousness to which this paper can only aspire. I am grateful to Volker Rybatzki, too, who provided me with the preliminary version of his dictionary of MM, thereby greatly facilitating the glossing of rare or ancient words.

Brosig Benjamin, Stockholm University; benjamin.brosig@gmx.de

Table 1

Finite indicative suffixes in MM (adapted from [Rybatzki 2003: 75])

	citation form	variants	U=Ch=Ph	A
progressive-habitual	*-mU*	*-m*, *-mU*, *-mUi*	X	X
generic	*-yU*	*-yU*, *-yi*	X	
? progressive	*-nAm*	*-nAm*		X
past factual	*-bA*	*-bA*, *-bi*, *-bAi*	X	X
past firsthand	*-lUGA*	*-lUGA*, *-lUGAi*, *-liGi*	X[4]	
past non-firsthand	*-jUGU*	*-JUGU*, *-JUGUi*, *-JiGi*, *-JiGAi*	X	

Table 1 shows the distribution of suffixes and their variants in different sources in the Uyghur (U), Phags-pa (Ph) and Arabic (A) scripts and in Chinese (Ch) characters. The Chinese and Uyghur materials include many different sources and styles, including the Secret History of the Mongols (SH), which was transmitted in Chinese letters, while Phags-pa documents mainly consist of edicts and Arabic documents of dictionaries with isolated example sentences. Except for *-m*, which is restricted to 14th century dictionaries, different variants of suffixes are probably due to the categories male singular, female singular and plural. This has been established most firmly for the past perfective forms, especially the factual past with male singular *-bA*, female singular *-bi* and plural *-bAi* [Ozawa 1961; Tümenceceg 1990; Manduqu et al. 1997: 491—494; Street 2008: 408—420] (make a claim about present forms)[5]. There are also the rare suffix *-d* and the fairly frequent but distributionally restricted suffix *-i*/*u*. While Rybatzki [Rybatzki 2003: 76—77] classifies the latter as a participial suffix, I am uncertain as to whether all copula forms classified here indeed show an attributive use; however, an attributive use of *-d* might also have existed.

The **participial suffixes** of MM were *-GsAn* (*-GsAd*), *-Gci* (*-Gcin*, late MM *-Gcid*), *-QU* (*-QUi*, *-QUn*) and *-GA* (*-GAi*)[6]. The variants can be accounted for as plural forms occasionally extended to exalt subjects or insult them with (sarc.) *-QU* vs. *-QUi* might be exceptional in drawing distinctions between future and present. According to [Bayarmendü 1986], 86.3 % of *-QU*-forms in the SH have future and 86.5 % of *-QUi*-forms present time reference[7]. *-QU* frequently occurs in sentence-final position and so does the much rarer *-GA*, whereas *-sAn* and *-QUi* are only rarely used sentence-finally. *-Gci* already appears to refer to the agent and is basically absent from sentence-final predications.

The **copulas** used in MM were *a-* (< ‘exist, be located’ < ‘live, be alive’) and *bü-*[8] (< ‘exist, be located’, arguably also ‘stop doing’) [Nasunurtu 1989: 90—96]. The copula *bayi-* (< ‘exist, be located’ < ‘stop + stand’)

[4] Rybatzki does not list *-lUGA* for documents in Uyghur script, but even if the somewhat grammaticalized *bü-lüge* ‘was’ and *keme-le* ‘said’ are not counted, the Stone of Cinggis Qan, Xiao Jing, the Sino-Mongol inscription of 1335, and Gasan’s letter to Pope Boniface from 1302 contain one instance of *-lUGA* each.

[5] Reconstructing proto-forms for these suffixes is not usually an easy task. As Toγtambayar suggests, *-mUi* probably goes back to *-n bu-yu* or *-n bu-i* where the locative meaning of the copula plus the ancient generic suffix *-yu* were reinterpreted into present tense [Toγtambayar 2012: 171—185]. Note that this explanation seems to require that *-i* was reanalyzed as a plural marker at a later stage, possibly in analogy with pre-existing verbal or adjectival paradigms. Toγtambayar further suggests *-mUi* > *-m* / *-nAm* > *-nA*, but a sound change to directly convert *-mUi* into *-nam* seems unlikely. Rather, *-nAm* was an innovation of the Arabic texts, and thus the westernmost dialects of MM can be analyzed as consisting of the converb *-n*, the recent copula *a-* and the recent suffix *-mU* or *-m*. Its genesis would have exactly paralleled the genesis of *-mUi*, except that semantically less bleached morphemes were used. The third form that allows for reasonable guessing is *-jUGU*. Bese reconstructs *-jU.GU* as ⟨converbum⟩ “imperfecti” and ⟨participium⟩ “futuri.potential” [Bese 1970: 29—30]. The morphemes are probably identified correctly, but no variety of Mongolic allows a converb and a participle to combine freely. Assuming *-JU a-QU(i)* would solve the problem, but this requires making the problematic assumption that the copula use of *a-* is older than *-jUGU* itself. Imperfective converb plus copula would be a strange source for non-firsthand perfective semantics, but the meaning of *-jU* plus copula was perfective in MM (see 4.1.2.). This indicates a resultative construction from which a secondhand marker could have emerged in a cross-linguistically common way [Aikhenvald 2004: 279—281].

[6] Rybatzki also lists *-dAG* [Rybatzki 2003: 76—77], but as Bayarmendü correctly points out, it behaves like a deverbal adjective in MM [Bayarmendü 1986: 50—51]. *-dAG* is rare, does not take direct objects and, as Matsuoka notes, might have been a Turkic loan [Matsuoka 2008: 126—128].

[7] Street had previously noted that SH *-QU* expresses future, while *-QUi* is unmarked for time [Street 1957: 18]. Bayarmendü states that the use of *-QU* for future is down to 60 % in later MM sources [Bayarmendü 1986].

[8] The nature of the vowel in *bü-* is highly problematic [Nasunurtu 1989: 96—99], varying as it does between *ü*, *ö*, *u*, *i*, but the distribution of these vowels is complementarily tied to particular suffixes, so this need not concern us here.

found in all modern Central Mongolic varieties had not yet emerged [Secen 1993: 39—40], and even the peripheral copula-like *bolai*, based on the stem *bol-* 'become' and the suffix *-u/i*, is not attested for non-dynamic uses in early MM texts [Secen 1989; Secen 1993: 46—48]. Both *a-* and *bü-* have an incomplete paradigm, but while *a-* (as copula and as a full verb) is lacking only the zero imperative, the semantically bleached *bü-* is not attested with *-bA*, *-mU*, *-Gci* and *-GA*, the converbal suffixes *-n*, *-bAcU* and *-GsAGAr* and the moods *-yA*, *-dQUn* / *-GtUn* and *-sUGAi* [Ozawa 1965: 92—93; Nasunurtu 1989: 100][9]. However, *bü-* is much more common (60—100:1) with *-yU* and *-lUGA*, and *a-* with *-jUGU* [Nasunurtu 1989: 99—100, 104], and it is *bol-* rather than *a-* (at 50:1) that combines with the most frequent past suffix *-bA* [Ozawa 1965: 94; Street 2009: 130][10]. *A-* tends to combine with *-QU*, whereas *bü-* is much more common with *-QUi* [Ozawa 1965: 95].

The **periphrastic constructions** of MM, as is equally true for all of Mongolic studies, have not been the subject of much research. Matsuoka analyzes them as combinations of converbs plus copulas without suffixes, assuming that aspect and tense (/ evidentiality) can be strictly separated [Matsuoka 2008]. For the SH, he gives the following form count for quoted speech within the narrative and non-quoted, narrative sentences.

Table 2

Combinations of converbs / participles with auxiliary roots in the SH [Matsuoka 2008: 146]

	-n bü-	*-n a-*	*-jU bü-*	*-jU a-*	*-QU bü-*	*-QU a-*	*-GsAn bü-*	*-GsAn a-*	sum
quoted	44	37	30	45	57	4	10	5	232
other	29	14	23	6	9	1	1	8	91
sum	73	51	53	51	66	5	11	13	323
	124		104		71		24		

Table 2 shows that progressives in *-n* are the most frequent non-finite aspectual construction, followed by resultative-progressives in *-jU*, relative futures in *-QU* and past perfects in *-GsAn*. It also indicates that some combinations such as *-jU a-* and *-GsAn bü-* are relatively more frequent in direct speech than in narrative contexts, and that *-QU a-* is rare in general. Such phenomena become clearer when the finite suffixes are also included in the picture.

Table 3

Combinations of converbs / participles with inflected auxiliaries in MM [Nasunurtu 1989: 109—110]

	-n	*-jU*		*-GsAn*	*-QU(i)*
bu-yu	17	0	*bü-lüge*	3	73
a-mu	1	17	*a-juɣu*	68	4
sum	18	17		71	77

If converbal constructions are non-past, there is a strong tendency for *-n* to combine with *bu-yu* (and thus, importantly, it combines with *-yU* rather than *-mU*), and the reverse holds for *-jU*. The participle *-GsAn* has a strong tendency to combine with *a-juɣu* rather than *bü-lüge*; the reverse holds true for *-QU*. Moreover, the SH does not contain a single instance in which a present copula directly follows a participle. Apparently, it is combinations of forms that need to be investigated. The core inventory of contrasting aspect markers in sentence-final position in the sources that were evaluated (see *Section 2*) consists of the following forms (plus plural and gender variants).

[9] *-Gci* and *-bAcU* are only listed by Ozawa; *-QtUn* is only listed by Nasunurtu. Following Ozawa, my listing assumes *bui* and *amu(i)* to paradigmatically correspond. The rare *-d* appears to be attested with neither form.

[10] While combinations of *a-* with uncommon suffixes mostly represent its use as a full verb, the letter of Argun to Nikolai IV of 1290 contains the following sentence in which *a-ba* cannot mean 'lived sending' but rather means 'was sending'. Yet, this combination cannot be considered part of the aspectual system of MM as represented in larger texts.

ta	*kiristan*	*irgen-dür*	*ada*	*büü*	*kür-tügei*	*keme-jü*	*kedünte*	*ba*	*duɣul-ɣa-n*
2.PL	Christian	people-DAT3	evil	NEG.IMP	reach-3.IMP	say-PFV.C	sometimes	FOC	listen-CAUS-CVB
ilci-n	*ile-ged*	[*ü*]g[*ü*]*le-ci*	*kü*	***ile-n***	***a-ba***	*je*			
messenger-PL	send-CVB.then	speak-V>N	FOC	send-CVB	COP2-PST.FC	IP			

'vous avez aussi à plusieurs reprises, nous faisant des communications, envoyé des ambassadeurs et dépêché des porteurs de messages verbaux disant: «Que du mal ne soit pas fait aux peuples chrétiens!»' [Mostaert, Cleaves 1952: 451] (for reconstructing *ügüleci* from the illegible deverbal substantive [...]g[...]*le-ci* see [Mostaert, Cleaves 1952: 461]).

Table 4

Temporal, aspectual and evidential form inventory of MM

imperfective	perfective
-mU	*-JUGU*
-yU	*-lUGA*
	-bA
-QU	*-GA*
-QUi	*-GsAn*
-d	
-QU bol-ba	
-QU(i) bü-lüge	*-GsAn a-juɣu / bü-lüge*
	-GA bü-lüge
-n bu-yu	*-jU a-mu*
-n bü-lege / a-juɣu	*-jU bü-lüge / a-juɣu*

The newer finite verb *-nam* that seems to have emerged in the West in the 14th century was excluded from this analysis, as it did not reach the other MM areas and is only attested in lexicon entries. Due to the very limited material available for *-i*/*u* with non-copula verbs, this form was not included either, even though the copula form *bu-i* will be mentioned occasionally in the discussion.

2. Corpus

Given what was previously known about the inventory of MM, a set of MM texts had to be selected from MM sources to investigate the functions of this inventory. Because surviving MM texts are relatively few, an electronically readable corpus containing texts, reading variants and translations would have made it possible to analyze the entire corpus. As such a corpus does not exist yet, a subset of materials had to be selected. Due to their formulaic nature, decrees in Phags-pa script and dictionaries in Arabic script could not contribute much to this study, leaving me with the texts in Mongol and Han script.

Texts that were fully analyzed are as follows:

— the Secret History of the Mongols (SH), by far the largest, stylistically most diverse and best-analyzed MM text, which mainly narrates the life of Cinggis Qan[11];

— four of the Sino-Mongol inscriptions (SMI 1335, 1338, 1346, 1362), which are largely secondhand narratives about the lives of important vassals of the Yuan court that were embedded in firsthand notes by the authors and translators;

— the Mongol version of the Xiao Jing (XJ), a Confucian writing about timeless social relations (translated within the Yuan period).

Some additional sources were used eclectically. For instance, the Subhāṣitaratnanidhi, the MM translation of a Buddhist scripture from Tibetan that consists of several hundred wise sayings in four stanzas each, was an important source for generic and habitual meanings, but no other verbal forms from it were evaluated.

3. Imperfective domain

The imperfective domain consists of the generic *-yU*, the progressive-habitual *-mU*, the present progressive *-n buyu*, the past progressive *-n bü-lüge* / *a-juɣu*, the future *-QU*, the complex forms *-QU(i) bü-lüge* and *-QU bol-ba* and possibly the suffix *-d*, which, beyond the meaning of plural, is semantically unclear. These markers will be discussed in this order.

3.1. The generic *-yU* and the progressive-habitual *-mU*

3.1.1. Previous research

No specialized studies seem to exist for the finite verbal suffixes *-yU* and *-mU*. Street [Street 1957: 17—18] and Manduqu et al. [Manduqu et al. 1997: 491—494] just call both “non-past”. Poppe considers *-mU* to be a

[11] The year in which the SH was written is subject to ongoing debate. De Rachewiltz argues that most of it was written in 1229 [de Rachewiltz 2008], while Atwood argues that it was written in its entirety in 1252 [Atwood 2007]. Even 1228, 1240 and 1264 have been suggested by scholars (see discussion in [de Rachewiltz 2004]).

normal non-past and *-yU* to be a "deductive present" that "expresses actions considered a logical result of previous actions or antitheses to the latter" [Poppe 1954: 91—92], which is denied by Bosson for all of MM [Bosson 1969: 21]. Toγtambayar argues that *-yU* is used to represent actions and customs in a timeless, abstract way, while *-mU* is said to refer to present and future [Toγtambayar 2012: 177—179]. Nasunurtu perceives *a-mU* and *bu-yu* as harmonious combinations of copula and suffix expressing a modal category of objectivity (without referring to one's own perception of the action, possibly implying suddenness) and subjectivity (reference to the subject's personal perception of the action), respectively, but he does not analyze *-yU* and *-mU* on their own or example clauses in detail [Nasunurtu 1989; Ozawa 1965: 104].

3.1.2. Corpus representation

The frequency of *-yU* and *-mU* in the SH is quite similar (86 vs. 109 tokens) but excluding copula verbs shows significant differences. The ratio of *bu-yu* vs. *a-mU* is 59 vs. 16 tokens, leaving a ratio of 27:93 (1:3, 4) for *-yU* vs. *-mU* with other verbs. A priori including *bu-yu* in the analysis of *-yU* would thus be inappropriate. In contrast, the ratio in the philosophical XJ (excluding *bu-yu* and *bu-i*, including *a-yu*; *a-mU* does not occur) is 18:4 (4, 5:1) in favor of *-yU*. Likewise, *-yU* predominates in the Subhāṣitaratnanidhi.

3.1.2.1. Uses of *-yU*

-yU occurs in main clauses of conditional sentences. The protasis marked with the conditional converbal suffix *-bAsU* specifies a generic condition from which a particular consequence follows with necessity. This use is especially frequent in the XJ, accounting for 30—32 of 41 total uses of *-yU*[12].

(1) *ede=ger* *üile-s-i* *irgen-i* ***jasa-basu*** *irgen_oryan*
DPROX.PL=FOC act-PL-ACC people-ACC order-COND.C people
coγ *jali-d-aca* *ayu-ju* *aγali_aburi* *in-u* ***taγala-yu,***
sparkle flame-DAT2-ABL fear-PFV.C character 3SG-GEN love-GN
üligerle-jü ***enggesige-yü***[13]
take.as.model-PFV.C put.on.rouge(?)-GN[14]
'If he ⟨can⟩ manage these deeds and the people, the people will be awed by ⟨his⟩ glory and will love his virtue. They will take him as a model and imitate him' [XJ: 20b:6—21a:2; de Rachewiltz 1982: 46].

(2) *qoyar* *gürdü-tey* *tergen* *nököe* *gürdü-ben* ***ququra-asu*** ***newü-n*** ***yada-yu***
two wheel-POSS cart other wheel-RPOSS break-COND.C move-CVB can.NEG-GN
'If a two-wheel cart breaks its second wheel, it cannot move' [§ 177, 6233—6234; de Rachewiltz 2004: 97].

In agreement with Toγtambayar's analysis, *-yU* occurs in individual-level predications such as (3) and generic predications as in (4) to (7), including in the necessary results of causes, as in (6) and (7).

(3) *ecige* *min-u* *Naqu* *bayan* ***kee-gde-yü***
father 1SG-GEN Naqu rich say-PASS-GN
'My father is called Naqu the rich' [§ 90, 2298—2299].

(4) *boγda* *sayi-d* *öber-ün* *gem-iyen* ***üje-yü*** *mayu-i* *kümün* *busu-d-un* *gem-i* ***eri-yü***
holy good-PL self-GEN fault-REFL see-GN bad-PL person other-PL-GEN fault-ACC seek-GN
'The saintly see their own faults // The knaves seek the faults of others' [Subhāṣitaratnanidhi: § 109; Bosson 1969: 224].

(5) *γarudi* *sibaγun* *qoro-tu* *moγai-yi* ***ala-yu*** / *turaγun* *ülü* *cida-yu*
garuda bird poison-POSS snake-ACC kill-GN jackdaw NEG.IPFV can-GN
'The garuda bird kills the poisonous snake; the jackdaw cannot' [Subhāṣitaratnanidhi: § 4; Bosson 1969: 201].

[12] In the two unclear cases the conjunction *tula* 'because' is between *-bAsU* and *-yU*.

[13] There is a noun *engeseg* 'rouge' in Khalkha, but as nominals cannot directly convert to verb stems in MM, one would expect an additional suffix as a means of derivation here.

[14] By and large, the glossings in this paper follow the Leipzig Glossing Rules.

(6) *Tende* *Uruud* *Maŋqud* *kee-n* *irgen* *in-u* *bu-y.* *Tede* *irgen* *in-u*
there Uruud Manqud say-CVB people 3SG-GEN COP1-*i*/*u* DDIST.PL people 3SG-GEN
qadqu-ldu-muy *je.* *Toori-quy* ***tutum*** *toyi* ***joki-yu***.
stab-RECP-IPFV IP turn-FUT.P every.time battle.array fit-GN
Derelgü-gü ***tutum*** *dem* ***joki-yu***.
turn.around(?)-FUT.P every.time order(?) fit-GN
‘(Ong Qan asked Jamuqa about those people on the side of the enemy who were likely to fight hard. Jamuqa answered:) There are his people called the Uru’ut and Mangqut; those people of his will fight indeed: Every time they turn about / Their battle array holds / Every time they wheel round, too / Their ranks hold’ [§ 170, 6032—6035; de Rachewiltz 2004: 90].

(7) ***tegü-ber*** *ayali_aburi-ban* *soyül_surγal-i* *bütü-ge-ged* *ulus-un* *üile-yi*
DDIST-INS character-RPOSS teaching-ACC become.complete-CAUS-PFV.C state-GEN action-ACC
ba *tungγaγa-n* ***cida-yu***
FOC promulgate-CVB can-GN
‘Therefore, having perfected his virtue and teaching, he ⟨*the sage ruler*⟩ is also able to promulgate (carry out) the affairs of state’ (immediately after 0) [XJ: 21a:2—4; de Rachewiltz 1982: 46].

Note that (6) employs a temporal construction with some similarities to conditionals and that (7) is a necessary consequence not within a conditional, but within a causal sentence. On the other hand, *-yU* does not appear to be used in merely habitual, attitudinal and potential predications (see [Bertinetto, Lenci 2012] for these categories).

The use in rhetorical questions as in (8) below, the almost identical Z318 and the additional Y238 does not in any obvious way seem to follow from the generic meaning discussed above. A detailed investigation would require additional material.

(8) *jusurid-cu* *yeki-n* *teyin* *šiliun* *aqa* *deü-yü-en* *ulki-n*
flatter-PFV.C do.what-CVB so upright elder.brother younger.brother-ACC-RPOSS backbite-CVB
jiŋkü-n *ügüle-yü*
slander-CVB speak-GN
‘⟨At these words of Jamuqa, Gürin Ba’atur of the Ubciq said:⟩ How can you speak so deceitfully, backbiting and slandering of your upright brother?’ [§ 160, 5309—5311; de Rachewiltz 2004: 81].

The only instances of *-yU* in the SH outside of quoted speech are three instances of *bu-yu*. One is a complement of the verb ‘know’ [2395—2396]; one is strictly *-n bu-yu* [1202]. The last instance is the unclear (9). There are two debatable past uses in the XJ presented in (10), but one might argue that if the preconditions of the past still obtained, the causal relationship would still hold and that we are thus dealing with regular generic conditionals.

(9) *üje-esü* *qaqca* *güün* *metü* ***bu-yu***
see-COND.C single person like COP1-GN
‘⟨Then, a moment later, another man approached. He advanced and drew closer, his feet dangling under him; yet,⟩ when one looked, it *was* like a single person. ⟨When he came up and drew to a halt, it was Boroqul mounted double behind Öködei⟩ ⟨*the latter being seriously wounded*⟩’ [§ 173, 6136; de Rachewiltz 2004: 93].

(10) *Ecige* *eke-dür* *in-u* *tabiγla-n* *cida-juγui.* ***Egün-ü*** ***siltaγa-bar*** *esen* *bü-küi-dür*
father mother-DAT3 3SG-GEN serve-CVB can-PST.2H DPROX-GEN reason-INS healthy COP1-FUT.P-DAT3
ecige *eke-yin* ***sedkil*** ***amu-yu*** *taqil* *taqi-basu* *sür-tür* *an-u* ***kür-te-yü***.
father mother-GEN mind rest-GN sacrifice sacrifice-COND.C soul-DAT3 3PL-GEN arrive-PASS-GN
Tegü-ber *delekei* *ulus* *joqira-ju* *tübsigeridü-ged* *ada* *tüligen* *ülü* *bolu-n*
DDIST-INS world people suit-PFV.C pacify(?)-CVB.then misfortune adversity NEG.IPFV become-CVB
todqor-tu *samaγu* *üile-s* *ese* *kü* *edü-jügü.*
calamity-POSS disturbance act-PL NEG.PFV FOC start-PST.2H
‘⟨...⟩ *he* ⟨*the servant in the days when the enlightened rulers of old were still governing the world by means of the norm of filiality*⟩ *was* able to render service to his parents ⟨*i. e. his masters*⟩. Because of this, when they were alive, the parents had peace of mind; ⟨and when they were dead,⟩ if one offered a sacrifice to them, *it* attained to their spirits. Therefore, the world was in harmony and peace, and as there were no calamities, noxious and troublesome affairs did not, indeed, arise’ [XJ: 15a:3—15b:3; de Rachewiltz 1982: 45].

3.1.2.2. Uses of *-mU*

As noted by Matsuoka, *-mU* can yield present reference with both states and activities [Matsuoka 2008: 118—122][15]. Reference both to activities as ongoing, as in (11) and (12), or as stretching over a long period in time (either habitual as in (13) and (14), or attitudinal, as in (15)) is quite frequent.

(11) *Eke eke öter bos-Ø. Qajar* ***derbelü-müy****; tübüriün* ***sonos-ta-mU***
mother mother quick rise-IMP ground tremble-IPFV sound.of.feet hear-PASS-IPFV
‘⟨Old Qoaqcin... got up and said:⟩ Mother, mother, rise up quickly! The earth is shaking and one can hear the sound of trembling hoofs ⟨...⟩’ [§ 98, 2425—2427; de Rachewiltz 2004: 31].

(12) *edöe noqa-n-u dawun idüre-küy qucal* ***quca-mUy***
now dog-PL-GEN sound arrive.CAUS(< Turkic)-FUT.P bark bark-IPFV
‘(You have cut off the dead ⟨qan’s⟩ head and brought it here; the next ⟨thing⟩ you ⟨do is to⟩ crush it to pieces. This is not right. The sound of our dogs’ barking has turned nasty. Inanca Bilge Qan ⟨formerly⟩ said: ⟨...⟩) Now the sound of the dogs is barking a ⟨gloomy⟩ bark of ⟨what⟩ you have ⟨just⟩ caused to arrive ⟨in the future⟩’ [§ 189, 7105—7106] (translation of text preceding example from [de Rachewiltz 2004: 111]).

(13) *Üdür büri man-tur ire-jü esügcile-jü* ***od-umu****. Söni maqa*
every day 1PL.EXCL-DAT3 come-PFV.C drink.kumis-PFV.C proceed-IPFV night actually(?)
qaa qono-[suffix missing] *a-juu. Hörene ümere-ece key bol-uasu qarciqay-bar*
where spend.night-[?] COP2-PST.2H west north-ABL air become-COND.C hawk-INS
bari-ul-uqsan noqu-d qalawu-d-un ödün hüsün an-u burqaliq casun metü
grab-CAUS-PRF.P duck-PL goose-PL-GEN feather fluff 3PL-GEN swirling snow like
butara-ju ***keyis-cü*** ***ire-mü****.*
scatter-PFV.C fly.with.wind-PFV.C come-IPFV
‘Every day he comes to us, drinks kumis, then leaves. Where he spends the night no one really knows; but when the wind blows from the north-west, the fluff and feathers of the ducks and geese caught by his hawk are scattered and *come flying* over here like swirling snow’ [§ 31, 1193—1197; de Rachewiltz 2004: 6].

(14) *edüge-ki Monggol irgen bicig erdem ese ber* ***sur-basu*** *nige-ken*
today-ATTR Monggol people script science NEG.PFV FOC learn-COND.C one-DIM
üge ügüle-kü dütüm üile üi[l]edü-kü dütüm erten-ü sece-d sayi-d[-un]
word say-FUT.P each.time deed do-FUT.P each.time early-GEN wise-PL good-PL[-GEN]
üile-dür toqiyaldu-n neyil-mü
deed-DAT3 agree-CVB unite-IPFV
‘Although the present Mongolian people do not study the ⟨Chinese⟩ classics, each time they speak ⟨but⟩ a single word or each time they perform an action, they are in accord with the actions of the wise and good of antiquity. (If one say, “What ⟨is⟩ the reason?” it must be that they have, indeed, been born by the destiny of Heaven)’ [SMI 1338: 17—18; Cleaves 1951: 69].

(15) *Basa bida elci-n haul-urun ulus bitü-ül-ün* ***haul-qa-mUy****.*
also 1PL.INCL messenger-PL haste-CVB.PRAEP people roam-CAUS-CVB haste-CAUS-IPFV
Haul-qu-n elci-n-ü ba yabudal udaan bu-y.
haste-FUT.P-PL messenger-PL-GEN FOC movement slow COP1-*i*/*u*
‘Further, when the messengers ride in haste, we make them ride in haste, ⟨but⟩ let them roam among the people. The movement of these hasty messengers is slow’ [§ 279; Z489—490].

Individual level or generic predications do not seem to be attested with *-mU* in the SH or the SMIs. There are, however, 93 uses of *-mU* in the Subhāṣitaratnanidhi[16], and some of these are used in sentences exactly parallel to sentences in which *-yU* is used. This often happens in conditional clauses (for example, [§ 127, 130, 132]) but is not restricted to them.

[15] Matsuoka talks of “zero” as he contrasts *-mU* with analytic forms, but as he does not look at *-yU*, I take these statements as pertaining to *-mU*.

[16] Bosson does not provide a count for *-yU*, but given that there are 457 stanzas apparently with zero to four instances of *-yU* each, *-yU* appears to be about ten times as frequent as *-mU*.

(16) *mayu-i* *ijayur-ta-n* *busu-d-un* *sayin-iyar* *bolu-ɣsan-i* *öber-ün* *erdem-e*
bad-PL root-POSS-PL other-PL-GEN good-INS become-PRF.P-ACC self-GEN merit-DAT1
toɣa-yu *luu-s-un* *kiciye-jü* *oro-ɣulu-ɣsan* *qora-yi* *tariyacin*
count.as-GN dragon-PL-GEN strive-PFV.C enter-CAUS-PRF.P rain-ACC farmer
öber-ün *öljei* *keme-n* ***sedki-müi***
self-GEN fortune say-CVB think-IPFV
'Those of base origins consider what has come about through the goodness of others as their own attainment. The farmer thinks that the rain the nãgas have exerted themselves to bring is his own good fortune' [Subhāṣitaratnanidhi: § 157; Bosson 1969: 235].

However, *-yU* is used to indicate a general rule, while only the exemplary instance takes *-mU*, thus preserving a semantic difference even here. Some of the exemplifications in the Subhāṣitaratnanidhi clearly refer to particular events or stories, and the statement about the farmer **can** be construed as specific.

3.1.3. Future time reference of *-mU*?

Both Toɣtambayar [Toɣtambayar 2012: 178] and Matsuoka [Matsuoka 2008: 120—121] claim there to be future uses of *-mU*. The latter even claims that future is the most conventional meaning of *-mU* with activities. However, this must be taken with a grain of salt. Future uses do occur, but only in a number of specifiable conditions, namely, preceding the particle *je* and in conditional sentences. The meaning of the particle *je* still requires a more detailed analysis: it might turn out to be either epistemic (high probability, necessity) or illocutionary ('you can trust me that...'). There are a few instances containing *-mU je* that might be analyzed as referring to either future or present [X216; Y314], but while there are a number of clear instances with future reference, no clear instances with present reference are found. The use with conditional clauses differs from how *-yU* would be used in similar contexts. For instance, the condition-consequence relation in (18) appears to be meant to pertain to a specific general of Cinggis Qan during a specific campaign. In contrast to Confucius in (1), Cinggis is not raising the relation between condition and consequence to a law of nature. (19) is specific as well. It is worthwhile to point out that SH *-mU* in questions such as (20) does not refer to the future.

(17) *sayin* *ayali_aburi* *uruɣ-un* *uruɣ-a* *barasi_ügei* *tusa* ***bolumu*** ***je***
good character kin-GEN kin-DAT1 without.stopping help become-IPFV IP
'Good character will be of unceasing help for generation upon generation' [SMI 1335: 12—13].

(18) *bidan-i* *ecine* *ber* *bö-esü* *ile* *metü* *qolo* *ber* *bö-esü* *oyira* *metü*
1PL-ACC behind FOC be-COND.C clear like far FOC be-COND.C near like
sedki-jü *yabu-asu* *deere* *teŋgeri-de* *ber* ***ihee-gde-müy*** ***je*** *ta*
feel-PFV.C go-COND.C above heaven-DAT2 FOC protect-PASS-IPFV IP 2PL
'If you constantly think that even though We are out of sight it is as if visible, and even though We are far as if We were near, you will also be protected by Heaven Above' [§ 199, 8107—8110; de Rachewiltz 2004: 128].

(19) *Qahan* *soyurqa-asu* *nama-yi* *güün-e* *bodo-da* *bol-qa-ju* ***asara-mU***
Khan deign-COND.C 1SG-ACC person-DAT1 substance(?)-DAT2 become-CAUS-PFV.C care-IPFV
'If the Qa'an[17] shows favor to me, he will regard me as a human being and something of value and take care of me' [§ 155, 5225—5226].

(20) *Yau* ***saara-mUy***. *Nidün-ü* *ecine* *ge-dkün* *kee-be.* *Tedü* *gü* *mököri-ül-bAy.*
what diminish/weaken-IPFV eye-GEN behind cast-IMP.PL say-PST.FC similar FOC perish-CAUS-PST.FC.PL
' "Why hesitate? Cast him out of my sight!" He was cut down immediately' [§ 154, 5264—5265; de Rachewiltz 2004: 79] (more lit. 'What is weakening / restraining us? ⟨...⟩').

Several examples that are neither preceded by conditional clauses nor followed by *je*, such as (21), show potential ambiguity between present imperfective and future reference; however, it might be the case that all are imperfective. On the basis of this evidence, I tentatively conclude that *-mU* alone is incapable of expressing future.

[17] Note that *Qan* for the lord of a clan and *Qa'an* for the head of a major empire are different titles. Cinggis received the title *Qan* during his lifetime but was only made *Qa'an* posthumously. The SH (that is, if we presume it was written in 1228 or 1229) was edited later, and *Qan* was replaced by *Qa'an* almost throughout [de Rachewiltz 2004: 222, 457—462, 466—467, 759—760]. When talking of Temüjin, I refer to him as Cinggis *Qan*.

(21) *Nayman-u Taya qan qor cin-u ab-ura* ***ire-müy****. Nama-yi baraun*
Nayman-GEN Taya qan quiver 2SG-GEN take-CVB.in.order come-IPFV 1SG-ACC west
qar bol-Ø kee-jü ire-jüü[18]*; bi ese bol-BA.*
hand become-IMP say-PFV.C come-PST.2H 1SG NEG.PFV become-PST.FC
'Tayang Qan of the Naiman is coming (arguably not: 'will come') to take your quivers. He approached me saying that I should be the right wing, but I refused' [§ 190, 7145—7147; de Rachewiltz 2004: 112].

3.1.4. Past time reference?

Another question is whether *-mU* can refer to the past (as claimed in passing by Aalto [Aalto 1970: 14]). There are three cases of *-mU* with apparent past reference in non-quoted sentences. Except for (22), these occur in prophetic visions [3385—3392; X280—82], but these passages are too short and lack any other past-referring forms that could be taken as the basis for an analysis. There is one intriguing example from quoted speech in (23) for which I have been unable to arrive at another explanation than a past imperfective one, but a better rendering of this example might be possible (note that both this example and 5360 contain a converbum praeparativum that might be part of the solution). The other, more numerous examples are instances of an extended reference time that includes both the time the event took place and the present [Klein 1994: 138]. Events in the more recent past, to which this use mostly pertains, are thus presented as part of the present. Most examples such as (24), 1213, 3306—3309, 6047, X282, contain verbs of saying, but some other instances such as (25), X400 are found as well.

(22) *Naqu_bayan-u ger-tür gür-BA; Naqu_bayan köün-ben Boorcu-yi jabqa-ju nisun*
Naqu_Bayan-GEN tent-DAT3 reach-PST.FC Naqu_Bayan son-RPOSS Boorcu-ACC lose-PFV.C mucus
nilbusu-bar a-juu. Genete gür-te-jü köü-ben üje-jü niken-te ***uyila-mU***
tear-INS COP2-PST.2H sudden reach-PASS-PFV.C son-RPOSS see-PFV.C one-times cry-IPFV
niken-te ***doŋqod-umu****.*
one-times scold-IPFV
'They arrived at the tent of Naqu Bayan. Naqu Bayan, having lost his son Boorcu, was in tears. When he was suddenly arrived at ⟨by them⟩ and he saw his son, he both wailed and scolded' [§ 93, 2346—2348].

(23) *Qan qan bü-tügey. Ecine bü-gü köü eri-rün elbesün jalama ki-jü*
qan qan be-3IMP behind be-FUT.P son seek-CVB.PRAEP magic magic.strip make-PFV.C
Abuy_babuy kee-n eri-n ***jalbari-mUy*** *bida. Edü-n törü-n bara-qsan*
Abui_babui say-CVB seek-CVB pray-IPFV 1PL.INCL that.much-PL be.born-CVB finish-PRF.P
köü Seŋgüm-i asara-ya.
son Senggüm-ACC take.care-VOL
'Qan, Qan, desist! Pleading for a son who was yet to come, we made magic strips and uttered ⟨the prayer⟩ Abui babui — we prayed, pleading for him. So at last ⟨your⟩ son Senggüm was born, let us take care of him!' [§ 174, 6166—6168; de Rachewiltz 2004: 94] (this sentence introduces a plea to Ong Qan not to try to finish off Cinggis Qan's forces now but to withdraw in order to be better able to take care of his wounded son Senggüm).

(24) *Köün-i ker tebci-sü* ***kee-müy*** *ta. Cida-n ele üyiled-üdkün ta. Mede-dkün.*
son-ACC how renounce-VOL say-IPFV 2PL can-CVB FOC do-IMP.PL 2PL know-IMP.PL
'You say: "How shall we do away with the son?" Just do what you can — it is for you to decide' [§ 167, 5446—5448; de Rachewiltz 2004: 86] (Ong Qan is addressing his natural son, Senggüm, about how to kill his adopted son, Cinggis Qan).

(25) *Yeki-gse-d Qoŋqotan tede. Öcigen Qasar-i ömöre-jü janci-ju gü*
do.what-PRF.P-PL Qongqotan DDIST.PL yesterday Qasar-ACC team.up-PFV.C beat-PFV.C FOC
bü-leey. Edöe basa ene Odcigin-i yeki-n qoyina-ca-an ***sögöd-ge-müy****.*
COP1-PST.1H now also DPROX Otcigin-ACC do.what-CVB back-ABL-RPOSS kneel-CAUS-IPFV
'(Before Cinggis Qa'an could utter a sound, Lady Börte sat up in bed, covering her breasts with the edge of the blanket. Seeing Otcigin weep, she ⟨herself⟩ shed tears and said:) What are those Qongqotan doing? They recently ganged up and beat Qasar. And now, why do they make this Otcigin kneel down behind them?..' [§ 245; X363—366; de Rachewiltz 2004: 171].

[18] This instance of *-jUGU* might pose a problem for the evidential analysis outlined below. The solution might be to interpret *-jUGU* as pertaining to *kee-* instead of *ire-*. Tayang Qan did not make this request in person, but relied on a messenger [§ 190], so the speaker does not have actual firsthand knowledge that these words are Tayang Qan's.

3.1.5. Evidentiality?

Following the (inconclusive) studies on *bü-* and *a-* quoted above, one might ask whether there is an evidential difference between *-mU* and *-yU*. Judging from the examples discussed so far, this seems unlikely. 0 refers to firsthand visual knowledge, and 0 is likewise firsthand, while 0 refers to hearsay. Thus, *-mU* is evidentially neutral. As for *-yU*: while 0 and 0 refer to firsthand knowledge, 0 and 0 refer to circumstances that Confucius himself only knew from hearsay. Other modal distinctions could still exist, but concepts like subjectivity and objectivity do not constitute a linguistic domain, but much higher-level pragmatic phenomena [Mushin 2001]. Rather, the difference between a generic marker such as *-yU* and a progressive-habitual marker such as *-mU* may correspond to different epistemological nuances: generic statements are claimed to be very reliable by the speaker, while statements about activities in progress are less so.

3.1.6. Summary

Overall, *-yU* marks generic predications, while *-mU* refers to progressive or habitual contexts in MM. While some evidence remains unclear, no past reference can be established for *-yU*, and past reference that cannot explained as extended present time reference seems so rare for *-mU* as to be exceptional. Both forms can be used in conditionals, but these only specify generalizable rules with *-yU*. *-mU* can express future time reference both in conditionals and when followed by the particle *je*; these are **condiciones sine quibus non**. Both forms are purely tempo-aspectual without any evidential denotations.

3.2. The present progressive *-n bu-yu*

-n bu-yu appears to refer to events in progress, but compared to *-mU* this form is quite rare. If we confine our attention to the SH, *-n bu-yu* is used 8 times, compared to the 109 times that *-mU* is used. Among these, however, there are only 10 clear and 10 arguable instances of *-mU* referring to actions in progress, so *-n bu-yu* codes a significant percentage of progressive events. *-n bu-yu* / *bu-i* is frequent in some later documents such as the letter of Argun to Nicolas IV of 1290 and an undated poem (document No. 6: *ögülebesü jirubasu tamu-yi*, etc., too long to quote here) from Turfan.

(26) *jöb=üü tab=uu* ***ügüle-n*** ***bu-yu***
right=Q ?=Q speak-CVB COP1-GN
‘(When he was told this, Ong Qan said: “How can you think such ⟨things⟩ about my son Temüjin? Until now we had him as our support, and if now we harbor such evil intentions towards my son, we shall not be loved by Heaven. Jamuqa has a glib tongue”.) Is he speaking rightly, correctly?’ [§ 167, 5426—5431; de Rachewiltz 2004: 85].

(27) *Yaun güün-ü eme teyin* ***qayila-n*** ***bu-yu*** *kee-n asa-ura güün ile-be;*
what person-GEN woman like.that cry-CVB COP2-GN say-CVB ask-CVB.in.order person send-PST.FC
tere güün od-cu asaq-basu tere eme güün ügüle-rün Sorqan_šira-yin
DDIST person proceed-PFV.C ask-COND.C DDIST woman person say-CVB.PRAEP Sorqan_Sira-GEN
ökin bi; Qadaan nere-tey. Ere-yi min-u ende ceri-üd bari-ju ***ala-n*** ***bu-yu****.*
daughter 1SG Qadaan name-POSS male-ACC 1SG-GEN here soldier-PL grab-PFV.C kill-CVB COP2-GN
Ere-yü-en ala-qda-run Temüjin-i ere-yi min-u abura-tuqay kee-n
male-ACC-RPOSS kill-PASS-CVB.PRAEP Temüjin-ACC male-ACC 1SG-GEN rescue-3IMP say-CVB
uŋši-ju qayila-ju uyila-BA bi kee-be.
call-PFV.C cry-PFV.C cry-PST.FC 1SG say-PST.FC
‘(Cinggis Qa’an himself heard a woman in a red coat who, standing on tip of a ridge, was wailing loudly, crying “Temüjin!”) He sent a man to inquire whose wife was the woman who was crying like that. The man went and, having asked her, that woman said: “I am the daughter of Sorqan Sira and my name is Qada’an. The soldiers here captured my husband and *are killing* him. As *I was undergoing the killing of my own husband*, I cried and wailed and called on Temüjin to save my husband” ’ [§ 146, 4455—4464; Poppe 1965: 373—374; de Rachewiltz 2004: 67—68].

(28) [*da*]*l*[*a*]*i-yin busud ali be irgen öber-ün nom bicig-iyer jal*[*bari-qu-n*]
ocean-GEN other who FOC people REFL-GEN scripture text-INS [worship-FUT.P-PL]
aran qudalciya-n jalbari-n bu-i
subjects be.deceived(?)-CVB worship-CVB COP1-*i*/*u*
‘Les autres peuples de l’univers, quels qu’ils soient, ⟨étant des⟩ gens qui prient selon leurs propres religion et écritures, prient mensongèrement’ [Argun to Nicolas IV 1290; Mostaert, Cleaves 1952: 451].

Apparently, *-n bu-yu* was an unambiguous device to express present progressivity, coexisting with its contracted form *-mu(i)* < *-n bu-i* / *-yu*, which had acquired additional habitual and contextually determinable future uses.

3.3. Past imperfective *-n a-juɣu* / *bü-lüge*

-n a-juɣu / *-n bü-lüge* seem to express general past imperfective meaning including both activities in progress at a past point of reference and past habitual contexts. The two forms differ from each other evidentially, as discussed in 4.1.1.

(29) *Tere qurim bidan-aca Belgütey jasa-ad Ciŋgis qahan-u aqta bari-ju*
DDIST feast 1PL.INCL-ABL Belgütei organize-PFV.C Cinggis Khan-GEN gelding grab-PFV.C
bayi-n bü-lee; *Jürki:n-ece Büri_bökö tere qurim* ***jasa-n bü-lee.***
stop+stand-CVB COP1-PST.1H Jürkin-ABL Büri_Bökö DDIST feast organize-CVB COP1-PST.1H
Bidan-u kirüese-ece Qadagiday güün cilbur qulaq-uqsan-i qulaqay
1PL.INCL-GEN horse.station-ABL Qadagin person tether steal-PRF.P-ACC thief
bari-juuy. Büri_bökö tere güü-ben hoyimas-cu ⟨...⟩
grab-PST.2H Büri_Bökö DDIST person-RPOSS protect(?)-PFV.C
'The feast had been arranged on our ⟨side⟩ by Belgütei. He <u>was standing</u> ⟨outside the camp⟩ keeping Cinggis Qa'an's geldings. From the Jürkin's side Büri Bökö <u>*was organizing*</u> the feast. A man of the Qadagin tribe stole a tether from our horse station. Belgütei caught the thief, but Büri Bökö took that man under his protection' [§ 131, 4083—4087; de Rachewiltz 2004: 55].

(30) *Daidu balɣasun-dur job ese bol-juɣu. An-u ordu dotur-a aqa*
Peking town-DAT3 right NEG.PFV become-PST.2H 3PL-GEN ordu in-DAT1 elder.brother
degü-yü-gen alda-ɣsan metü med[el]-ün irgen in-u ecige eke-yü-gen
younger.brother-ACC-RPOSS lose-PRF.P like [authority]-GEN people 3SG-GEN father mother-ACC-RPOSS
keküdeglece-gsen sitü ***emgeni-n a-juɣu****. Kedün ödür-ün qoyin-a an-u*
lose(?)-PRF.P[19] like grieve-CVB COP2-PST.2H some day-GEN after-DAT1 3PL-GEN
balɣasun-u ɣadan-a emüne öröne jüg Qon_si_ling dabaɣan-u uɣ-tur
town-GEN outside-DAT1 south east direction Qon_si_ling pass-GEN foot-DAT3
buɣu-ɣsan a-juɣu.
lay.away-PRF.P COP2-PST.2H
'⟨When...⟩, he died in Beijing. Within their ordu they *were grieving* as if they had lost their elder or younger brother and the people of the district <u>*were grieving*</u> as if they had lost their father or mother. After several days, they buried ⟨him⟩ at the foot of Qon si ling, in the southwestern quarter outside of their city' [SMI 1338: 9—10; Cleaves 1951: 68].

(31) *irgen imayi ecige* [*me*/*si*]*tü* ***kündüle-n a-juɣu*** ⟨...⟩ *mön nasu büri ügüler-ün*
people 3SG.ACC father like honour-CVB COP2-PST.2H same year every speak-CVB.PRAEP
namayi irgen mede-gül-ün tüsi-besü. mön ene kü jasa-n
1SG.ACC people have.authority.over-CAUS-CVB appoint-COND.C same DPROX FOC organize-CVB
cida-qu bü-lüge bi ***keme-n a-juɣu****.*
can-FUT.P COP1-PST.1H 1SG say-CVB COP2-PST.2H
'The people <u>were honoring</u> him like a father. ⟨...⟩ He <u>used to say</u> every year: "If one had appointed me to govern the people, I would also have been able to administer ⟨them⟩ in the very same manner" ' [SMI 1338: 3—5].

In (29) *-n bü-lüge* marks a temporary activity, pertaining to one particular person at one particular occasion. The predicates themselves are an "inceptive state" [Breu 2005] (*bayi-* 'stop+stand') and an activity (*jasa-* 'organize'). Another presumably inceptive state is illustrated in (87) below. *Emgeni-na-juɣu* in (30) also refers to a temporally delimited event that is located in (while not necessarily confined to) the time span after the referent died, but before he was buried. (31) differs by presenting a habitual activity that reoccurred over several years, only ending with the death of the subject. This example seems to give a clear indication that *-n a-juɣu* functions not only as a past progressive, but as an imperfect past. While even the form *-QU bü-lüge*, which was discussed

[19] Cleaves discusses this word in some detail, but even if his explanation of the root and the daring metaphor he suggests should turn out to be correct, he does not have an explanation for the confusing third and fourth syllables [Cleaves 1951: 81—83]. Therefore, my gloss follows the Chinese original.

above, is used for past habitual situations, it might express a more specific potential meaning as well, thus avoiding identical semantics. Note that *-n a-ɣsan a-juɣu* appears to be an imperfective form as well, as discussed above[20].

3.4. Future *-QU* and the form *-n a-qu*

The form *-QU* expresses future [Rybatzki 2003: 77]. In the SH it occurs at least 68 times in finite position, but only 14 of these uses are positive declaratives. 6 have passive morphology, but only 2 of these, which are based on intransitive verbs, can be interpreted deontically as 'one has to' [Poppe 1965: 371]. 16 future uses are negated declaratives, and the remaining 38 are questions. As elsewhere in the SH, these are usually rhetorical.

(32) *Merkidey caqaan aman caqaan keer qoyar-i bari-ju abcira-Ø.*
Merkit white mouth(?) white steppe(?) two-ACC catch-PFV.C bring-IMP
Huya-ju söni erte ***morila-qu***.
tether-PFV.C night early ride-FUT.P
'(Having spoken thus, Narin Ke'en also told Kišiliq, his horse-herder,) "Fetch and bring the white Merkit ⟨horse⟩ and the bay with the white muzzle, and tether them: tonight, towards daybreak, we will ride out" ' [§ 169, 5493—5495; de Rachewiltz 2004: 87—88] (cf. [612]).

(33) *Teb_teŋgeri edöe* ***ire-gü***. *Cida-quy-aca ker ba üyiled-üesü ci mede-Ø*
Teb_Tenggeri now come-FUT.P can-FUT.P-ABL what FOC do-COND.C 2SG know-IMP
'Teb Tenggeri will come now. Know yourself what you ⟨want to⟩ do ⟨to him⟩ out of what you are able to do ⟨to him⟩!' [§ 245; X379—380].

(34) *Delegey edöe belen bol-uqsan-tur nököce-jü yaun* ***tusa bol-qu*** *bi.*
world now ready become-PRF.P-DAT3 befriend-PFV.C what help become-FUT.P 1SG
Munda anda-yin qara sönin-ü jewüdün-tür cin-u ***oro-qu*** *bi;*
however friend-GEN black night-GEN dream-DAT3 2SG-GEN enter-FUT.P 1SG
gegeen üdür-ün sedkil cin-u ***joba-a-qu*** *bi. Jaqa-yin cin-u böesün*
bright day-GEN mind 2SG-GEN suffer-CAUS-FUT.P 1SG collar-GEN 2SG-GEN louse
jahi-un cin-u örgesün ***bol-qu*** *bi.*
inner.lapel.of.coat(?)-GEN 2SG-GEN thorn become-FUT.P 1SG
'Now that the world is at your disposal, of what use would I be as a companion to you? On the contrary, sworn friend, I *will* intrude into your dreams in the dark night / I *will* trouble your heart in the bright day, / I *will* be a louse in your collar, / *A* thorn in the inner lapel of your coat' [§ 201, 8184—8189; de Rachewiltz 2004: 131].

(32) either implicates an intention or a scheduled event; (33) implicates an underlying schedule. In (34) Jamuqa (in the fictional universe of the SH) makes a prediction about the future in a fictional world in which he would accept Cinggis Qan's offer to spare his life, which he, however, is about to reject.

3.4.1. Modal nuances in context

Negated instances of *-QU* can always be interpreted as future, but in contrast to the non-negated examples, a potential reading often seems possible, too. In some non-negated rhetorical questions that suggest that the equivalent to the interrogative pro-word in the question corresponds to an indefinite pro-word plus negation in

[20] Matsuoka [Matsuoka 2008: 108—111] assumes that *-n bü-* can refer to resultant states, but this is doubtful: *ayisun (gu) ajuu* [§ 120, 3340—3341] might mean 'had even approached ~ had even come' at a point when Temüjin was mustering his people in the morning after his split from Jamuqa, but it is conceivable that even though both Temüjin with his people and his future vassals travelled through the night after his split, the future vassals were lagging behind. Having not been notified of Temüjin's split in advance, they might have started pursuing him only after his people had already departed, and only arrived in the morning when the proper subjects of Temüjin had already settled to rest. In the other example, *kituqay juqul-un bü-küy qar* [§ 214, 9141] and *kituqay juqul-uqsan qar* [9156] (both 'the hand that held the dagger') might refer to the same phase even if we do not assume a resultative meaning on the part of *-n bü-*, provided that one reconstructs the verbal aktionsart as 'grab+hold' akin to a verb like *bayi-* 'stop+stand'. In this case the progressive could refer to the second activity phase, while the perfect participle would refer to the situation obtaining after the dagger had been drawn. Because *-n bü-* could just be taken as referring to a phase in the aktionsart of a verb, if all other things are equal, Matsuoka's hypothesis would be disfavored by its avoidable complexity.

the answer, e. g. that the question asks for an empty set of entities, the future marker can always be reinterpreted as implying lack of possibility, ability, etc. However, while this is one of its major uses, this modal nuance should not be seen as part of the meaning of *-QU*.

(35) *Ciŋgis qaan-u ed_aurasu ecineün yeki-n qulaq-cu abcira-ju ög-ümü ci.*
Cinggis Khan-GEN possessions stealthily do.what-CVB steal-PFV.C bring-PFV.C give-IPFV 2SG
Bi ***ülü ab-qu***
1SG NEG.IPFV take-FUT.P
(The city of Jungdu has just surrendered to the forces of Cinggis Qan. The former steward of the city has taken satins with him to give as presents to the new stewards sent by Cinggis Qan. But upon his offering, one of these stewards says: "Formerly, the goods of Jungdu, and the very ⟨city of⟩ Jungdu, did belong to the Altan qan. Now Jungdu surely belongs to Cinggis Qa'an.) How can you give us the goods and satins of Cinggis Qa'an, stealing them and bringing them ⟨here⟩ behind his back? I shall not take them"' [§ 252; Y158—159; de Rachewiltz 2004: 180].

(36) *Edöe oyi in-u oro-ju a-mU; sedkil in-u seŋtere-jü a-mU kee-gde-müy.*
now reason 3SG-GEN enter-PFV.C COP2-IPFV mind 3SG-GEN open-PFV.C COP2-IPFV say-PASS-IPFV
Temüjin nama-yi ***ülü ükü-ül-gü.***
Temüjin 1SG-ACC NEG.IPFV die-CAUS-FUT.P
'They say that now his reason has set in and that his mind is opened. Temüjin will not make me die' ⟨sic!⟩ [§ 149, 5044—5045].

(37) *edöe min-u emüne ken teyin* ***ölümle-jü ög-gü***
now 1SG-GEN before who so fight.to.death-PFV.C give-FUT.P
'(To secretly injure ⟨= (?) kill by poisoning⟩ Doqolqu was also a fault ⟨of mine⟩. And why was it a fault? ⟨Because⟩ to secretly injure Doqolqu who strove fiercely in the service of his rightful ⟨lord⟩, my father the Qan, was a fault and a mistake.) Who will now strive so fiercely in my service?' [§ 281; Z570—571; de Rachewiltz 2004: 218].

While impossible in the intentional (35), the incorrect prediction in (36) would allow for an alternative (but probably incorrect) reading 'is not likely to kill me,' and the translation 'Who could now strive so fiercely in my service?' for (37) might, due to a conventionalized implicature, even be correct. Likewise, the passive of intransitive verbs with *-QU* yield obligation (i. e. a state of socially imposed necessity) instead of future in the SH. This does not yet hold for transitive verbs (see (40) below), but in the Mongol XJ (which might have been written as little as a decade or as much as 130 years later than the original version of the SH) the combination of passive with *-QU*(*i*) marks an obligation of the subject even with transitive verbs, *siguud-qui-ban* in (39) being the direct object of *emige-*.

(38) *Bedüün-ü mojirqaq-un tula bi mawuyla-ju yabu-ju minqan ese ög-be.*
Bedüün-GEN stubbornness(?)-GEN because 1SG speak.bad-PFV.C go-PFV.C 1000 NEG.PFV give-PST.FC
Ci ima-da jöb bu-y je. Cima-lua minqala-ju ***eyetü-ldü-jü***
2SG 3SG-DAT2 right COP1-*i*/*u* IP 2SG-COM command.thousand-PFV.C be.harmonious-RECP-PFV.C
yabu-qda-qu
go-PASS-FUT.P
'Because of Bedü'ün's stubbornness, I was displeased with him and did not give him a unit of a thousand. You are the right ⟨person to manage⟩ him! You shall be the commander of a thousand together with him and you will proceed in consultation with each other' [§ 209, 9026—9028; de Rachewiltz 2004: 142—143].

(39) *öber-ün ecige eke-yü-gen taɣala-basu busu kümün-i siɣuud-qui-ban*
own-GEN father mother-ACC-RPOSS love-COND.C other person-ACC despise-FUT.P-RPOSS
emige-gde-küi
be.afraid.of-PASS-FUT.P
'If one loves his own parents, one should be afraid lest other people hate him' [XJ: 3b:3—4; de Rachewiltz 1982: 41].

3.4.2. Habituality?

Matsuoka's assumption that *-QU* can express habituality next to future is probably based on the impression of the related potential meaning that it sometimes implies [Matsuoka 2008: 143—144]. The only example that he provides, in a footnote, is the following:

(40) *Olon-ta-wu* *quyu-ul-ju* *ög-besü* ***deejile-gde-gü***.
many-times-Q ask-CAUS-PFV.C give-COND.C honor-PASS-FUT.P
Cöen-te-wü *quyu-ul-ju* *ög-besü* ***doromjila-qda-qu***.
few-times-Q ask-CAUS-PFV.C give-COND.C despise-PASS-FUT.P
何回も求められて与えれば尊敬されるのです。数回か求められて与えれば軽蔑されるのです。
[Matsuoka 2008: 143].
'If I gave her away after much asking ⟨on your part⟩, you would respect me; if I gave her away without much asking, you would despise me' [§ 66, 1465—1467; de Rachewiltz 2004: 15].

De Rachewiltz assumes a specific reference that is compatible with the specific situation of the subject of this sentence, who is being asked to affiance his daughter to the son of Yesügei, but which is not contextually required. Matsuoka obviously assumes an unspecific reference to a general principle of social interaction in MM society, but funnily enough, his Japanese translation allows for both readings. Except for 0, I have not found any declarative examples of *-QU* that might be interpreted as habitual, so Matsuoka's claim should be rejected.

3.4.3. Copula ellipsis?

While Rybatzki noted that the absence of the copula is the normal case [Rybatzki 2003: 77], Matsuoka claims that sentence-final *-QU* is elliptic [Matsuoka 2008: 143], and Street makes the more general claim that the copula may be truncated in quoted and thus colloquial speech when preceded by any nominal or adjectival element [Street 2010: 57—58]. While *-QU* as a participial suffix certainly qualifies as a nominal element, it does not seem to be the case that there are any sentences in which *-QU* is followed by the copula *bu-i* (or any other non-past form of *a-* / *bü-*) **without** an interrogative particle in between. Therefore, the interrogative particle is a necessary (while not sufficient) condition for the presence of an imperfective copula, and unless one believes in such a thing as obligatory deletion, this cannot be a case of ellipsis.

(41) *Ayi* *torluq* *qan* ***joki-quy=u*** ***bu-y****?*
oh emaciated(?) qan fit-FUT.P=Q COP2-*i*/*u*
'Oh foolish qan, is ⟨that⟩ proper?' [§ 190, 7136; Street 2010: 57].

3.4.4. *-QUi* and *-QUn*

There are only 7 finite instances of *-QUi* in the SH: 5 are questions, 1 [§ 64, 1452] appears to refer to an attitudinal activity, and 1 [§ 181, 6422] seems to refer to a future situation. No conclusion can be drawn from such data. *-QUn* is very clearly the plural form of *-QU* [Bayarmendü 1986: 63], so no careful analysis of instances of this form has been undertaken.

3.4.5. *-n a-qu* as future progressive?

The form *-n a-qu* in finite usage is attested in the SH thrice, and another example is cited from a letter. Compositionally, one would expect a future progressive meaning. Such an interpretation is conceivable in [§ 189, 7113] and 0. Both examples also allow for a present progressive interpretation. In [§ 277; Z344—Z346] and 0 only the latter reading seems to be possible, thus the meaning of the suffix *-QU* in *-n a-qu* cannot be established with any confidence.

(42) *edüge* *nama-yi* *silam-dur* *ese* *ora-juɣu* *keme-n*
now 1SG-ACC Christianity-DAT NEG enter-PST.2H say-CVB
maɣuila-n *ba* ***sedki-n*** ***a-qu*** *ci*
blame-CVB FOC think-CVB COP-FUT.P 2SG
'Now, you ⟨= Pope Nicholas IV⟩ will be offended and think ill ⟨of me⟩ because I have not become a Christian' (letter from Il-Khan Argun to Pope Nicholas IV, 1290) [Street 2013: 48].

(43) *Teŋgeri* ***idqa-n*** ***a-qu=yu****?*
heaven warn-CVB COP-FUT.P=Q
'(The saddle had loosened and remained behind even though the breast-strap was still attached and the saddle girth was still fastened. He said: "The saddle-girth could of course ⟨have loosened up,⟩ but how could the breast-strap also have worked itself loose?) Is Heaven warning me / holding me back?" (He turned back and spent three more ⟨days and⟩ nights there.)' [§ 80, 2157] (translation of preceding and following sentences see in [de Rachewiltz 2004: 22]).

Overall, *-QU* on its own seems to function as a simple future. While deontic nuances are possible in context of negation and rhetorical questions, actual deontic meaning seems to be limited to the combination of *-QU* with the passive marker. Hypotheses that it expresses habituality or that uses of it on its own are elliptic have to be rejected. *-n a-qu* is non-past and progressive, but its exact meaning vis-à-vis *-n bu-yu* remains unclear.

3.5. Future in the past *-QUbü-lüge* / *a-juɣu* and *-QU bol-*

-QUbü-lüge / ***-QU a-juɣu*** is most commonly used in contexts of past habitual meaning, as illustrated by the following examples.

(44) *sönid* *büri* *cewgen* *šira* *güün* *ger-ün* *erüge* *dotoqa-yin* *gege-er* *oro-ju*
night every resplendent yellow person tent-GEN smoke_hole lintel-GEN light-INS enter-PFV.C
keeli *min-u* *bili-jü* *gegeen* *in-u* *keeli-tür* *min-u* ***šiŋge-gü*** ***bü-lee***
belly(?) 1SG-GEN caress-PFV.C light 3SG-GEN belly(?)-DAT3 1SG-GEN seep.in-FUT.P COP1-PST.1H
'Every night, a resplendent yellow man entered by the light of the smoke-hole or the door top of the tent, he rubbed my belly and his radiance penetrated my womb' [§ 21, 1130—1132; de Rachewiltz 2004: 4].

(45) *Ede* *üge-s* *eyin* *ügüle-gde-jü* *Seŋgüm* *ügüle-rün* *keli* *Qan* *ecige*
DPROX.PL word-PL so speak-PASS-PFV.C Senggüm speak-CVB.PRAEP when qan father
kee-gü ***bü-lee***. *Kiduaci* *ebügen* *ese=ü* ***kee-gü*** ***bü-lee***. *Nama* *keli*
say-FUT.P COP1-PST.1H murderer old.man NEG.PFV=Q say-FUT.P COP1-PST.1H 1SG.OBL when
Anda *kee-n* *bü-lee.* *Toqtoa* *böe* *Sartaqcin* *qonin-u* *seül*
sworn.friend say-CVB COP1-PST.1H Toqtoa shaman Sartaq sheep-GEN tail
jübci-jü *yabu-yu* *ese=ü* ***kee-gü*** ***bü-lee***.
attach-PFV.C go-GN NEG.PFV=Q say-FUT.P COP1-PST.1H
'Having been told these words in this way, Senggüm said: When would he call ⟨you⟩ "⟨our⟩ father the Qan"? Would not he ⟨rather⟩ say "the old murderer"? When was he calling me "sworn friend"? Would not he ⟨rather⟩ say "Toqto'a the shaman walks about wearing the tail of a Sartaq sheep"?' [§ 181, 6415—6420].

(46) *Duwa_soqor* *maŋlay* *dumda* *qaqca* *nidü-tü* *qurban* *neüri:d* *qajar-a*
Duwa_Soqor forehead middle single eye-POSS three stretch.of.way distance-DAT1
qara-qu ***bü-lee***
see-FUT.P COP1-PST.1H
'Du'a Soqor had a single eye in the middle of his forehead: with it he could see for a distance of three stages' [§ 4, 1033—1034; de Rachewiltz 2004: 1].

In (44) Alanguua admits to having had sex habitually, and the second and third instance of *-QUbü-lüge* in 0 refer to the way in which Temüjin regularly used to talk about Senggüm and Ong Qan. In (46) an ability of Duwa Soqor is mentioned using this form. Matsuoka [Matsuoka 2008: 140—144] recognizes this habitual use but in addition suggests that it is also used in contexts where 今にも起こりそうだ 'it was likely to occur at any moment' and するところであった 'was about to do it' as in 47, contexts of intention (意志) as *kee-gü bü-lee*[21] 'I would have said' in 48 and estimation (推量) as the other two forms in 48.

(47) *edöe* *Nayaa-d-aca* *busu-d* *ceri-üd-tür* *ucira-asu* *samawu-tur*
now Naya-DAT2-ABL other-PL soldier-PL-DAT3 come.upon-COND.C disturbance-DAT3
tüyid-küy-tür ***oro-quy=u*** ***a-juu***
be.hindered-FUT.P-DAT3 enter-FUT.P=Q COP2-PST.2H
'Now, if we had met with other soldiers than those with Naya, would not we (conceivably) have got into an interception and into trouble?' [§ 197, 7476—7477].

(48) *Bari-qda-asu* ⟨...⟩ ***kee-gü*** ***bü-lee***. *Namayi* *ünen* *bol-qa-ju* *qubcasun*
grab-PASS-COND.C say-FUT.P COP1-PST.1H 1SG.ACC true become-CAUS-PFV.C clothes
nada *ög-cü* ***asara-qu*** ***bü-lee;*** *bi* *morin* *unu-ad* *üje-tele*
1SG.DAT give-PFV.C care-FUT.P1 COP1-PST.1H 1SG horse mount+ride(?)-PFV.C see-CVB.until
edüy *jaur* *ülü=ü* ***ire-gü*** ***bü-lee***.
such moment NEG.IPFV=Q come-FUT.P COP1-PST.1H
'If somehow I got caught, I would have said, ⟨"..."⟩ They would have regarded me as sincere, they would have given me clothes and looked after me. Then, I would have jumped on a horse, and while

[21] Matsuoka misspells it as *kee-n bü-lee* but discusses it as an instance of *-kü bü-lee*.

they were ⟨astonished⟩ watching me ⟨flee⟩, in that brief moment I would have surely come back!' [§ 145, 4421—4428; de Rachewiltz 2004: 66—67].

In all instances in (47) and (48), the speaker can be said to predict a certain development at a reference point in the past provided certain circumstances that did not obtain. In (48) this includes a context where the event depends on what the speaker can do himself and a context where it does not; thus ascribing labels such as "intention" and "estimation" might be too specific. Claiming particular prospective semantics for (47) is most likely not warranted, as the example can be explained as the speaker's estimation, which in turn is a subcase of the speaker's prediction. Matsuoka suggests a smallest common nominator of all forms with *-QU bü- / a-*: これから（も）起こる動作 'an action occurring from here ⟨and now⟩ onwards (too)' [Matsuoka 2008: 144]. Temporal location of the reference time is then done by a suffix, which in our examples is always a past marker, i. e. an action occurring from there and then onward without indication as to whether it was occurring before[22]. But one can probably go a step further towards a gesamtbedeutung. In all cases except (46), a high likeliness of an event that did not actually occur is claimed at a reference point in the past. This would allow describing *-qU bü-lüge* as a future in the past: "⟨the situation⟩ was ⟨so that⟩ it would *VERB*". So this form expresses an inherent disposition of a past situation to develop in a certain way, whether or not the situation ever came about or not. If the conditions required for the event to happen existed at multiple time points in the past, the interpretation is habitual past as in (44) and (45). If they did not (as can be indicated by a conditional converb as in (47) or by context as in (48)), *-qU bü-lüge* is to be interpreted as an estimation about what was to happen in those possible worlds were a given condition actually obtained. A completely general past habitual use such as (46) might then be explained as an extended use of habitual past in realis contexts.

The construction ***-QU bol-*** occurs in seven instances of *-QU bol-ba* that refer to having entered a situation where something is destined to happen, whether it actually has come about or not, and in one instance with *-QU bol-un a-juɣu*, in which the entry into the new situation is still underway[23].

(49) *Qara* *kerie* *qarambay_noqosu* ***bari-qu*** ***bol-BA***. *Qaracu* *bool* *qan-tur-iyan*
black crow black_duck grab-FUT.P become-PST.FC commoner slave qan-DAT3-RPOSS
qar ***gür-ge-gü*** ***bol-BA***.
hand reach-CAUS-FUT.P become-PST.FC
'Black crows have gone so far / As to catch a Mandarin duck. / Black skins and slaves have gone so far / As to raise their hands against their lord' [§ 200, 8129—8131; de Rachewiltz 2004: 129].

(50) *qaracu* *mawu* *Cilger* *qara* *teriün-dür-iyen* ***gür-te-gü*** ***bol-BA***
commoner bad Cilger black head-DAT3-RPOSS reach-PASS-FUT.P become-PST.FC
'Lowly, bad Cilger / I have come to the point / ⟨That⟩ my black ⟨= non-noble⟩ head shall be reached for' [§ 111, 3185].

(51) *Nayman-u* *qadqu-ldu-qci* *Kögseü_sabraq* *Bayidaraq* *belcir-e* *cerig* *jasa-ju*
Naiman-GEN stab-RECP-ACTOR.P Kögeseü_sabraq Bayidaraq junction-DAT1 soldier organize-CVB
qadqu-ldu-qu ***bol-un*** ***a-juu***
stab-RECP-FUT.P become-CVB COP2-PST.2H
'⟨As Cinggis Qa'an and Ong Qan were returning from the place⟩, the warrior Kögese'ü sabraq of the Naiman was preparing to array his troops at the Bayidaraq Confluence and prepared to fight them. ⟨Cinggis Qa'an and Ong Qan likewise decided to fight and arrayed their troops.⟩' [§ 159, 5294—5298; de Rachewiltz 2004: 80].

In (49) Jamuqa has already been delivered to his enemy Cinggis Qan by his own subjects. In (50) the wrath of the Mongols is upon the Merkit and their subject Cilger, but in contrast to many others it appears that Cilger was actually not cut down during the routing and managed to make his escape into historical oblivion. In 0 the speaker narrates about having received word that the enemy is preparing to array his troops. A single parallel

[22] De Rachewiltz translates *Ögödey-in urug-i ⟨...⟩ töre-esü min-u uruq-tur nikeṅ=üü sayin ülü töre=gü a=juu?* Ögödei-GEN offspring-ACC ⟨...⟩ be.born-COND.C 1SG-GEN offspring-DAT3 one=Q good NEG.IPFV be.born-FUT.P COP-2H.PST 'Supposing that the descendants of Ögödei are ⟨all⟩ born ⟨so worthless that...⟩ is it ⟨possible⟩ that among my descendants not ⟨even⟩ a single one will be born who is good?' [§ 255; Y334—Y337; de Rachewiltz 2004: 188] as future, which would contradict this generalization. But a past interpretation 'would not ⟨at that time⟩ one have been born who is good' is conceivable (and actually suggested by Street [Street 2009]) if the deictic center of this sentence is understood to be shifted to a future time.

[23] There are even 18 instances of non-finite *-QU bol-un*-FUT.P become-CVB and 2 instances of non-finite *-QU bol-ju bü-küy-tür*-FUT.P become-CVB COP1-FUT.P-DAT3.

form with *-GsAn bol-ba* is attested in 0, in which the speaker addresses a sensible issue with the utmost care and then justifies why she dared to mention it.

(52) *köü-d-te* *deü-ner-e* *olon* *qaracu-s-a* *man-a* *ber* *mawu:n-a*
son-PL-DAT2 younger.brother-PL-DAT1 many commoner-PL-DAT1 1PL.EXCL-DAT1 FOC bad-DAT1
uqa-ju *a-quy-a* *uqa-qsan-iyan* ***duradqa-qsan*** ***bol-ba***
understand-PFV.C COP2-FUT.P-DAT1 understand-PRF.P-RPOSS remind-PRF.P become-PST.FC
‘⟨That is why I⟩ decided to remind ⟨you⟩ of what ⟨I⟩ have understood about what has been understood among your sons, younger brothers, the many common people and the bad one ⟨= I⟩’ [§ 254, Y214—216][24].

Thus, *-QU bü-lüge* / *a-juɣu* refers to a past situation at which a certain event would occur provided some conditions obtained. *-QU bol-ba* refers to having entered such a situation, with conditions obtaining, and *-GsAn bol-ba* refers to having entered a situation where the result of some past event already obtains. There is at least a strong tendency for *-QU bol-* to be used for describing adverse events.

3.6. *-d*

-d occurs at least 25 times in the SH. All but two of these have plural reference[25], and in all but three instances[26] their subject is an overt pronoun. In 13 instances *-d* is combined with the particle *je* and then expresses what the speaker intends to happen. In 10 of these including (53) the first person subject commits himself and his associates to an action, and in 3 of these the speaker makes statements about what ought to happen with other third-person entities. Two [§ 21, 1136; § 176, 6201] are in conditional clauses and could in principle also be interpreted as mere predictions with high probability deriving from *je*, and one is an indirect order by Cinggis Qan in which he indicates to one of his generals that his addressee’s troops are to set camp as well [§ 259; Y433]. The two forms used by Kökseü Sabraq in (54) have past time reference, and the third in (55) should probably be interpreted in the same vein. Four forms occur in the words in the SH in which Januqa tells Tayang Qan about Cinggis Qan’s army. Of these, (56) is clearly generic, whereas the other three forms in (57) allow for either habitual or attitudinal readings. Either commitment or attitudinal readings are conceivable for the two parallel forms in § 64, and either habitual or past readings for the plain two parallel forms in § 21. One form seems to be used attributively [§ 248; Y068]. All three occurrences in the Subhāṣitaratnanidhi [§ 130, § 333, § 358] are based on verbs of saying that are either habitual or past habitual. Given this data, I am not able to propose a common meaning for these multiple uses beyond the obvious statement that *-d* is a plural agreement marker[27].

(53) *Mököri-ül-kü-n* *yosu-tan* *bö-esü* *bida* *mököri-ül-üd* *je.*
perish-CAUS-FUT.P-PL custom-POSS.PL COP1-COND.C 1PL.INCL perish-CAUS-*d* IP
Niši-qda-qu:n *yosu-tan* *bö-esü* *kebte-ül-jü* ***niši-d*** ***je.***
hit-PASS-FUT.P-PL custom-POSS.PL COP1-COND.C lie-CAUS-PFV.C hit-*d* IP
‘(Elders of the companies, do not reprimand my guards ⟨...⟩ without my permission ⟨...⟩ If ⟨any of them⟩ breaks the law report it to me.) Those liable to execution We shall certainly cut down. Those liable to be

[24] The passage is extremely difficult to translate. Mostaert suggests ‘J'ai suggeré ce qui, quand nous avons réfléchi, a été compris par les fils, les frères cadets, les nombreuses gens du commun et aussi par nous mauvaise’ [Mostaert 1952: 313]. De Rachewiltz [de Rachewiltz 2004: 182] translates in a similar fashion: ‘I have given you ⟨this⟩ advice of what, thinking of it, we — the sons ⟨...⟩ — understood ⟨to be an important question⟩’. I can neither properly understand how they translated *bol-ba* nor how *quand nous avons réfléchi* should correspond to *uqa-qsan-iyan*. An alternative way to make sense of *bol-ba* might be an impersonal translation: ‘That is why it has come about that I reminded you ⟨...⟩’.

[25] In the two exceptional sentences it is still the plural form *ta* that is used by Kögseü Sabraq to address his overlord Tayang Qan in a context in which he expresses his disdain at Tayang’s foolish and dangerous actions. Here *ta* seems to emphasize distancing rather then deference.

[26] I am including *müd* [§ 176, 6201] here among the pronouns. Its anaphoric use in MM is quite common and is preserved in southeastern dialects of modern Mongolian [Bayancoɣtu 2002: 232—236]. Furthermore, I assume that the two *-d*-forms in § 278 are under the direct scope of the same pronoun *bida*, even though they belong to two (adjacent) sentences.

[27] As noted by Rybatzki [Rybatzki 2003: 76], it has the exact shape of the plural marker that words ending in *-n* take. However, within the aspect system *-n* is a converb that never occurs in finite position like *-d*, Aalto’s statement to the contrary being based on material that does in fact allow for an adverbial reading [Aalto 1970: 11]. While the perfect participle *-GsAn* ends in /n/, which in the plural form is replaced by *-d*, a parallel analysis of *-n* / *-d* as proposed by Poppe [Poppe 1954: 116] is hard to sustain functionally or distributionally.

beaten We shall certainly compel to lie down and <u>beat</u> them' [§ 227, 9435—9437; de Rachewiltz 2004: 156—157].

(54) *Tende Kögseü_sabraq ügüle-jüü. Ükü-gsen qan güün-ü teriün in-u ta gü*
there Kökseü_Sabraq speak-PST.2H die-PRF.P qan person-GEN head 3SG-GEN 2PL FOC
hoqtol-ju ***abcira-d***. *Nököe-te ta gü* ***kemgeri-d***. *<u>Y</u>aun joki-quy.*
cut.off-PFV.C bring-*d* other-times 2PL FOC crush-*d* what fit-FUT.P
'Thereupon Kökse'ü Sabraq said: You have cut off the dead qan's head and <u>brought</u> it here; next you <u>crush</u> it to pieces! This is not right' [§ 189, 7098—7100; de Rachewiltz 2004: 111].

(55) *ayi yeke üge* ***ügüle-d*** *ta*
alas big word speak-*d* 2PL
'Alas! You <u>speak</u> a great boast...' [§ 190, 7135—7136; Street 1957: 14].

(56) *tede jida-tu ere-yi jiu-ju cisu-tu tonoq tono-qci-n üldü-tü ere-yi*
3PL.DDIST spear-POSS male-ACC ?-PFV.C blood-POSS clothes strip-ACTOR.P-PL sword-POSS male-ACC
hülde-jü una-qa-ju ala-ju üb tonaq ab-uqci-n Uruud Maŋqud
chase-PFV.C fall-CAUS-PFV.C kill-PFV.C property clothes take-ACTOR.P-PL Uruut Manggut
kee-gde-d *tede*
say-PASS-*d* 3PL.DDIST
'Those who / Driving ⟨before themselves⟩ the men with spears / Are strippers of their bloody clothes / Pushing ⟨before themselves⟩ the men with swords / Causing ⟨them⟩ to fall and killing ⟨them⟩ / Are takers of their treasure and clothes / Are <u>called</u> the Uruut and Manggut' [§ 195, 7353—7356].

(57) *Tede dörben noqa-s ⟨...⟩ key unu-ju* ***yabu-d*** *tede.*
3PL.DDIST four dog-PL air ride-PFV.C go-*d* 3PL.DDIST
Ala-ldu-quy üdür haran-u miqa ***ide-d*** *tede.*
kill-RECP-FUT.P day people-GEN meat eat-*d* 3PL.DDIST
Gür-ülce-gü üdür güün-ü miqa ***günesüle-d*** *tede.*
reach-RECP-FUT.P day person-GEN meat feed.on-*d* 3PL.DDIST
'Those "four dogs" ⟨...⟩ <u>advance</u> ⟨...⟩ riding on the wind. On days of mutual killing, they <u>eat</u> human meat. On days of mutual encountering, they <u>feed</u> on human meat' [§ 195, 7337—7341].

4. Perfective domain

Forms within the perfective domain of MM are the simple past markers *-bA*, *-lUGA* and *-jUGU*, the resultative *-jU a-mu* / *a-juɣu* / *bü-lüge*, the perfect *-GsAn* (*bü-lüge* / *a-juɣu*) and the resultative *-GA* (*bü-lüge*).

4.1. Perfective past *-bA*, *-lUGA* and *-jUGU*

4.1.1. Aspect

The best-understood part of the tense-aspect-evidentiality system of MM is the simple past forms, which have been discussed in considerable detail by Street [Street 2008, 2009]. Aspectually, the three forms do not seem to differ [Street 2009: 131][28]. All can be used in the storyline, as exemplified for *-bA* with (58) below; a good example for *-jUGU* is the poem summarizing the life of Ying Šui in SMI 1335.

(58) *Eke öter bos-Ø* ***kee-bi***. *Höelün eke ügüle-rün Köü-d-i öter*
mother quick get.up-IMP say-PST.FC.F Höelün mother tell-CVB.PRAEP son-PL-ACC quick
seri-ül-üdkün ke-ed Höelün eke öter gü ***bos-bi***. *Temüjin-tEn*
wake(intr)-CAUS-IMP.PL say-PFV.C Höelün mother quick FOC get.up-PST.FC.F Temüjin-POSS.PL
köü-d öterle-n gü bos-uad mori-d-iyan bari-ju Temüjin niken mori
son-PL make.haste-CVB FOC get.up-PFV.C horse-PL-RPOSS grab-PFV.C Temüjin one horse
unu-ba. *Höelün eke niken mori* ***unu-ba***. *⟨...⟩ Temülün-i Höelün eke ebür-tür-iyen*
ride-PST.FC Höelün mother one horse ride-PST.FC Temüjin-ACC Höelün mother lab-DAT3-RPOSS

[28] Rybatzki's opinion that *-bA* usually functions as a perfective recent past, *-lUGA* as a marker of certainty and *-jUGU* as a pluperfect lacks a factual basis [Rybatzki 2003: 75—76], as does the account of Manduqu et al., who agree that *-bA* is past perfective but consider *-lUGA* to be a recent past and *-jUGU* as a past continuous [Manduqu et al. 1997: 494—500].

***deür-be**; niken mori kötöl **jasa-ba**; Börte üjin-e mori **duta-ba**.*
transport.in.front.of.rider-PST.FC one horse spare.horse organize.PST.FC Börte lady-DAT1 horse lack-PST.FC
‘⟨Old Qoaqchin said:⟩ “Mother, get up quick!” *Mother* Höelün said: “Get the boys up fast!”, and rose in haste. After the sons including Temüjin had also got up *hastily*, ⟨they⟩ grabbed their horses and Temüjin mounted *a horse*; *Mother* Höelün mounted a horse… ⟨Six others *unu-ba* ‘mounted a horse’.⟩ As for ⟨young⟩ Temülün, Höelün had her ride in front of her. ⟨They⟩ prepared one horse as a spare. There was no horse ⟨left⟩ for Lady Börte’ [§ 98—99, 2428—2439; Street 2008: 407].

There are 11 instances in the SH where *-bA* is combined with *edöe* ‘now’, which refers to a time after the terminal point of telic predications has just been reached. A few clear instances in which the present-time reference is not made explicit by an adverb are also attested. Thus, *-bA* is used like a perfect:

(59) *Soqor elci-yen ile-esü asgi-ju yabu-qa-n ile-jüü.*
Soqor messenger-RPOSS send-COND.C beat-PFV.C go-CAUS-CVB send-PST.2H
*Edöe bi irge-ben quyi-ra **ire-be**.*
now 1SG people-RPOSS beg-CVB.in.order come-PST.FC
‘When I sent my messenger Soqor ⟨to you⟩, you beat him and sent him back on foot; now I have come ⟨myself⟩ to request the return of my people’ [§ 245; X341—343; Street 2008: 407].

In a few instances, *-bA* marks the beginning of a particular action, as in the example below:

(60) *Ciŋgis qaan-u nere aldar sonos-cu ayu-ju a-laay ba. Edöe sülder-tü*
Cinggis Khan-GEN name fame hear-PFV.C get.afraid-PFV.C live-PST.1H.PL IP now majesty-POSS
*beye cin-u gür-cü ire-gde-jü sülder-ece **ayu-ba**.*
body 2SG-GEN arrive-PFV.C come-PASS-PFV.C ajesty-ABL get.afraid-PST.FC
‘Hearing of Cinggis Qa’an’s fame we *lived* in awe ⟨of you⟩. Now your august person has arrived, you have come to us, and we are ⟨indeed⟩ awed by your majesty’ [§ 249; Y084—086; Street 2008: 408].

It is clear that the examples above are not to be subsumed under the label perfect, but rather of those of a past perfective. The perfect-like uses can then be explained by an unmarked perfective interpretation (in the sense of Johanson’s [Johanson 2000] -INTRA -POST), i. e. that the form is perfective due to its opposition to other markers that overtly express perfect or imperfective values, but in contrast to these overt markers is so versatile as to be not completely incompatible with contexts in which an imperfective or perfect form might be used.

4.1.2. Evidentiality

Instead, the difference between the three suffixes is evidential. Ozawa previously described *-lUGA* as “already known or naturally foreboded” to the speaker / writer OR hearer / reader ⟨when it happened⟩, while the *-jUGU* was either unknown or unexpected for them [Ozawa 1961; Ozawa 1965: 96—99]. Nasunurtu draws a distinction between objective *a-juɣu* and subjective *bü-lüge* [Nasunurtu 1989]. But Ozawa, Nasunurtu and Secen [Secen 1993] focus more on establishing the copula forms *a-* and *bü-* as modal rather than on the verbal suffixes themselves. Street suggests differentiating *-lUGA*, *-jUGU* and *-bA* as “attestive”, “presumptive” and “factual” past, respectively [Street 2009: 132]. A speaker who uses the *attestive* “claims to have personal, first-hand knowledge ⟨...⟩, and in effect assumes responsibility for the accuracy of his statement”, and the *presumptive* indicates “that the speaker’s knowledge is based merely on information received from others or on circumstantial evidence”, while the *factual* “implies nothing about the speaker’s certainty or source of information”. The following are examples of the first two forms.

(61) *Moŋqol-un ceri-üd Saari keer-i büte-tele **bawu-lua***
Mongol-GEN soldier-PL Saari steppe-ACC fill.up-until.C encamp-PST.1H
‘The Mongol troops have set up camp so as to cover the ⟨whole⟩ Saari Steppe’ [§ 193, 7251—7252; de Rachewiltz 2004: 116].

(62) *üdür geyi-n bara-asu šitüldü-jü qono-qsa-d ceri-üd söni bö-ed*
day dawn-CVB expire-COND.C resist.RECP-PFV.C spend.night-PRF.P-PL soldier-PL night COP1-PFV.C
***budara-juuy**; güreele-gse-d irgen küŋke-n ülü coda-qu-n kee-n*
disperse-PST.2H encircle-PRF.P-PL people get.free-CVB NEG.IPFV can-FUT.P-PL say-CVB
*güreele-gse-d qajar-aca ese **gödöl-jüüy***
encircle-PRF.P-PL place-ABL NEG.PFV move-PST.2H
‘When the day had dawned, it turned out that the soldiers who had stayed the night in opposition to us had dispersed during the night; the people who were encircled, saying “We cannot get away”, had not moved from the place where they were encircled’ [§ 146, 4450—4453].

(63) *erte* *üdür* *kē-esü* *Qurcaqus* *Buyiruq* *qan* *ecige-yü-en* *qoyin-a* *Döcin*
early day say-COND.C Qurchaqus Buyiruq Qan father-ACC-RPOSS after-DAT1 40
köü-d-ün *aqa* *kee-jü* *qan* ***bol-juu*** *je* *ci*
son-PL-GEN elder.brother say-PFV.C Qan become-PST.2H IP 2SG
'If we speak of former days, after your father Qurchaqus Buyiruq Qan, it must surely have been because ⟨you⟩ were the eldest of forty sons that you became qan' [§ 177, 6235—6237; Street 2009: 143].

(64) *köü-d* *minu* *qa-d* ***bol-juu*** *kee-gde-müy*
son-PL 1SG.POSS qan-PL become-PST.2H say-PASS-IPFV
'My sons are said to have become Qans' [§ 3208—3209; Street 2013: 59].

(61) with *-lUGA* is a message sent by a patrol to their Qan that tells of events that the patrolmen have attestedly [§ 7247—7249] witnessed. (62) with *-jUGU* is a clear instance of inference, and so is (63), with the peculiarity that the inferred fact is denoted by a subordinate verb [Street 2009: 143]. (64) with the same marker is hearsay used in combination with the quotative verb. Hearsay examples without this combination are attested as well. These examples are quite representative.

4.1.3. Statistics

-lUGA is extremely frequent in quoted speech (9:1 among ca. 100 examples, contrasting with 1:2 among ca. 1000 instances of *-bA* and somewhat more than 1:5 among 250 instances of *-jUGU*). Discounting its apparently anomalous use in the copula *bü-lüge*, there are 63 spoken instances of *-lUGA* in declaratives in the SH. In all instances the speaker could have witnessed the event. In 23 instances the witnessing is directly confirmed by the SH, while 22 instances have overt or implied first-person subjects. The non-quoted examples are not so clear, as the author of the SH is unknown, but none is about events that a contemporary of Cinggis Qan could not have witnessed, and the examples in other MM texts fit well into the analysis [Street 2009]. If we concentrate on quoted sentences without the copula verbs *a-juɣu*, *bü-lüge* and *bolba*, the speaker is a participant in 77 % (n=313) and 80 % (n=88) of quoted sentences with *-bA* and *-lUGA*, respectively, whereas this only holds true for 13 % (n=47) of the quoted sentences with *-jUGU* (John Street, p. c., 2011-04-01).

4.1.4. Mirative meaning of *-jUGU*?

Following Poppe [Poppe 1954: 93] and Ozawa [Ozawa 1965], Street [Street 2009] argues that *-jUGU* can be used to mark an action as surprising in some cases, as in the following example:

(65) *Basa* *qar-cu* *ayisu-quy-tur* *šiquy-in* *amasar-a* *qošiliq-un* *tedüy*
also exit-PFV.C approach-FUT.P-DAT3 thicket-GEN opening-DAT1 tent-GEN so.much
caqan *gürü* *amasar-a* *bögle-n* ***una-juu***. *Teŋgeri* *idqa-n* *a-quy=u*
white rock opening-DAT1 block-CVB fall-PST.2H heaven warn-CVB COP2-FUT.P=Q
kee-jü *qari-ju* *basa* *qurban* ***qono-BA***.
say-PFV.C return-PFV.C also three spend.night-PST.FC
'When he ⟨Temüjin⟩ started out again, a white rock the size of a tent fell at the opening of the thicket, blocking the opening. He said, "Is this a warning of Heaven?" He turned back and spent three more nights there [§ 80, 2155—2158; de Rachewiltz 2004: 23].

Ozawa [Ozawa 1965: 97—98, 111—112] persuasively argues that if (65) was to be understood in a resultative way, i. e. Temüjin finding that a rock has blocked the exit of the thicket upon his arrival at the entrance, we should expect an accusative suffix on *amasar* 'entrance' corresponding to *bögle-* 'block' to yield 'had fallen down blocking the entrance', rather than a locative one corresponding to *una-* 'fall' to yield 'fell down on the entrance blocking it'. Moreover, a resultative form like **unu(ɣ)san ajuɣu* might have been chosen instead of the aspectually neutral *-jUGU*. So the more likely reading of this sentence seems to indicate that the rock unexpectedly fell down before Temüjin's eyes, sending him a celestial warning that he should not leave the thicket. An alternative explanation might be that the narrator does not take Temüjin's, but his own perspective — Temüjin had no company at that time. Still, as *-bA* is used in the sentence immediately following (65), when Temüjin still was alone, this approach is insufficient. However, if we assume that the length of Temüjin's stay in the thicket is easier to objectively assess, e. g. based on the duration of how long his many enemies stood watch, whereas the rock falling down is not, the narrator might be making a difference between what he considered facts and that which he consciously relates as having heard from others.

4.1.5. In questions

Of the 22 questions with *-lUGA* in the SH, 2 are information-seeking questions answered by the addressee relying on firsthand knowledge marked with *-lUGA*, while the others are (usually angry) rhetorical questions to which both speaker and addressee know the answer. Less frequent rhetorical questions in *-jUGU* have a more probabilistic meaning: even though the speaker is not asking for information, an answer to this question would have to be based on estimation, not firsthand knowledge [Street 2009: 135—138, 145—147]. For instance, Cinggis Qanutters (66) shortly after the referent of his sentence has been interrogated, making sense of his answers[29]. This is followed by his execution, which is, naturally, also the case for the addressees of (67).

(66) *Mün gü dayisu sedki-jü oorcaq bol-ju* ***yabu-juu***.
same FOC enemy think-PFV.C outcast become-PFV.C go-PST.2H
Edöe yau görü-re ***ire-jüü****?*
now what ?-CVB.in.order come-PST.2H
'All the same, he has been living as an outcast, with hostile intentions; what has he come to spy upon now?' [§ 156, 5262—5263; de Rachewiltz 2004: 79].

(67) *Erte üdür bida yau* ***kee-ldü-leey****?*
early day 1PL.INCL what say-RECP-PST.1H
'What did we agree upon in the old days?' [§ 136, 4203—4204; de Rachewiltz 2004: 59].

4.1.6. On copulas

The copula *bü-lüge* is used in genealogical contexts that are too remote for the author of the SH to have had firsthand experience with them. Street speculates that the absence of **bü-be* might have led to a use in which *bü-lüge* lost its peculiar firsthand semantics [Street 2009: 138—141]. This, one might add, is even more likely due to the fact that *a-ba* is very rare and *bol-ba* is dynamic in nature. The use of *bü-lüge* after converbs and participles is more in accordance with the normal semantics of *-lUGA*, but the number of deviating instances is still too great to claim that the semantics are the same. On the other hand, *-jUGU* in *a-juɣu* seems to have the same semantics as in other contexts [Street 2009: 143—145]. (68) exemplifies a normal use, (69) — an estimation concerning a situation that has not (yet) come about, and (70) deferred realization.

(68) *bayi-ju qono-ju üdür geyi-ül-ün*
stand-PFV.C spend.night-PFV.C day dawn-CAUS-CVB
bügüdge-esü, Öködey Boroqul Boorcu qurban ***ügey*** ***a-juu***
muster-COND.C Ögödei Boroqul Boorcu 3 absent COP2-PST.2H
'⟨They⟩ spent the night standing ⟨in battle order⟩. At daybreak, when they held a roll-call, *it turned out that* Ögödei, Boroqul and Bo'orcu were not there' [§ 172, 6111—6112; de Rachewiltz 2004: 92] (modified by Street [Street 2009: 144]).

(69) *Bida ene an-u yeke üge-tür šoqa-n morila-ju od-cu an-u*
1PL.INCL DPROX 3PL-GEN big word-DAT3 lean.against-CVB set.out-PFV.C proceed-PFV.C 3
qor ab-uasu ***berke-tü=ī*** ***a-juu****?*
quiver take-COND.C difficulty-POSS=Q COP2-PST.2H
'If ⟨now⟩, grasping the chance their boasts ⟨afford us⟩, we set out on a campaign and removed their quivers, would ⟨this⟩ be ⟨so⟩ difficult?' [§ 190; SH: 7163—7165; de Rachewiltz 2004].
'If we ⟨...⟩ took their quivers, would ⟨that turn out to⟩ have been so difficult?' [Street 2009: 146].

(70) *üdür gegeen bol-qa-ju, üje-esü qoyin-a-ca niken güün ayis-u;*
day bright become-CAUS-PFV.C see-COND.C behind-DAT1-ABL one person approach-*i*/*u*
gür-cü ire-esü ***Boorcu*** ***a-juu***
arrive-PFV.C come-COND.C Boorchu COP2-PST.2H
'Waiting for day to dawn, when they looked ⟨out⟩, ⟨they saw⟩ a man approaching from the rear; as he came closer, it turned out to be Boorchu' [§ 172, 6118—6119].

4.1.7. Performatives

The expression of performatives in MM is not entirely clear, but *-bA* in (71) might be an instance of one. Here, either de Rachewiltz' conservative translation is right, and Cinggis, who has just been declared qan,

[29] Alternatively, the non-firsthand marking in 0 might indicate that the referent came unnoticed.

merely reminds his vassals of favors he bestowed upon them earlier, or he is immediately following his own promotion with the promotion of two of his vassals.

(71) *jüg* *jüg* ***tüši=bAy*** *tan-i*
direction direction appoint=PST.FC 2PL-ACC
'(Further, Cinggis Qa'an said: When Heaven and Earth increased my strength and took me into their protection, you, the senior ones, who for my sake came ⟨over⟩ from sworn friend Jamuqa wishing to become companions, will you not be my lucky companions?) I have appointed each of you to your respective office' [§ 125, 3497; de Rachewiltz 2004: 52].

4.1.8. Additional textual evidence for evidential uses

Unfortunately, the evidence for the evidential properties of *-bA* that Street presents is not as detailed as his evidence for *-lUGA* and *-jUGU*. It dominates in edicts and is the only form used to convey editorial information.

(72) *jarliq* *manu* *morin* *jil* *jun-u* *teri'ün* *zara-yin*
decree 1PL.EXCL.POSS horse-*n* year summer-GEN first month-GEN
qorin *qurban-a* *Taydu-da* *bü-küi-dür* ***bici-bei***
twenty three-DAT1 Peking-DAT2 be-FUT.P write-PST.FC.PL
'⟨We⟩ wrote our decree in the year of the horse at the 23rd of the first month of summer while we were in Peking' (Buyan-tu qaɣan-u jarliɣ, 1318; transcription: [Tömörtogoo 2002: 32]).

It is both applicable to events in times of yore and to events that the speaker witnessed. In the SMI of 1335, 1338, 1346, 1362, where great care was exerted to attribute each and every piece of information, it appears to function like a firsthand marker. Let's take a sequence that puzzled Street [Street 2009: 157] as an example. SMI 1362 has different forms of the verb *ög-* 'give' concerning the granting of titles, four times taking *-bA* and two times *-jUGU*. Lines 10 and 18 refer to titles conveyed at the occasion correlated to the erection of this stele, which is contextually clear for 10 and made clear by the adverbial *ene ayan* ('⟨on⟩ this journey' → 'on this occasion') in 18, 35 and the second example in line 25. So the author of the stele had firsthand knowledge of these events and (as somebody who resided in Beijing at that time and had personal access to the emperor, cf. [Chan 1976]) might well have been present at the ceremony in question. Thus, *-bA* was used. The first title in line 25 was conveyed before the author was given the task of composing the stele, and he thus was not aware of this event when it happened. It is not obvious when the title in line 33 was granted, but it is followed by another title granted *ülü udan darui-dur* 'not long afterwards,' so it seems to be another event that the author had no occasion to witness personally, even though he has no reason to doubt either event. Therefore, *-jUGU* was used for these two events. *-lUGA*, on the other hand, is certainly a firsthand marker, but seems to be restricted to contexts in which the speaker deems it appropriate to refer to his personal perception of the events and thus avoids presenting them as objective facts.

(73) *Bi* *urida* *imayi* *kümün* *bolu-mU* *je* *keme-n* ***sedki-lege***.
1SG former 3SG.ACC person become-IPFV IP say-CVB think-PST.1H
Sedki-gse-ber *min-u* *bol-ba.*
think-PRF.P-INS 1SG.GEN become-PST.FC
'Formerly, I thought that he would surely become a man. It happened as I had thought' [SMI 1335: 42].

This is similar to a passage in the Twelve Deeds of the Buddha in which the Buddhas remind the Bodhisattva to bring forth his task and to remember his former lives, thus focusing on what they clearly remember (and want him to remember) rather than what is clearly the fact. While visual and endophoric uses are thus attested, it is somewhat unclear whether auditive perception and other uses can be marked with *-lUGA* as well. The following example might or might not be accepted as evidence:

(74) *soyül_suryal-i* *sonus-ta-luɣa*
teaching-ACC hear-PASS-PST.1H
'I was affected by hearing your teachings about...' [XJ: 29a:2].

In the light of the evidence discussed above, it is now time to revise Street's labelling. The term "attestive" for *-lUGA*, pertaining to an action that was directly witnessed visually or auditively, may be replaced by the more common "firsthand," while the term "presumptive" for *-jUGU* that refers to inference, deferred realization and hearsay would be "non-firsthand" in Aikhenvald's terminology [Aikhenvald 2004: 65]. The label "factual" for *-bA* and the whole idea of an evidentially and not overtly epistemically modal marker is more problematic,

as the conditions under which it can be used have not been investigated in detail either by Street for MM nor by linguistics in general for the languages of the world. Following Mushin [Mushin 2001: 74—79], one may assume different epistemological stances that can guide how a speaker, among other tasks, chooses evidential forms. These range from subjective, conceptualizer-evoking stances like private experience over perceptual experience, inferential, reportive and imaginative (relating something as made up) to the "factual epistemological stance". The latter disassociates the speaker and her source of information from the statement, which thus becomes perfectly objective, implying "that the source of information is unimportant to the establishment of the validity of the information" [Mushin 2001: 74]. This can be so because it is common knowledge anyway or not likely to be challenged, the exact circumstances of which are culturally defined. In the SH, the narrative might simply be presumed to be factual in this sense by the authority of the narrator who only sometimes takes recourse to evidential forms to relativize his authority for certain events such as the divine warning in the cave. Historians in the SMI, on the other hand, do not adapt a factual stance from anything they might have reconstructed from documents at their disposal. Yet, they do not feel the need to provide editorial information from a subjective perspective either. Non-factual evidential markers might thus imply the presence of epistemic modality, as suggested by Mushin [Mushin 2001: 32] (contra [Aikhenvald 2004]) for small evidential systems.

4.2. Resultative-progressive *-jU a-juɣu* / *bü-lüge* / *a-mu*

As Matsuoka observes, *-ju a-* / *bü-* refers to ongoing activities with activities and states, but to results with telic predications [Matsuoka 2008: 104—112].

(75) *Tumad irgen-ü noyan Dayduqul soqor-i ükü=esü eme*
Tumed people-GEN lord Daiduqul blind-ACC die=COND.C woman
in-u Botoquy tarqun Tumad irgen-i ***mede=jü*** ***a=juu***
3SG-GEN Botoqui fat Tumed people-ACC command=PFV.C COP1-PST.2H
'When Daiduqul the Blind, leader of the Tumed, died, his wife Botoqui the Fat was governing the Tumed' [§ 240; X178—180].

(76) *Jun-u teriün sara-yin harban jirwaan-a hulaan tergel üdür Tayiciud Onan-u*
summer-GEN first month-GEN ten six-DAT1 red circle day Tayiciut Onan-GEN
ergi deere qurimla-ldu-ju naran šiŋge-esü tarqa-BA. Temüjin-i tere qurim-tur
shore on feast-RECP-PFV.C sun set-COND.C disperse-PST.FC Temüjin-ACC DDIST feast-DAT3
gelbüre köün güün ***abcira-ju*** ***bü-lee****. Qurim-un haran-i tarqa-ul-un tere*
weakling boy person bring-PFV.C COP1-PST.FC feast-GEN people-ACC disperse-CAUS-CVB DDIST
gelbüre köün-ece buqau tata-ju ab-cu heki in-u niken-te deled-üed güyi-jü.
weakling boy-ABL cangue draw-PFV.C take-PFV.C head 3SG-GEN one-times strike-PFV.C run-PFV.C
'On the sixteenth of the first month of summer, the day of the Red Circle, the Tayiciut held a feast on the bank of the Onan. At sunset they dispersed. Temüjin had been brought to this feast by a weak young man. After the people of the feast had dispersed, ⟨Temüjin⟩ pulled ⟨the leash of his⟩ cangue away from that weakling, hit him once on the head and ran away' [§ 81, 2171—2176; de Rachewiltz 2004: 23].

(75) obviously cannot refer to a result or repetition but must refer to a state that holds at the time of reference. While *mede-* 'come to know+know' is an inceptive state verb in its basic meaning, its meaning 'be in command' does not seem to have an inceptive component like 'assume command', at least if judging from contemporary Khalkha Mongolian. Part of (76), an accomplishment, is cited by Matsuoka as well, but I cite it in full here to demonstrate that no progressive interpretation is conceivable. As it is first mentioned that the people dispersed at sunset, it would have been nonsensical to state that he was being brought to this feast by a young man at this point. Rather, he must already have been there. Such a translation is also very suitably applied to (77) where *-jU a-mu* indicates present time reference.

(77) *Ki_yem kiged ögüle-rün Jang_Ying_šui-a ⟨...⟩ wungsing*
Ki_yem et.al say-CVB.PRAEP Jang_Ying_šui-DAT1 posthumous.name
nere ***ög-te-jü*** ***a-mU****. Jang_Ying_šui keme-besü ⟨...⟩*
name give-PASS-PFV.C COP2-IPFV Jang_Ying_šui say-COND.C
'When Ki yem and others spoke, ⟨they said⟩: The posthumous title ⟨...⟩ is ⟨now⟩ granted to Jang Ying šui. As for Jang Ying šui, he was ⟨...⟩' [SMI 1335: 10; Cleaves 1950: 95].

This passage would be very surprising if Cleaves' translation is correct. Both the context and the Chinese parallel text [Cleaves 1950: 22] indicate that the title had already been granted, and this is why Ki yem et al.

were ordered to compose an inscription in Jang Ying šui's memory. So the translation should rather read "⟨...⟩ has been granted ⟨...⟩", Cleaves translated the same grammatical construction correctly in lines 35—36: *edüge kui jing ön-ü önsi bolɣa-n tüsi-gde-jü a-mu* 'Now he has been appointed as *önsi* of the *kui jing ön*' [Cleaves 1950: 100]. *-ju a-* / *bü-* can thus be described as a resultative marker with telic and as a progressive marker with atelic predications. Presumably, it differed from a normal present progressive or past imperfective in some way or another in all contexts, but distinguishing e. g. a continuative or durative marker from a progressive is difficult on the basis of very limited evidence.

4.3. Perfect *-GsAn* (*a-juɣu* / *bü-lüge*)

While *-jUa-* / *bü-* seems to express a resultative meaning, *-GsAna-juɣu* / *bü-lüge* has a morphological structure suggesting a perfect in the past (i. e., past relevance) or pluperfect (i. e., past in the past). A pluperfect use might have existed, but it is doubtful:

(78) *Teün-i* *ösö-n* *hacira-n* ***od-cuuy***. *Temüjin-i* *Burqan_qaldun-i* *qurban-ta*
DDIST-ACC revenge-CVB reciprocate-CVB proceed-PST.2H Temüjin-ACC Burqan_Qaldun-ACC three-times
quci-ul-quy-tur *Börte* *üjin-i* *tende* *erüs-cü* *Ciledü-yin* *deü*
circle-CAUS-FUT.P-DAT3 Börte lady-ACC there catch-PFV.C Ciledü-GEN younger.brother
Cilger_bökö-de ***asara-ul-uqsan*** ***a-juu***; *tere* *asara-qsa-ar* *a-ju* *Cilger_bökö*
Cilger_Bökö-DAT2 care-CAUS-PRF.P COP2-PST.2H DDIST care-PRF.P-INS COP2-PFV.C Cilger_Bökö
dayiji-ju *qar-urun* *ügüle-rün* ⟨...⟩ *kee-ed* *dayji-n* ***dutaa-juu***.
desert-PFV.C exit-CVB.PRAEP say-CVB.PRAEP ⟨...⟩ say-PFV.C desert-CVB escape-PST.2H
'And they ⟨the Three Merkit tribe⟩ set out to take revenge for that. It was at the time when Temüjin circled Burqan Qaldun three times that they captured Lady Börte. They entrusted her to Cilger Bökö, the younger brother of Ciledü. As Cilger Bökö had been looking for her ever since, when he fled, deserting his own companions, he said. ⟨...⟩ Thus he said and escaped, deserting his own companions' [§ 111, 3177—3195; de Rachewiltz 2004: 41—42].

In (78) there are three events in a row in temporal sequence. The first and third event take simple past marking in *-jUGU*, but the second is marked by *-GsAn a-juɣu*. This event of entrusting had the effect explicitly referred to by a non-finite form in the next clause that she was taken care of by him from that moment until shortly before these words were said. On the other hand, the rescue of Börte by Temüjin after the defeat of the Merkit had been described in § 110, followed by this paragraph, which first recollects past events and mentions the flight of one of the main "culprits," thus setting the stage for the physical extermination of the Merkit in § 112. The possible reference made here to § 110 is the closest thing to a past in the past that can be found in the SH. On the other hand, most uses clearly show past relevance.

(79) *Erde üdür-ece* *Tatar* *irgen* *ebüge-s* *ecige-s-i* ***bara-qsan*** ***bü-lee***.
early day-ABL Tatar people ancestor-PL father-PL-ACC use.up-PRF.P COP1-PST.1H
Ebüge-s *ecige-s-ün* *ösöl* *ösö-jü* *kisal* *kisa-ju* *ciün-tür*
ancestor-PL father-PL-GEN revenge revenge-PFV.C revenge revenge-PFV.C linchpin-DAT3
üli-jü *kidu-ju* *ala-ju* *ög-üyE*.
compare-PFV.C slay-PFV.C kill-PFV.C give-VOL
'From olden days the Tatar people have destroyed our fathers and forefathers. To avenge our fathers and forefathers, and requite the wrong, for them we shall measure <the Tatars> against the linchpin of a cart, and kill them to the last one' [§ 154, 5194—5197; de Rachewiltz 2004: 77].

(80) *Altan* *qan* *Juŋdu-da-ca* *qar-urun* *Juŋdu* *dotor-a* *Qada-yi* *lyušyu* *bol-qa-n*
Altan Qan Jungdu-DAT2-ABL exit-CVB.PRAEP Jungdu in-DAT1 Qada-ACC 留守 become-CAUS-CVB
tüši-jü *od-uqsan* *a-juu.* *Ciŋgis* *qahan* *Juŋdu-yin* *altan* *möŋgün* *ed*
appoint-PFV.C proceed-PRF.P COP2-PST.2H Cinggis Khan Jungdu-GEN gold silver goods
aurasun *yau* *ke* *in-u* *toola-ul-urun* *Öŋgür* *bawurci* *Arqay_qasar* *Šigi_qutuqu*
satin what FOC(?) 3SG-GEN count-CAUS-CVB.PRAEP Öndgür steward Arqai_Qasar Sigi_Qutuqu
qurban-i ***ile-bAy***. *Ede* *qurban-i* *ayis-ay* *kee-n* *Qada* *esergü* *uqdu-n*
three-ACC send-PST.FC.PL DPROX.PL three-ACC approach-RES.P say-CVB Qada against greet-CVB
alta-tay *har-tay* *aurasu* *bari-ad* *Juŋdu* *dotor-a-ca* *qar-cu* *esergü* ***ire-bAy***.
gold-POSS.PL satin-POSS.PL satin grab-PFV.C Jungdu in-DAT1-ABL exit-PFV.C against come-PST.FC.PL
'When the Altan Qan moved out of Jungdu, he appointed Qada as *rearguard defender* in Jungdu before leaving ⟨the city⟩. When Cinggis Qa'an had the inventory taken of the gold, silver, goods, satin and

⟨other⟩ things ⟨gathered⟩ in Jungdu, he sent the steward Öndgür, Arqai Qasar and Sigi Qutuqu ⟨to do it⟩. As these three were approaching, Qada went ahead to greet them, taking with him gold⟨-embroidered⟩ and patterned satins' [§ 252; Y148—155; de Rachewiltz 2004: 179—180].

(81) *Nayan qoyar nasula-ju. Job ese bolu-ɣsan-u qoyin-a türün A nere*
eighty two reach.age-PFV.C right NEG.PFV become-PRF.P-GEN after-DAT1 first A name
ög-cü *⟨... destroyed ...⟩ [wun]gsingla-ju C nere* ***ög-cügü****. Gergei in-u D wusin nere*
give-PFV.C award_PT-PFV.C C name give-PST.2H wife 3SG-GEN D PT name
ög-ciɣi*. Qoyin-a basa E wusin nere* ***wungsingla-gsan a-jiɣi****. Ying_šui-yin*
give-PST.2H.F after-DAT1 also E PT name award_PT-PRF.P COP2-PST.2H.F Ying_Šui-GEN
ecige Bai_sang-a türün F nögüge-te G nere neme-n mön kü uridu
father Bai_Sang-DAT1 first F other.additional-times G name add-CVB same FOC former
yosu-ɣar H nere-ber ***wungsingla-ɣsan a-juɣu****. Bai_sang-un gergei Ong_si-da*
custom-INS H name-INS award_PT-PRF.P COP2-PST.2H Bai_Sang-GEN wife Ong _Si-DAT2
J nere ***wungsingla-jigi****.*
J name award_PT-PST.2H.F
'⟨Ying Šui⟩ lived 82 years, and after he died, ⟨the Emperor⟩ gave him first the title A, then posthumously awarded ⟨B⟩, then gave the title C (*-cügü*). To his wife, he gave the posthumous title (*-ciɣi*) D. Afterwards, he had also posthumously awarded her the title (*-GsAnajiɣi*) E. To Ying Šui's father, Bai Sang, first ⟨giving⟩ the title F, then moreover adding the title G (*-n*), in the very same manner as before he had posthumously awarded him with the title (*-GsAn ajiɣi*) H. To Bai Sang's wife, Ong Si, he posthumously awarded the title (*-jiɣi*) J' [SMI 1335: 28—30].

In (79) the deeds of the Tatars in days of yore have resulted in a state that justifies slaying them all. In (80) Qada beckons Cinggis Qan's emissaries because he was left as Altan Qan's representative after the latter left Beijing. Note the difference in evidentiality: in the first case, the speaker has personal knowledge of the deeds of the Tatars in days of yore, as his father was poisoned by Tatar people, while the second sentence relates to what happened during a military campaign on the enemy side, well beyond what the author of the SH could have had firsthand knowledge about. In (81) the titles conveyed with *-GsAna-juɣu* appear to have been conveyed at later occasions, which is conceivable given the adverbials such as 'afterwards', whereas the titles marked with *-jUGU* were conveyed at the occasion of Ying Šui's death and thus at a definite point in time. *-GsAna-juɣu*, on the other hand, appears to refer to the fact that these people held those titles at the time of reference.

While space prevents me from discussing all the problematic cases, most uses that I saw in several MM documents can be fitted into this analysis and be read as perfects. After all, relevance at a reference point in the past is a somewhat vague notion. But there is another use found in at least one text: the SMI 1362. In this text there are basically two narrative forms besides *-GsAna-juɣu*: *-bA* for witnessed events and *-jUGU* for non-witnessed, but fairly certain events like the emperor conveying titles. The perspective is that of the Yuan scientist and politician Su Wei (not of his translator), who in the Mongolian version of the text bases his knowledge on tradition (11: *ulam-aca bolɣabasu*) and in the Chinese version [Cleaves 1949: 31] even more explicitly on what he has heard. There are a number of events clearly located in a complex narrative sequence that is not just the prelude to some later events. I quote a part of it here.

(82) [SMI 1362: 18—24; Cleaves 1949: 86—87]

1. *Ebüge inu Ataibuqa qataɣu joriɣ-tu bayatur jirüke-tü bökü-yin siltaɣa-bar ada-tu üile-dur ucira-basu ber qataɣu joriɣ-iyan ülü* ***qariɣulu-n a-ɣsan a-juɣu****.*

'Because his grandfather, Atai Buqa, had a firm will and a valiant heart, whenever he encountered a dangerous affair, he **would not let his courage sink**' (lit. 'was not letting his firm will return').

2. *Qoyin-a elincüg inu Qara yiucing ebedcin kürtejü aljangɣu boluɣsan-dur köbegü-d-iyen ire-güljü geriyes üge talbi-run* [put-PRAEP.C] *⟨...⟩ kemegde-gsen-ü tula* [say-PASS-PRF.P-GEN because] *mön Ataibuqa bingjang üiledde-kü ken üiles-i inu ülede-n cida-qui-ca güicege-n* [execute-CVB] ***üiledü-gsen a-juɣu****.*

'Afterwards, when his great-grandfather, Qara, the yiucing, fell sick and became feeble, he had his sons come ⟨to him⟩ and he uttered his final recommendations. Because he was told ⟨"..."⟩, the same bingjang, Atai Buqa, without leaving aside whatever matters he had to perform, **performed** ⟨them⟩, accomplishing ⟨them⟩ to the best of his ability'.

3. *Qoyin-a Duua Busma-tan köbegü-d bulɣa bolbasu* [revolt become-COND.C] *mön Ataibuqa ⟨...⟩ Duua-tan köbegü-d arban qoyar tüme-d cerig-*

'Afterwards, when the princes Duua and Busma revolted, ⟨...⟩ the same Atai Buqa ⟨...⟩ [tried to throw down the rebellion and, when failing, retreated to

üd-iyer qoton-u cayada kür-cü [reach-PFV.C] *bürin qadqu-ldu-qui-dur mön Ataibuqa* ⟨...⟩ *beyenggedün sitügeleldü-n qadqu-ldu-yad* [resist.RECP-CVB stab-RECP-CVB.then] *olan-ca uruysi yabu-ju* [go-PFV.C] *temdegtei-e kücü öggü-gsen-ü siltaya-bar* [give-PRF.P-GEN reason-INS] *ima-yi itegel-tü tug-tu cerig-üd-ün noyan bolya-n tüsi-ged darqan nere ber* ***öggü-gsen a-juyu***.

Qara Qoco and raised troops and fortified it. Then] ⟨...⟩ the princes Duua and others arrived in the vicinity of the town with 120,000 troops and, when they all engaged in battle with one another, the same Atai Buqa was mindful of the Empire, without considering that he might die, and engaged in battle, participating personally in the resistance. Because he went more in advance than the multitude and rendered service pre-eminently, ⟨the Emperor⟩ appointed him an officer of the trustworthy troops with banners and also **granted ⟨him⟩ the title darqan**.

4. *Qoyin-a iduy_qud deger-e ayulja-n yar-cu ire-besü* [set.out-PFV.C come-COND.C] *mön Ataibuqa ayruy-iyan abu-yad daya-n ire-küi-dür* [come-FUT.P-DAT3] *jobalang-ud-i ülü talya-n jayur-a berke cöl-nugud-i tuyulu-yad Yungcang-dur kür-besü* [arrive-COND.C] *yajar usun-u nayir joyis-tu amun künesün elbeg-tü-yin tula dotura-yan oyisiya-ju* [like(?)-PFV.C] *orusi-n Yungcang-a* ***nuntuyla-ysan a-juyu***.

‘Afterwards, when the idug qud [i. e., his people] came for an audience with the Emperor, when the same Atai Buqa took his camp and came following [him] and when he arrived at Yungcang, having traversed the difficult deserts in between, without considering his sufferings, because the harmony of land and water was suitable and millet and provisions were abundant, inwardly he delighted in it and **encamped permanently** in Yungcang’.

5. *Mön Ataibuqa jöb ese bolu-ysan-u qoyin-a* [become-PRF.P-GEN after-DAT1].

‘After the same Atai Buqa passed away ⟨...⟩’.

As we can observe, instances of *-GsAn a-juyu* form the storyline and are thus perfective, while *ülü qariyulu-n a-ysan a-juyu* is an instance of a general behavior attributed to Ataibuqa and is thus to be understood as simply past imperfective. (A second instance of this form, *kündüle-n a-ysan a-juyu* ‘were venerating him’, can be found in line 30.) So these forms are not to be interpreted as perfects but are applied to those events that Su Wei has reconstructed from his sources. They therefore indicate an additional layer of evidential marking. As *-jUGU* is already used for other non-witnessed hearsay events, *-GsAn a-juyu* could probably be specified as reconstruction from a source and thus as inferential.

-GsAn on its own is very rarely used in sentence-final position. The eight or nine instances in two or three passages quoted below are all that are contained in my corpus; the first two end poetic lines, while the third is prose.

(83) *ene Qunan / qara söni gendü_cino / gegeen üdür qara kerie bol-ju / newü-qüy-tür*
DPROX Qunan black night male_wolf bright day black crow become-PFV.C move-FUT.P-DAT3
ese ***ünji-gsen*** */ ünji-küy-tür ese* ***newü-gsen****; / busu güün-lüe / buši niur ese*
NEG.PFV rest-PRF.P rest-FUT.P-DAT3 NEG move-PRF.P different person-COM different face NEG.PFV
jübci-gsen */ öš-tü güün-lüe / öere niur ese* ***jübci-gsen***
?-PRF.P vengeance-POSS person-COM other face NEG.PFV ?-PRF.P
‘This Qunan was A male wolf in the dark / A black crow in the bright day / When we were on the move he did not stop, / When we halted he did not move on. / With a stranger / He did not put on another face, / With a mortal enemy / He did not put on a different face’ [§ 210, 9038—9042; de Rachewiltz 2004: 143].

(84) *yaliyu dayisun-i qalqala-ju oyira ese* ***qalga-ysan****,*
hot enemy-ACC ward.off-PFV.C near NEG.PFV let.approach-PRF.P
qaltaril ügei qadqu-ldu-ju sayi-ban ***ol-da-ysan****,*
dodging NEG pierce-RECP-PFV.C good-RPOSS find-PASS-PRF.P
qadayala-gsan mingyan-iyan abu-yad Qamil-a ***talbi-ysan****,*
supervise-PRF.P thousand-RPOSS take-PFV.C Qamil-DAT1 put-PRF.P
qayan-a kücü öggü-n negü-jü Yungcang-a ***nuntugla-ysan***
Khan-DAT1 strength give-CVB move-PFV.C Yungcang-DAT1 camp-PRF.P
‘He warded off evil enemies and let them not come near. / He battled without shirking and his success was found. / Having taken the thousand of which he was in charge, he put them in Qamil. / Rendering service to the Qagan he removed and encamped at Yungcang’ [SMI 1362: 49—50; Cleaves 1949: 92].

(85) *Qorci ire-jü ügüle-rün Bodoncar boqdo-yin bari-ju ab-uqsan eme-de-ce*
Qorci come-PFV.C say-CVB.PRAEP Bodoncar august-GEN grab-PFV.C take-PRF.P woman-DAT2-ABL

töre-gsen *ba* *Jamuqa-lua* *keeli* *nike-ten* *keke* *qaqca-tan* *bü-leey*
be.born-PRF.P 1PL.EXCL Jamuqa-COM womb one-POSS.PL amniotic.fluid single-POSS.PL COP1-PST.1H
ba; *Jamuqa-da-ca* *ülü* *qaqaca-qu-n* *bü-lee* *ba*
1PL.EXCL Jamuqa-DAT2-ABL NEG.IPFV separate-FUT.P-PL COP1-PST.1H 1PL.EXCL
'Having come, Qorci said: We <u>have been born</u> from a woman who the august Bodoncar captured for himself. We had the same womb ⟨to originate from⟩ with Jamuqa and one single amniotic fluid. ⟨Normally,⟩ we would not have separated from Jamuqa' [§ 121, 3376—3379][30].

In spite of the small number of examples, it seems possible to arrive at a congruent analysis here, even if it cannot be conclusively proven. In (83) Cinggis Qan discusses the merits of Qunan in order to assign a position to him, i. e. the past deeds of his subordinate have great present relevance. In (84) the great deeds of Atai Buqa previously narrated in (82) are remembered. They acquire present relevance as they, in contrast to the other considerations and events narrated in the poem, constitute the reasons why Atai Buqa is now to be venerated. Note that at least the third sentence cannot refer to the actual result of the event: the defense of Qara Qoco ~ Qamil was successfully completed in the past, and the troops stationed there for that event have certainly left since. Finally, in (85) Qorci is mentioning a past event that renders the split from Jamuqa that he is in the course of undertaking as treason under normal circumstances, so this past event is highly relevant at the time of speech. Now while *-GA* in each example could be explained as a simple past, there are already three simple past suffixes in MM, but there is no present perfect.The past perfect consists of *-GsAn* plus a past copula. So the assumption that the meaning of *-GsAn* is indeed present perfect seems plausible. The absence of **-GsAn bu-yu* / *a-mu* then corresponds to the absence of **-QU bu-yu* / *a-mu*[31]. Overall, *-GsAn* as a present and *-GsAn a-juɣu* / *bü-lüge* as past forms seem to be used for expressing results or relevance at a point of reference and can thus be designated as perfects.

4.4. *-GA*, *-GA bü-lüge*

-GA appears to be attested 15 times in finite position in the SH, but one instance [6044] has to be amended to a voluntative plural, and another instance [X040] is preceded by something that, if not emended, would be an irregular form of the passive suffix [de Rachewiltz 2004: 834]. This leaves 13 instances, but these are based on only three verbs. Bayarmendü, also mentioning the Mandarin gloss 了, characterizes *-GA* as a simple past marker when used in finite position but notes that its meaning is less clear when followed by a copula [Bayarmendü 1986: 72—74]. The latter is the case only five times in the SH, four of these being parallel sentences with the auxiliary *ög-* 'give' in a benefactive auxiliary construction with four different main verbs [6362—6370]. But considering how it might have turned into a resultative (with very restricted application) in Khalkha (see [Song 1997: 243—285; Brosig forthc.]), if it started out as a perfective, one might be compelled to check the feasibility of ascribing a resultative meaning to *-GA*[32]. This approach explains the use with the negative particle 'not yet' in (86), which is preserved in Khalkha and can offer a common meaning to the sentence-final uses in (87) and (88) and the periphrastic use in (89).

(86) *Širgüetü* *nama-yi* *ala-n* *bu-yu.* *Ala-n* *bara-asu* *ükü-gsen* *amin* *ügey* *beye*
Sirgüetü 1SG-ACC kill-CVB COP2-GN kill-CVB finish-COND.C die-PRF.P life NEG body
min-u *ab-cu* *od-cu* *yeki-üjey* *ta.* *Nama-yi* ***ala-ay*** ***üdüüy-e*** *öter*
1SG-GEN take-PFV.C proceed-PFV.C do.what-PREV 2PL 1SG-ACC kill-RES NEG(?)-DAT1 quick
qari-dqun. *Temüjin* *nama-yi* *ülü* *ala-qu.*
return-IMP.PL Temüjin 1SG-ACC NEG.IPFV kill-FUT.P
'Sirgü'etü is killing me. Once he has killed me, what will you achieve by taking away my dead and lifeless body? Draw back *while he <u>has not yet killed</u> me*! Temüjin will not kill me' [§ 149, 5034—5037;

[30] Given the intervening personal pronoun in (85), it is difficult to assume that *bülee* has *töregsen* in its scope. However, it might have been possible for a relative clause to modify the pronoun *ba*, as was assumed by Haenisch [Haenisch 1940: 32], here. The sentence would then contain two instances of *ba*, but this might be explained, on the one hand, by the general tendency for MM pronouns to occur in sentence-final position and, on the other hand, by the impossibility of placing a nominal modified by such a heavy relative clause after the main predicate. So this analysis, which would exclude *-GsAn* in (85) from the evidence for final predicates, cannot be ruled out entirely.

[31] Cleaves assumes that the forms in (84) are shortened variants of *-GsAn a-juɣu* [Cleaves 1949: 129]. But this text passage is no longer part of a narrative, so the past level to which past perfect forms (as used elsewhere in the same inscription) could have referred to does not exist any longer.

[32] Something in this vein is also assumed by Rybatzki [Rybatzki 2003: 77], who translates *-GA* with the English present perfect but does not discuss its meaning. It is not significant that he labelled *-GA* as "Imperfective particle" because this was not his choice but that of his editor, Juha Janhunen.

de Rachewiltz 2004: 71]. (Sirgü'etü has taken Taqutai Kiriltuq as prisoner and is to deliver him to Temüjin. His relatives are trying to free him, but his capturer is using him as a hostage. Hoping in vain that his life might be spared by Temüjin, he convinces his relatives not to attack his capturer.)

(87) *Tede* *Tatar* *tani-n* *a-juu.* *Yisügey* *Kiyan* ***ire-ey*** *ke-ed* ⟨...⟩ *qoro*
DDIST.PL Tatar recognize-CVB COP2-PST.2H Yisügei Kiyan come-RES say-PFV.C ⟨...⟩ poison
qoli-ju ***ög-ciüy***.
mix-PFV.C give-PST.2H
'⟨But⟩ those Tatars *were recognizing* him. "Yisügei the Kiyan has come", they said, and ⟨...⟩ they gave him poison mixing it ⟨with his food⟩' [§ 67, 1480—1482; de Rachewiltz 2004: 16].

(88) *öci-n* *melje-n* *a-qsa-d* *Sartaul* *irgen-ü* *soltan-i* *doroyida-ul-ju* *balaqa-d*
report-CVB bet-CVB COP2-PRF.P-PL Sartaul people-GEN sultan-ACC submit-CAUS-PFV.C town-PL
irge *an-u* ***ab-uay*** *bida*
people 3PL-GEN take-RES 1SG.INCL
'We *have* caused the Soltan of the Sarta'ul people, who had refused to submit, to abase himself and we conquered his cities and people' [§ 260; Y448—450; de Rachewiltz 2004: 192].

(89) *Möŋlig* *ecige* *ci* *ese* *idqa-asu* *huyil-un* *bü-küy* *usun-tur* *hulal-un*
Mönglik father 2SG NEG.PFV dissuade-COND.C whirl-CVB COP1-FUT.P water-DAT3 glow.red(?)-CVB
bü-küy *qal-tur* ***oro-qda-ay*** ***bü-leey*** *je*
COP1-FUT.P fire-DAT3 enter-PASS-RES COP1-PST.1H IP
'Had you, Father Mönglik, not dissuaded me, I would to my distress have entered whirling waters, a blazing fire' [§ 204, 8338—8340].

In (86) Taqutai Kiriltuq urges his relatives to withdraw at a time when the result of the action of killing him does not yet obtain. In (87) the presence of Yisügei can be taken as an opportunity to poison him. In (88) some generals of Cinggis Qan are petitioning him, starting with details of the current situation by stating this sentence. They stress that the enemy people are conquered and now under their command. In (89), without the warning of Mönglig, the result of Temüjin's having entered whirling waters (by which he means a trap in which the enemy would have caught him) would have obtained at the time of speech. The other instances in which this construction is used also refer to irreal results that would have obtained given a precondition that did not materialize.

This approach comes at a cost, however. One might try to explain the attributive use with the verb *yabu-* 'go' in the Phags-pa edicts, as exemplified in (90), as based on a verb meaning 'set.out+go' or might content oneself with the observation that *yavaa* in Khalkha is the only form other than *baigaa* (historically deriving from 'having stopped and still standing') that lacks a synchronic resultative meaning in that dialect. It might also be possible to explain all instances of *ayis-ay* [4040, 7317, 7334, 7343, 7352, 7357; Y153, Z042] as 'having approached', 'having come close' being a rather relative notion, but a translation as 'approaching' appears to be more natural[33]. Even so, (91), in which the verb *ab-* 'give' is used as an auxiliary, seems to pose insurmountable difficulties for a resultative account.

(90) *Sun* *jin[ž]in* ***bari-ju*** ***yabu-ayi*** *jarliq* *ög-bei*
Sun holy.person grab-PFV.C go-RES edict give-PST.FC
'Darüber gebe ich (hiermit) einen Erlass, den Sun, der Heilige, bei sich behalten soll' (Buyantu qaγan-u jarliγ, 1314) [Haenisch 1940: 62].

(91) *basa* *bida* ⟨...⟩ *Buyiruq* *qan-i* ⟨...⟩ *hülde-jü* ⟨...⟩ *Kicil_baš* *naur-a* *muqudqa-ju*
also 1PL Buyiruq Qan-ACC pursue-PFV.C Kicil_Baš lake-DAT1 finish.off-PFV.C
ab-uay *je* *bida*
take-RES IP 1PL
'Then we pursued Buyiruq Qan ⟨...⟩ and ⟨...⟩ ⟨*finally*⟩ finished him off at ⟨Lake⟩ Kicil Baš' [§ 177, 6284—6287; de Rachewiltz 2004: 99].

(91) is part of a sequence of events that Temüjin sends as a message to Ong Qan, bemoaning his treason in the face of these past events of cooperation. The fact that Buyiruq Qan is dead is irrelevant here, and emphasis is instead put on the fact that they killed him jointly. So a simple past form would have been the expected choice. An experiential perfect would still be conceivable, but a resultative does not fit the bill. So, while designating

[33] An Aktionsart-based explanation is logically possible, but 'set.out+approach' appears like an unnatural meaning for a verb to have.

-GA as a resultative seems to account for the functions of this marker better than alternative explanations such as designating it as a past participle, this position is still problematic. A study that uses all MM materials as well as materials from all of modern Mongolic as evidence would be highly desirable.

5. Conclusion

5.1. Overview of the system

MM had a verbal system that, in addition to number and gender, marked aspect, tense and, depending on the subsystem, evidentiality. It seems most feasible to divide the aspectual system into two domains: imperfective and perfective. The imperfective domain has the following structure.

Table 5

Imperfective domain for MM

<table>
<tr><th></th><th colspan="2">progressive</th><th colspan="2">habitual</th><th>generic</th></tr>
<tr><td>future</td><td colspan="4">-QU
(-mU je, -d je)</td><td rowspan="3">-yU</td></tr>
<tr><td rowspan="2">present</td><td colspan="4">-mU</td></tr>
<tr><td colspan="2">-n bu-yu</td><td colspan="2"></td></tr>
<tr><td>past</td><td colspan="3">-n bü-lüge / -na-juɣu</td><td>-QU bü-lüge /
-QU a-juɣu</td></tr>
</table>

On the present level, MM differentiated between the generic marker *-yU*, the progressive-habitual *-mU* and the old progressive *-n bu-yu* / *-n bu-i*. Late western MM dialects must have had the progressive marker *-nam* < *-n a-mu*, the only of these markers to survive in modern Mongolian. While *-d* occurs in some present habitual contexts, it is questionable that such a meaning can be assigned to it. On the past level, the simple past imperfective *-n bü-lüge* / *-n a-juɣu* (with evidential distinction) dominated. While *-mU* was sometimes used for ongoing events in the recent past, this use is understood here as an extended present. The rare use of *-yU* in past contexts might have linked some entity to some behavior irrespective of whether it still existed or not, but conclusions are hard to draw from two attested past usages. *-QU bü-lüge* expressed past habitual or counterfactual epistemic certainty. One might derive these two meanings from a future in the past. Actual future was expressed by simple *-QU*, but both *-mU je* (in contexts of strong prediction) and *-d je* (in contexts of intention) could (through the epistemic or illocutionary meaning of *je*) refer to future events as well. The perfective domain, in turn, might be sketched as follows.

Table 6

Perfective domain for MM

<table>
<tr><th></th><th>perfective</th><th>perfect</th><th colspan="2">resultative</th></tr>
<tr><td>factual</td><td>-bA</td><td>-GsAn</td><td>-jU a-mU</td><td>-GA</td></tr>
<tr><td>past firsthand</td><td>-lUGA</td><td>-GsAn bü-lüge</td><td>-jU bü-lüge</td><td>-GA bü-lüge</td></tr>
<tr><td>past non-firsthand</td><td>-jUGU</td><td>-GsAn a-juɣu</td><td colspan="2">-jU a-juɣu</td></tr>
</table>

There are three past tense suffixes, *-bA*, *-lUGA* and *-jUGU*, that differentiate between a factual, a witnessed, and an inferred / secondhand perspective. Used on their own, they express an unmarked perfectivity. *-bA* is not used in complex perfect and resultative constructions, which are thus either marked as firsthand or secondhand past. When not followed by a copula verb, the perfect and resultative forms *-GsAn* and *-GA* are non-past. Due to their place within the overall language system and the restriction of explicit evidential values to past forms in MM, they may be taken to express a factual perspective. If one defines evidentiality as the marking of the source of information alone (most prominently [Aikhenvald 2004]), MM would have a split between evidential and non-evidential markers. But if notions such as field of knowledge (e. g. with a division into personal vs. factual knowledge), access to information, and time of acquisition are also included in evidentiality (see [Tournadre 2008: 297—298]), or if evidentiality is seen as an epistemic strategy (in the sense of [Mushin 2001]), one could take MM to have an evidentiality system with three different grammaticalized categories.

The rarity of the firsthand past perfect *-GsAn bü-lüge* vis-à-vis the secondhand *-GsAn a-juɣu* (3:68) could possibly hail from textual bias within the corpus of surviving texts. The SH as the textually most diverse MM source has a somewhat more balanced ratio of 2:7. Still, this frequency indicates that *bü-lüge* in complex aspectual forms could have included a neutral or past factual perspective. Given the overall rarity of the resultative

-GA and the *-GA bü-lüge* (which occurs only twice in the SH), the absence of **-GA a-juɣu* is probably coincidental. The other resultative, *-jU a-mu*, is based on the converb *-jU*, which cannot be used in final position, so that it always must be followed by a copula, which for present reference is always *a-mu*. With a telic Aktionsarten, *-jU a-mu* highlights a non-resultant phase inherent to the predication, while the rare *-GA* seems to be attested only with telic predications.

The markers with which counterfactual meaning is expressed (*-GA bü-lüge*, *-QU bü-lüge* / *-QU a-juɣu*, but not *-GsAn bü-lüge* / *-GsAn a-juɣu*) are all based on participle plus copula constructions that have some referential overlap with converb plus copula constructions (*-jU bü-lüge* / *-jU a-juɣu*, *-n bü-lüge* / *-n a-juɣu*), which appear to have been incapable of expressing counterfactual meaning. For *-GA bü-lüge*, as all two attestations in the SH are counterfactual, little can be said of whether this form could refer to actual events.

5.2. Questions for future research

There are a substantial number of questions meriting future research. *-QUi* in the SH is only rarely used in finite position, but its aspectual meaning is not clear at all. Likewise, the meaning of rare morphemes like *-GA* and *-d* might benefit from research based on the entire MM corpus, always being mindful of the spatial and diachronic diversity of MM.

The contrast between the three perfective markers requires further research insofar as the conditions have to be determined under which the factual can or must be used. My impression is that evidential forms are only used if the speaker or writer feels a need to emphasize the conscious perception [Lazard 1999; Johanson 2006] of the information in question, and this means usually distancing oneself from it even in firsthand cases (cf. (61), which is what the patrol, being deceived by the additional Mongolian camp fires at night, has observed, referring explicitly to having seen these fires as the source of their evidence two sentences later)[34]. Any entirely reliable information would have been marked by the factual. Such research would also have to explore the ambivalent status of *bü-lüge* with nominal predicates.

Finally, a more detailed account of the perfect would be desirable. As the uses of perfects are very hard to pin down cross-linguistically, it would be desirable to elaborate on its use in MM in more detail. Its relation to perfect-like uses of *-bA*, the periphrastic past resultative, the simple past imperfective and the morphological resultative forms could be a subject for further research as well.

Abbreviations

Glosses

ABL — ablative
ACC — accusative
ATTR — attributive
C — converbal suffix
CAUS — causative
COM — comitative
COND — conditional
COP1 — copula (in the form *bü-*)
COP2 — copula (in the form *a-*)
CVB — converb
DAT — dative-locative
DAT1 — dative-locative (*-a*)
DAT2 — dative-locative (*-da*)
DAT3 — dative-locative (*-dur*)
DDIST — distal demonstrative
DIM — diminutive
DPROX — proximal demonstrative
EXCL — exclusive
F — feminine gender
FC — factual
FOC — focus
FUT — future
GEN — genitive
GN — generic
IMP — imperative
INCL — inclusive
INS — instrumental
INTR — intransitive
IP — illocutionary particle
IPFV — imperfective
N — noun
NEG — (existential) negation
OBL — oblique
P — participial suffix
PASS — passive
PFV — perfective
PL — plural
POSS — possessive
PRAEP — praeparativum
PREV — preventive (mood)
PRF — perfect
PST — past
PT — posthumous title
Q — question particle / marker
RECP — reciprocal (both for *-ldu-* and *-lca-*)
REFL — reflexive
RES — resultative
RPOSS — reflexive-possessive
SG — singular
V — verb
VOL — voluntative (mood)
1 — first person
2 — second person
3 — third person
1H — direct sensory perception
2H — inference or hearsay

[34] There is evidence that excludes such a distancing hypothesis for parts of the Twelve Deeds of the Buddha mentioned above, but as this source was modified by later copyists, it can usually only provide supporting evidence, but not establish any phenomena on its own.

Other abbreviations

A — Arabic	MM — Middle Mongol	SMI — Sino-Mongol inscriptions
Ch — Chinese	Ph — Phags-pa	U — Uyghur
lit. — literary	SH — Secret History of the Mongols	XJ — Xiao Jing

References

Aalto 1970 — *Aalto P.* Zum Periodenbau im Mongolischen mit besonderer Berücksichtigung des Mongqol-un niuca tobca'an // Mongolian studies. 1970, XIV. P. 9—22.

Aikhenvald 2004 — *Aikhenvald A.* Evidentiality. Oxford, 2004.

Atwood 2007 — *Atwood Ch.* The date of the "Secret history of the Mongols" reconsidered // Journal of Song-Yuan studies. 2007, 37. P. 1—48.

Bayancoγtu 2002 — *Bayancoγtu*. Qorcin aman ayalγun-u sudulul. Kökeqota, 2002.

Bayarmendü 1986 — *Bayarmendü B*. Dumdadu jaγun-u mongγul kelen-ü temdeg üile üge-yin kelberi-nügüd ba tegün-ü ularil kögjil // Öbür mongγul-un yeke suryaγuli. 1986, 1. P. 49—81.

Bertinetto, Lenci 2012 — *Bertinetto P. M.*, *Lenci A.* Iterativity vs. habituality (and gnomic imperfectivity) // http://linguistica.sns.it/QLL/QLL10/Bertinetto-Lenci.pdf, 2012.

Bese 1970 — *Bese L.* Remarks on Middle Mongolian conjugation // Acta Orientalia. 1970, 32. P. 21—35.

Bosson 1969 — *Bosson J.* A treasury of aphoristic jewels. Bloomington, 1969.

Breu 2005 — *Breu W.* Verbalaspekt und Sprachkontakt: Ein Vergleich der Systeme zweier slavischer Minderheitensprachen (SWR / MSL) // Slavistische Linguistik — 2003 / Ed. *Kempgen S.* München, 2005. P. 37—95.

Brosig forthc. — *Brosig B.* Aspect and related notions in the present tense system of Khalkha Mongolian // Acta Linguistica Petropolitana, forthc.

Chan 1976 — *Chan H.-L.* Wei Su // Dictionary of Ming biography 1368—1644 / *Goodrich L.*, *Fang Ch.-Y.* New York, 1976.

Cleaves 1949 — *Cleaves F.* The Sino-Mongolian inscription of 1362 in memory of Prince Hindu // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1949, 12. P. 1—133.

Cleaves 1950 — *Cleaves F.* The Sino-Mongolian inscription of 1335 in memory of Chang Ying-Jui // Harvard Journal of Asiatic Studies.1950, 13. P. 1—131.

Cleaves 1951 — *Cleaves F.* The Sino-Mongolian inscription of 1338 in Memory of Jiguntei // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1952, 14. P. 1—104.

de Rachewiltz 1982 — *de Rachewiltz I.* The preclassical Mongolian version of the Hsiao-Ching // Zentralasiatische Studien. 1983, 16. P. 7—109.

de Rachewiltz 1999 — *de Rachewiltz I.* Some reflections on so-called Written Mongolian // Studia Tibetica et Mongolica — Festschrift Manfred Taube / Ed. *Eimer H.*, *Hahn M.*, *Schetelich M.*, *Wyzlic P.* Swisttal—Odendorf, 1999. P. 235—246.

de Rachewiltz 2004 — *de Rachewiltz I.* The Secret history of the Mongols. London, 2004.

de Rachewiltz 2008 — *de Rachewiltz I.* The dating of the Secret history of the Mongols: A re-interpretation // Ural-Altaische Jahrbücher. 2008, 22. P. 150—184.

Haenisch 1940 — *Haenisch E.* Steuergerechtsame der chinesischen Klöster unter der Mongolenherrschaft // Berichte über die Verhandlungen der sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig. Bd. 92. Heft 2. Leipzig, 1940.

Johanson 2000 — *Johanson L.* Viewpoint operators in European languages // Tense and aspect in the languages of Europe / Ed. *Dahl Ö.* Berlin, 2000. P. 27—187.

Johanson 2006 — *Johanson L.* Indirective sentence types // Turkic Languages. 2006, 10. P. 73—89.

Klein 1994 — *Klein W.* Time in language. London, 1994.

Lazard 1999 — *Lazard G.* Mirativity, evidentiality, mediativity, or other? // Linguistic Typology. 1999, 3 (1). P. 91—110.

Manduqu et al. 1997 — *Manduqu Ü.*, *Yuvan cuu*. Dumdadu erten-ü mongγul kele. Liyuuning, 1997.

Matsuoka 2008 — *Matsuoka Y.* Mongorugo-no asupekuto-ni kan-suru kenkyū. Unpublished dissertation, 2008.

Mostaert 1952 — *Mostaert A.* Sur quelques passages de l'Histoire secrète des Mongols // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1952, 15. P. 285—404.

Mostaert, Cleaves 1952 — *Mostaert A.*, *Cleaves F.* Trois documents mongols des Archives secretes vaticanes // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1952, 15. P. 419—506.

Mushin 2001 — *Mushin I.* Evidentiality and Epistemological Stance: Narrative Retelling. Philadelphia, 2001.

Nasunurtu 1989 — *Nasunurtu.* Dumdadu jaγun-u mongγul kelen-ü *a-*, *bü-* ijaγurtu üile üge jici tedeger-ün ularil kögjil // Öbür mongγul-un yeke suryaγuli.1989, 3. P. 89—135.

Ozawa 1961 — *Ozawa Sh*. Chūsei mōkogo no dōshigobi no taikei // Gengo kenkyū. 1961, 40. P. 33—80.

Ozawa 1965 — *Ozawa Sh.* Auxiliary verb *a-* and *bü-* in Middle Mongolian // Tōkyō gaikokugo daigaku renshū. 1965, 12. P. 91—113.

Poppe 1954 — *Poppe N.* Grammar of Written Mongolian. Wiesbaden, 1954.

Poppe 1965 — *Poppe N.* The passive constructions in the language of the Secret history // Ural-Altaische Jahrbücher. 1965, 36. P. 365—377.

Rybatzki 2003 — *Rybatzki V.* Middle Mongol // The Mongolic languages / Ed. *Janhunen J.* London, 2003. P. 47—82.

Secen 1989 — *Secen C.* Mongɣul bicig-ün kelen-ü *bolai* gedeg üge-yin bütüce irel-ün asaɣudal-du // Mongɣul kele bicig. 1989, 8. P. 32—39.

Secen 1993 — *Secen C.* Dumdadu üy-e-yin mongɣul kelen-ü "*a*, *bü*", "*bai*, *bol*" kiged tedeger-ün orulaju orulaɣdaɣsan ucir siltaɣan // Mongɣul kele udq-a jokiyal. 1993, 6. P. 35—48.

Song 1997 — *Song J.-M.* Tense, aspect and modality in Khalkha Mongolian. Unpublished dissertation, 1997.

Street 1957 — *Street J.* The language of the Secret History of the Mongols. New Haven, 1957.

Street 2008 — *Street J.* Middle Mongolian past-tense *-BA* in the Secret History // Journal of the American Oriental Society. 2008, 128/3. P. 399—422.

Street 2009 — *Street J.* On the three past tense endings of early Middle Mongolian // Ural-Altaische Jahrbücher. 2009, 23. P. 126—159.

Street 2010 — *Street J.* The interrogative particle in Early Middle Mongolian // Mongolian Studies. 2010, 30. P. 43—82.

Street 2013 — *Street J.* On quotation in Middle Mongolian: The verb *ke(m)e-* 'to say'. Bloomington—Indiana, 2013.

Svantesson et al. 2005 — *Svantesson J.-O.*, *Tsendina A.*, *Karlsson A.*, *Franzén V.* The Phonology of Mongolian. Oxford, 2005.

Toɣtambayar 2012 — *Toɣtambayar L.* Mongɣul kelen-ü kele jüijil kiged jokicamji. Šenyang, 2012.

Tournadre 2008 — *Tournadre N.* Arguments against the concept of 'conjunct' / 'disjunct' in Tibetan // Chomolangma, Demawend und Kasbek, Festschrift für Roland Bielmeier, 2008. P. 281—308.

Tömörtogoo 2002 — *Tömörtogoo D.* Mongol dörvöljin bichigiin durashaliin sudalgaa. Ulaanbaatar, 2002.

Tümenceceg 1990 — *Tümenceceg*. Dumdadu jaɣun-u mongɣul kelen-ü toɣacin ögülekü tölüb-ün kelberi-nügüd ba tegün-ü ularil kögjil // Öbür mongɣul-un yeke suryaɣuli. 1990, 3. P. 102—120.

РЕЗЮМЕ

В этой работе предлагается анализ категорий вида, времени и эвиденциальности в среднемонгольском языке. Видовая система данного языка достаточно сложна и состоит, главным образом, из перифрастических конструкций, построенных посредством конвербальных, причастных, финальных суффиксов и двух связочных глаголов. Эти конструкции выражают прогрессивность, хабитуальность, перфективность, перфект и результативность на настоящем и прошедшем временных уровнях. И прогрессивность в настоящем, и результативность могут выражаться двумя разными конструкциями, которые различаются видовыми или акциональными свойствами. Три суффикса прошедшего времени выражают фактуальную информацию, а также информацию прямого и косвенного свидетельства. Эта трехэлементная оппозиция ограничивается перфективным видом, в то время как все другие видовые маркеры прошедшего времени различают лишь прямое и косвенное свидетельство. В будущем времени видовые различия отсутствуют, хотя и причастие будущего времени, и результативное причастие могут образовывать контрфактивные конструкции.

SUMMARY

The paper contains an analysis of aspect, tense and evidentiality in Middle Mongol. This language has a fairly complex aspectual system, consisting of mostly periphrastic constructions built up from converbal, participial and final suffixes, and two different stative copula verbs. They express progressivity, habituality, genericity, perfectivity, perfect and resultativity on the present and past tense levels. Present progressivity and resultativity can both be expressed by two different constructions that differ by their aspectual scope and / or actional properties. The three past tense suffixes mark factual, firsthand and secondhand information. This evidential trichotomy is restricted to the perfective aspect, while all other aspectual past tense markers only receive firsthand or secondhand marking. No aspectual distinctions seem to be made in the future, though both the future participle and the resultative participle can form contrafactual constructions.

Ключевые слова: среднемонгольский язык, категория вида, категория времени, эвиденциальность, перфективность, имперфективность

Keywords: Middle Mongol, aspect, tense, evidentiality, perfectivity, imperfectivity

© 2014 ***Н. В. Дубровская***

Термин *парка* / *порга* и его синонимы в диалектах селькупского языка[1]

Описание одежды коренных народов Сибири как интереснейшего пласта материальной культуры, дающего представление об исторической, политической, а также духовной жизни народа, можно обнаружить во многих работах [Кривошапкин 1865: 126; Плотников 1901: 73; Прокофьева 1956; Прыткова 1970а; Пелих 1972: 41—42; Народы Западной и Средней Сибири 2002: 163; Тучков 2002: 117—118; Народы Западной Сибири 2005: 342—347; Тучков 2008: 147—148]. Однако, как отмечает Н. Ф. Прыткова, «обширная литература по этнографии народов Сибири, за малым исключением, дает весьма краткие и односторонние сведения об одежде этих народов» [Прыткова 1970б]. Что же касается последних лингвистических исследований в данной области селькупского языка, необходимо отметить работу И. В. Булгаковой, в которой основное внимание уделено историко-этимологическим и этнокультурным аспектам исследования наименований одежды и обуви селькупов [Булгакова 2003]. Таким образом, актуальность предлагаемого нами исследования вызвана необходимостью изучения семантики наименований одежды в диалектах селькупского языка не только на диахроническом, но и на синхронном уровне. В данной статье предлагается первый опыт анализа семантической структуры селькупских наименований одежды в свете теории синонимии, который позволит в ходе исследования не только описать семантическую структуру отдельных наименований, но и выявить, а также сравнить различные оттенки значений терминов тематической группы «одежда».

Этнографические исследования указывают на то, что сведения по наименованиям одежды отдельных групп селькупов неоднородны. «Верхняя мужская и женская одежда селькупов в основном была одинакова. Тазовские селькупы шили одежду из оленьих шкур. По покрою это была одежда, сшитая из одной целой, некроенной шкуры, с надрезами-проймами для рукавов и со швами на плечах. Иногда полки одежды надставляли полосами из ровдуги или сукна; кроме того, обычно к рукавам одежды пришивали широкие обшлага из ровдуги или сукна. К концам рукавов прикрепляли рукавицы, сшитые из камусов. На подклад под одежду шли лисий мех, беличьи и лисьи лапки и птичьи шкурки. Баишенские селькупы имели одежду с матерчатым стеганым верхом, на таком же подкладе, что и у тазовских; по покрою эта одежда полностью совпадала с кетской. Одежда тазовских и баишенских селькупов завязывалась спереди ровдужными завязками, подпоясывалась поясом и не имела никаких украшений. Об одежде нарымских селькупов сведений почти нет. Известно, что на реке Чижапка зимняя одежда у них была того же вида, что и у других групп. Летняя женская одежда представляла собой матерчатый кафтан с прямым разрезом, со сходящимися полами, спинку кафтана кроили в узкую талию, бока одежды делали отрезные, собранные у пояса в сборки. Нарымские селькупы украшали свои кафтаны аппликацией из цветных тканей (на обшлагах); к правой поле (на груди) пришивали овальный кусочек сукна с нашитыми на него медными и фарфоровыми пуговицами» [Прыткова 1970в][2].

Принимая во внимание то, что термин «одежда» трактуется двояко и может обозначать или всю совокупность предметов, надеваемых на тело, или только часть предметов, исключая обувь и головные уборы, а также белье [Словари], мы имеем в виду широкую трактовку термина, хотя в данной работе речь не пойдет о наименованиях обуви и головных уборов, поскольку они не относятся к синонимам рассматриваемого селькупского термина *парка* / *порга*.

Путем логического выделения предлагаем подразделять одежду на следующие типы:

1) верхняя одежда, под которой понимается одежда, носимая поверх одежды, надеваемой на нижнее белье;

2) одежда, носимая поверх нижнего белья, — для выделения такого типа одежды предлагаем употреблять также термин «верхняя нательная одежда»;

3) нижнее белье.

[1] Работа выполнена при поддержке программы ОИФН «Типологическое и историческое изучение языковых явлений в их соотношении с культурной эволюцией, реконструкция культуры по данным языка» (проект «Реконструкция названий одежды в уральских и алтайских языках»).

[2] В с. Парабель Томской области председателем Районного общества коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока «Колдэл куп» И. А. Коробейниковой нам были любезно предоставлены для фотографирования предметы национальной одежды, которые используются современными селькупами ансамбля «Варг Кара» (см. фотографии в конце статьи).

Дубровская Наталья Викторовна, Национальный исследовательский Томский политехнический университет; ruraru@yandex.ru

Для двух последних типов одежды считаем возможным использовать термин «нательное белье, нательная одежда», когда нет необходимости подчеркивать специфику того или иного типа в отдельности.

Общим селькупским термином для обозначения одежды в целом и верхней одежды в частности является слово *парка* / *порга.* Диалектными вариантами данного термина в селькупском языке являются следующие: об., кет., вас., ел. *porɣ*, *porɣe*; кет. *porɣa*; об. с., тым. *porəg*; об. с., кет., вас. *porəɣ*; ел. *purɣ*; таз. *porqi.*

Термин *парка* / *порга* восходит к общесамодийскому лексическому фонду — к глаголу **pårkə* со значением ‘кроить, резать; скоблить, обрабатывать шкуру’ [Janhunen 1977: 116—117]. Таким образом, исходя из значения слова, самодийская парка — это прежде всего одежда, с к р о е н н а я из обработанных шкур, т. е. составленная из с к о б л е н ы х и р е з а н ы х деталей. Однако никаких указаний на специфику покроя (например, глухая это или распашная одежда) этимология не содержит. По данным этнографов, у южных селькупов существование одежды глухого покроя отмечено не было [Народы Западной Сибири 2005: 341].

Общесамодийская основа **pårkå* имеет значения ‘одежда, платье, шкура, мех, шуба’ без указания на принадлежность к предметам мужского или женского гардероба [Janhunen 1977: 116—117]. В мертвом маторском языке, который, как и селькупский, относится к южносамодийской группе, зафиксированы слова *харгамь* ‘женское платье’ и *аргада* ‘верхнее женское платье’, состоящие из основы *харга* / *арга* ‘шуба’ и соответствующих притяжательных аффиксов [Janhunen 1977: 116—117; Helimski 1997: 240]. В ненецком языке, который принадлежит к северносамодийской ветви, наоборот, парка — это прежде всего мужская одежда: Т ненец. *парка* ‘па́рка (верхняя меховая одежда мужчины)’ [Терещенко 1965, 2008: 448]; Л ненец. *'pālka* ‘верхняя меховая мужская одежда’ [Попова 1978: 90].

В лексикографических материалах по селькупскому языку словарные статьи, посвященные данному термину, как правило, не содержат толкования его как верхней меховой одежды. Лишь в словаре С. И. Ирикова, наряду со значением таз. *порӄы* ‘одежда’, выделяется значение ‘верхняя меховая мужская и женская одежда’ [Ириков 1988: 58]. В других словарях по тазовскому диалекту таз. *porqi* приписывается значение ‘одежда’ [ОчСЯ 1993: 151; Хелимский 2011], хотя в материалах, на которые имеются постраничные словарные ссылки [ОчСЯ 1980], можно встретить перевод этого существительного на русский язык как «шуба» и «пальто». В «Диалектологическом словаре селькупского языка» зафиксировано таз. *porqi* ‘одежда’, ‘верхняя одежда’ [Казакевич, Будянская 2010: 104], в «Селькупском словаре» И. Эрдейи — таз. *porqi* ‘парка, платье, одежда’ [Erdélyi 1969: 192]. В «Селькупско-русском диалектном словаре», содержащем материалы по южным, центральным и северным диалектам (за исключением тазовского), представлено три значения данного слова: 1) ‘шуба’; 2) ‘одежда’; 3) ‘листва’ [Быконя 2005: 193]. Таким образом, есть необходимость в уточнении значения об., кет., вас., ел. *porɣ*, *porɣe*, кет. *porɣa*, об. с., тым. *porəg*, об. с., кет., вас. *porəɣ*, ел. *purɣ*, таз. *porqi.*

Выделяя дифференциальные признаки одежды, обозначаемой термином *парка* / *порга* в диалектах селькупского языка, обратимся к следующим примерам, распределяя их на три группы по формальному признаку перевода на русский язык в источниках: относя к первой группе случаи перевода селькупского термина русским существительным в значении какого-либо отдельного вида одежды, ко второй группе — случаи перевода существительным *одежда*, а к третьей группе — все другие примеры.

1) Кет. *konej porɣa* ‘шуба из овчины’ [Дульзон Архив; Быконя 2005: 193] (*konej* ‘овечий, из овчины’); кет. *sij porɣe* ‘соболиная шуба’ [Дульзон Архив; Быконя 2005: 193] (*sij* ‘соболиный’); об. с. *n'ajan qobi porəɣ* ‘беличья шуба’ [Дульзон Архив; Быконя 2005: 193] (*n'ajan qobi* ‘беличья шкурка’);

об. с. *porɣəm katerku* ‘застегнуть шубу’ [Дульзон Архив; Быконя 2005: 193]; об. с. *Mat orɨmsan, kuǯannij as nil'zi porəqɨm sütkuzaβ* ‘Я выросла, никогда такую шубу не шила’ [Быконя 2005: 218]; об. с. *Qaj porɣɨm sennal?* ‘Что, сшила ты шубу?’ [Быконя 2005: 223]; кет. *porɣəm niŋgigugu* ‘снимать шубу’ [Дульзон Архив; Быконя 2005: 193];

ел. *Orse č'asokeŋa kumɨt potɨ tokal'dendotɨn* ‘При сильном морозе люди надевают парку’ [Дульзон Архив];

таз. *Qɔtɨr təmɨsap porqɨtqo* ‘Я купил сукно на пальто’ [ОчСЯ 1980: 177]; таз. *Na ima porqɨmtɨ šütɨraltɛntɨŋɨtɨ šütɨrtɨl' qɨmɨnɨk* ‘Эта женщина пальто сошьет у портного (в портновской мастерской)’ [ОчСЯ 1980: 213]; об. с. *Tjodalbədi porgɨm k'er'eg'eŋ sergu* ‘Теплое пальто надеть надо’ [Быконя 2005: 222]; таз. *N'omal' porqɨ ira* ‘Старик-Заячье пальто’ (название сказки) [ОчСЯ 1980: 360], *N'omal' Porqɨ* ‘Заячья шуба’ (герой фольклора северных селькупов) [Хелимский 2011]; таз. *N'omal' porqɨtɨ nɨtqɨlɛlä qalɨntɨ* ‘Его заячье пальто, порвавшись, осталось’ [ОчСЯ 1980: 391];

таз. *Nūn Ija pötpɨl' porqɨp ašša tokkalsɨtɨ* ‘Сын Бога теплой шубы не надел’ [ОчСЯ 1980: 362];

таз. *qal' porqɨ* ‘платье’ [ОчСЯ 1993: 151; Казакевич, Будянская 2010: 104], ‘рубашка, платье’ [Хелимский 2011] (со ссылкой на [Erdélyi 1969; Helimski 1983; ОчСЯ 1993; Ириков 1988]), тур. *qamɣl' poroqɨ* ‘платье, рубашка’ [Быконя 2005: 70];

тур. *qamɨl′ porqɨl′mɨ* ‘белье’ [Быконя 2005: 70] (*porqɨl′mɨ* = *porqɨ* ‘одежда’ + *l′mɨ* — суффикс собирательности): *čjandaptɨsal′ qamɨl′ porqɨl′mɨ* ‘замоченное белье’; *Ponä ɨtɨmpɨl′ qamɨl′ porqɨl′mɨ tek′enta* ‘Вывешенное белье сохнет’ [Быконя 2005: 70]; таз. *qal′* (~ *qamɨl′*) *porqɨ* ‘нижнее белье’ [Хелимский 2011];

Tūral′ Qal′ Porqɨ ‘Вшивая рубашка’ (имя фольклорного персонажа) [Хелимский 2011]; таз. *Na qal′ porqɨnɨk qopsak* ‘Эта рубашка мне очень понравилась (нравится)’ [Хелимский 2011];

таз. *Nɧnɨ təm tō ĩŋɨtɨ kəsɨl′ porqamtɨ* ‘Тогда он снял кольчугу’ [ОчСЯ 1980: 370] (досл. *kəsɨl′ porqamtɨ* ‘железную одежду’ [Казакевич, Будянская 2010: 104]); таз.-тур. *Kəsɨl′ porqɨtɨ əsa* ‘У него была железная парка’ [Казакевич, Будянская 2010: 104];

таз.-тур. *Tɨgɨn′al porqɨp* ‘Парку надел’ [Казакевич, Будянская 2010: 104]; таз. *n′alkɨl′ porqɨ* ‘пуховое пальто, пуховик’ [Хелимский 2011]; таз. *sorɨmtäl′* (~ *sorɨntäl′* ~ *sərɨntäl′*) *porqɨ* ‘плащ-дождевик’ [Хелимский 2011] (со ссылкой на [Ириков 1988]); таз. *qälɨl′ porqɨ* ‘ягушка (ненецкая распашная одежда мехом наружу)’ [Хелимский 2011]; об. ш. *kobzuj poroɣ* ‘кожух (кожаное пальто)’ [Булгакова 2003: 13];

об. ч. *Mat kβelage Topkond aj lakugep taβl′eb′e šand tödel porgop onendžegep aj nelan* ‘Я поеду в Томск и куплю новые норковые шубы себе и дочке’ [ПМА 2013]; об. ч. *Lakuget eχa porg*, *kajl mat naderam. Tab eχa padel sun′džute šil* ‘В магазине было пальто, которое мне понравилось. Оно было синее с собольим воротником’ [ПМА 2013].

2) Вас. *tarəl porɣə* ‘меховая одежда’ [Дульзон Архив]; вас. *qündel porəɣ* ‘верхняя одежда из домотканого сукна’ [Дульзон Архив];

кет. *tib′ikü porɣə* ‘мужская одежда’ [Дульзон Архив]; кет. *nejkü porɣə* ‘женская одежда’ [Дульзон Архив];

таз. *imal′ porqɨ* ‘женская одежда’ [ОчСЯ 1980: 379]; таз. *soma porqɨ* ‘хорошая одежда’ [ОчСЯ 1980: 171]; таз. *kanal′ porqɨ* ‘одежда из собачьего меха’, таз. *qorqɨt tarɨl′ porqɨ* ‘одежда из шерсти медведя’ [ОчСЯ 1980: 191]; таз. *ōtät tarɨl′ porqɨ* ‘одежда из оленьей шерсти’ [ОчСЯ 1980: 381]; таз. *porqɨ aj pəmɨ* ‘одежда и обувь’ [ОчСЯ 1980: 192]; таз. *Tan ńeńńal mat porqap šütpa* ‘Твоя сестра мою одежду сшила’ [ОчСЯ 1980: 254];

таз. *qal′* (*βəcɨn′al′* (*βətn′al′*) *qamɨl′*) *porqɨ* ‘нижнее белье’ [Хелимский 2011] (*βəcɨn′al′* (*βətn′al′*) ‘нательный’); таз. *Təp sāqɨ porqɨ wərɨsɨtɨ* ‘Он был в черном’ [Хелимский 2011] (досл. ‘Он носил черную одежду’); таз. *kuncɨl′ porqɨ* ~ *künčɨl′ porqɨ* ‘одежда из грубого сукна’ [Хелимский 2011] — со ссылкой на материалы первых селькупских словников, где данное словосочетание переводится как «азям» (в словаре Ф. Г. Мальцева от 1903 г. [Helimski 1983]) и «зипун» (в материалах, собранных К. Доннером и У. Т. Сирелиусом в начале XX в.); таз. *kɨrkal′ porqɨ* ~ *kɨral′ porqɨ* ‘поношенная одежда мехом наружу’ [Хелимский 2011]; таз. *sompɨl′ porqɨ* ‘шаманское одеяние’ [Хелимский 2011] (со ссылкой на [Helimski 1983]); таз. *tarɨl′ porqɨ* ‘зимняя одежда мехом наружу’ [Хелимский 2011] (со ссылкой на материалы, собранные К. Доннером и У. Т. Сирелиусом); таз. *tuŋkusɨl′ porqɨ* ‘суконная одежда эвенкийского фасона’ [Хелимский 2011]; таз. *ükɨsɨmɨl′ porqɨ* ‘одежда с капюшоном’ [Хелимский 2011]; таз. *rašal′ porqɨ* ‘тряпье, отрепья, лохмотья’ [ОчСЯ 1993: 168; Хелимский 2011] (досл. ‘рваная, оборванная одежда’);

об., таз. *kotɨl′-porg* ‘кожаная / замшевая одежда’ [Булгакова 2003: 13].

3) Кет. *Əran pōla porəɣəm niŋgakβāttə*, *čβəčə qandəkuŋ*, *čečol′dikuŋ sɨrrə* ‘Осенью деревья обнажаются ⟨букв. ‘одежду сбрасывают’⟩, земля замерзает, выпадает снег’ [Быконя 2005: 193].

Таким образом, основываясь на вышеприведенных примерах, дифференциальными признаками одежды, обозначаемой в диалектах селькупского языка словом *парка* / *порга*, можно считать следующие.

1) Эта одежда может быть как **женской**, так и **мужской**.

2) Эта одежда может быть **распашной**.

3) Эта одежда в первую очередь **теплая**, **верхняя**, но не только. Для обозначения нательной одежды в северных диалектах селькупского языка употребляется составной термин *qal′* (~ *qamɨl′*) *porqɨ*, для которого, как и для слова *парка*, характерно отсутствие дифференциального признака «мужская / женская одежда». Как известно, уже в XIX в. южные селькупы практически не носили национальной одежды, т. е. предпочитали одежду на «русский манер» [Кривошапкин 1865: 126]; таким образом, мужской нательной одеждой являлась рубаха, женской — рубаха, рубашка, платье. Следовательно, значение словосочетания *qal′* (~ *qamɨl′*) *porqɨ* — это собирательное значение ‘верхняя нательная одежда, нижнее белье’ (‘рубаха’ или ‘платье’).

Верхняя нательная одежда селькупов исторически фиксируется очень слабо. В середине XIX в. М. А. Кастрен упоминал, что рубаха «не принадлежит к народной одежде томских остяко-самоедов» [Народы Западной Сибири 2005: 342], однако уже в конце XIX в. она получила широкое распространение в среде селькупов. Мужчины имели несколько ситцевых рубах и носили их по две или по три одновременно [Плотников 1901: 73], при этом обязательно расстегивался ворот, т. к. несколько рубашек были показателем состоятельности и богатства. «Нередко рубахи носили, не снимая до того момента, пока нижние из них не начинали изнашиваться до последней степени» [Народы Западной Сибири 2005: 343].

Фонетическими вариантами *qal'* в центральных и южных селькупских диалектах являются формы *a-*, *ka-*, *kaj-*, *qa-*, *qaj-*: система отсылок «Селькупско-русского диалектного словаря» объединяет (как диалектные варианты) существительные тым. *qal'borɣ*, тур. *qal'poroɣop*, *qal'poroɣə*, об. ч. *qabor*, об. с., об. ч., вас. *qaborɣ*, об. с. *qaborəq*, вас. *qaporkə*, кет. *qajborg*, об. с. *kabor*, тым. *kajmpor*, об. с. *abor*, об. ш. *kaborg*, об. с. *kabork*, вас., тым. *kaburg*, ел. *kajmpor*, *kamiporɣ*, тым. *kajporiɣ* и др. [Быконя 2005: 32, 34, 35, 61, 65]. Единственным диалектом селькупского языка, в котором мы находим компонент *qaj* в качестве самостоятельного существительного, является кетский; в остальных центральных и южных диалектах, как и в северных, он входит в состав сложных лексических единиц, образованных путем его прибавления к термину *парка* / *порга*. Подробный анализ существительного кет. *qaj* (*qajmə*) и сложных лексических единиц тым. *qal'borɣ*, тур. *qal'poroɣop*, *qal'poroɣə*, об. ч. *qabor*, об. с., об. ч., вас. *qaborɣ*, об. с. *qaborəq*, вас. *qaporkə*, кет. *qajborg*, об. с. *kabor*, тым. *kajmpor*, об. с. *abor*, об. ш. *kaborg*, об. с. *kabork*, вас., тым. *kaburg*, ел. *kajmpor*, *kamiporɣ*, тым. *kajporiɣ* (и др. диалектных вариантов) последует ниже.

4) Для наименования того или иного вида одежды **наличие определяющего слова** обязательно: например, таз. *n'alkɨl' porqɨ* ‘пуховое пальто, пуховик’; таз. *soɾɨmtäl'* (~ *soɾɨntäl'* ~ *səɾɨntäl'*) *porqɨ* ‘плащ-дождевик’. Исключениями являются ‘парка’, ‘шуба’ и ‘пальто’. Энциклопедические определения парки в толковых словарях указывают на то, что значения ‘парка’ и ‘шуба’ семантически равны, а покрытие парки сукном могло предопределить употребление термина в значении ‘пальто’.

Ср. в «Большой советской энциклопедии»: «*Парка* (у ненцев; у хантов и манси — *порхы*, у селькупов — *порга*) — название различных местных типов верхней зимней одежды в Северной Сибири, сшитой большей частью из оленьих шкур мехом наружу. В низовьях Оби (у хантов и манси) парка — одежда глухого покроя с капюшоном. На нижней и средней Оби (у хантов и манси), на реках Тазе и Турухане (у селькупов), на севере Красноярского края и в Якутии (у долган, эвенков, якутов) парка имеет вид шубы. Некоторые эвенки Восточной Сибири называют паркой свой обычный открытый кафтан. В XVIII в. русские на Камчатке называли паркой длинные меховые рубахи (кухлянки)» [БСЭ 1975].

В «Северной энциклопедии» дано следующее определение парки: «*Парка* — зимняя меховая распашная мужская и женская одежда, распространенная на севере Западной и частично Восточной Сибири у долган, селькупов, эвенков, кетов и др. У кетов и некоторых групп эвенков шилась из одной шкуры оленя, обернутой вокруг тела, с завязками на сходящихся спереди полах; у других — со вставными клиньями на спинке. К рукавам пришивались рукавицы с разрезами для высвобождения руки. Парка у нарымских селькупов крылась поверх меха сукном. У ненцев Ямала, северных ханты и манси паркой называется глухая одежда типа сокуя, надеваемая поверх малицы» [СЭ 2004: 716].

В тазовском диалекте селькупского языка необходимо также отметить наличие выражения таз. *porqɨl' tɨ̄rɨ(ŋ)* ‘не снимая верхней одежды’, которое свидетельствует в пользу того, что первоначально слово обозначало именно верхнюю одежду: таз. *Porqɨl' tɨ̄rɨ(k) qāmtɨkkol'mantɨ?* ‘Почему ты сидишь не раздеваясь?’ [Хелимский 2011].

5) *Парка* / *порга* **необязательно является скроенной**, **сшитой одеждой** (например, таз. *Nɨ̄nɨ təm tō īŋɨtɨ kəsɨl' porqamtɨ* ‘Тогда он снял кольчугу’ [ОчСЯ 1980: 370], досл. *kəsɨl' porqamtɨ* ‘железную одежду’), хотя, безусловно, в основном термин используется для наименования одежды, произведенной путем сшивания отдельных деталей. В данном случае необходимо обратить внимание на составное наименование *kəsɨl' porqɨ* ‘кольчуга’, которое хранит во многом следы наивной картины мира: ср. таз.-тур. *Kəsɨl' porqɨtɨ əsa* ‘У него была железная парка’ [Казакевич, Будянская 2010: 104]. В пользу первоначального значения именно сшитой одежды свидетельствует производное прилагательное — таз. *porqɨtɨl'* ‘предназначенный для шитья одежды’ [ОчСЯ 1993: 151].

Что же касается примера кет. *Əran pōla porəɣəm niŋgakβāttə*, *čβəčə qandəkuŋ*, *čečol'dikuŋ sɨrrə* ‘Осенью деревья обнажаются ⟨букв. ‘одежду сбрасывают’⟩, земля замерзает, выпадает снег’ [Быконя 2005: 193], то необходимо заметить, что в данном случае кетское существительное *porəɣ* используется в переносном значении, образно и, скорее, относится к единичной авторской метафоре, поскольку других примеров его употребления в переносном значении ‘листва’ в материалах по селькупскому языку мы не находим.

Источники, которые содержат в себе материалы относительно истории селькупской одежды, указывают на то, что полное и окончательное вытеснение селькупской традиционной одежды самодельного производства произошло за период с конца XIX в. — середины XX в. В 1927 г. Е. Н. Орлова отмечала, что на р. Кеть еще бытовали «шубы, сшитые из мелких кусочков меха (беличьих лап, голов, шеек и т. д.)», но это все были «старые меха», т. к. теперь «белку без лапы, хвоста и головы заготовители не примут, а тратить единственную свою валюту на свою одежду не по карману туземцу» [Народы Западной Сибири 2005: 347]. Вытеснение традиционной одежды у селькупов происходило в два этапа: сначала селькупы начали шить одежду национального покроя из покупных материалов (привозная ткань вытеснила мех и кожу) и отказались от создания сборного меха, а затем с середины XX в. стали покупать одежду. В настоящее

время покупная одежда является основной для селькупского населения. Искусство изготовления сборного меха утрачено, забыты многие детали и покрой национальной одежды. Сведения о старинной традиционной одежде селькупов носят фрагментарный характер [Народы Западной Сибири 2005: 347].

Можно сказать, что, таким образом, в семантической структуре термина *парка* / *порга* полностью отражена история селькупской одежды.

В селькупском языке у термина *парка* / *порга* есть ряд синонимов. При помощи способа идентификации значения Шарля Балли [Балли 1961], при котором отыскивается общая часть значения (семантическая доминанта), благодаря которой можно говорить о синонимических парах, тройках и рядах слов, были определены синонимы об., кет., вас., ел. *porɣ*, *porɣe*, кет. *porɣa*, об. с., тым. *porəg*, об. с., кет., вас. *porəɣ*, ел. *purɣ*, таз. *porqi̯*. Для отображения ряда синонимов с семантической доминантой ‘одежда’ воспользуемся таблицей (*Табл. 1*).

Таблица 1

Синонимический ряд об., кет., вас., ел. *porɣ*, *porɣe*, кет. *porɣa*, об. с., тым. *porəg*, об. с., кет., вас. *porəɣ*, ел. *purɣ*, таз. *porqi̯* с семантической доминантой ‘одежда’

об., кет., вас., ел. *porɣ*, *porɣe*, кет. *porɣa*, об. с., тым. *porəg*, об. с., кет., вас. *porəɣ*, ел. *purɣ*, таз. *porqi̯*	кет. *qaj*, *qajmə*	кет. *qajborg*, *qajborɣ*, тым. *qajborəχ*, об. с. *kabor*, *abor*, об. ш. *kaborg*, об. с. *kabork*, вас., тым. *kaburg*, ел. *kajmpor*, *kamiporɣ*, тым. *kajporiɣ*	об. ш., ч., вас. *tedom*, *tedomə*, вас. *tetomi̯*	вас. *βeʒ*, *βeʒe*

Согласно «Селькупско-русскому диалектному словарю», кетские существительные *qaj*, *qajmə* имеют четыре значения: 1) ‘вещь’; 2) ‘одежда’; 3) ‘белье’; 4) ‘воротник’ [Быконя 2005: 66]. Примеры употребления существительных *qaj*, *qajmə* указывают на то, что они могут обозначать белье (как предметы нижней одежды): кет. *ill'ej qajmə* ‘нижнее белье’ [Быконя 2005: 66]. Другими примерами, которыми оперирует «Селькупско-русский диалектный словарь», являются три следующих: кет. *teben qajlat* ‘его вещи’ [Быконя 2005: 65]; кет. *Tep meŋga tariŋnat qajməm*, *qain mirtə si̯sārum l'eba* ‘Он мне подарил вещь, цена которой 20 рублей’ [Быконя 2005: 66]; кет. *Mānej qum oralgut qajməm* ‘Злой человек хватает за ворот’ [Быконя 2005: 66]. С учетом отсутствия контекста можно предположить, что в первых двух примерах термин *qajmə*, скорее, обозначает вещи не в самом широком смысле этого слова, а тканевые изделия, вещи для домашних, хозяйственных надобностей или любой предмет в качестве нательной одежды, тем более, что в русском языке одним из значений существительного *вещь* является ‘отдельный предмет одежды’. В третьем примере: кет. *Mānej qum oralgut qajməm* ‘Злой человек хватает за ворот’ [Быконя 2005: 66], — несмотря на русский перевод термина *qajmə* как «ворот», имеется в виду хватание, так или иначе, за одежду: ср. рус. *хватает за грудки*, англ. *grab smb's shirt front* ‘взять за грудки’ (досл. ‘за нагрудную часть рубахи’); рус. *выбросить за шкирку*, *за шиворот*. Таким образом, доминирующим признаком данного наименования является широта его значения, а основными дифференциальными признаками одежды, обозначаемой кетскими словами *qaj*, *qajmə*, являются следующие.

1) Эта одежда сделана из **ткани**.

2) Эта одежда — **верхняя нательная** или **нижнее белье**.

Следовательно, для компонента *qal'*, который не встречается в качестве отдельного имени, а входит в состав словосочетания таз. *qal' porqi̯*, можно предполагать идентичную семантику.

Таким образом, внутренняя форма сложных существительных, в состав которых входят компоненты *a-*, *ka-*, *kaj-*, *qa-*, *qaj-* + *парка* / *порга*, складывается, исходя из семантики первого (‘тканевая, нательная, верхняя и нижняя’) и второго (‘одежда’) компонентов.

Выделяя дифференциальные признаки одежды, которая обозначается данными сложными лексическими единицами, приведем примеры их употребления:

кет. *Sütty man qajborgov* ‘Сшей мне рубашку’ (букв. ‘мою рубаху-мою’); кет. *Sērti̯ qajborɣam* ‘Надень рубашку’; кет. *Tep māl'muccǐt qajborham* ‘Он износил одежду’; кет. *Qajborɣi̯ miškuŋ* ‘Одежда рвется’ [Быконя 2005: 65]; вас. *Tabə t'ebnjaqende β'es' kaborɣi̯di̯p χödešpat* ‘Она братьям-ее всю одежду шьет’ [Быконя 2005: 271];

об. ш. *Taβ kaborg aʒa laβi̯kβa* ‘Эта рубашка не пачкается’; об. с. *Man pi̯ na komtes'ē pirjakeŋ kaporkam taβniŋ i sot'ka pümi̯m* ‘Я бы на эти деньги ⟨букв. ‘деньгами’⟩ себе рубашку купил и новые брюки’; вас.

Mat ā pačak kaborɣomdə ‘Я не влезаю в рубашку’; тым. *kaborɣ β'es' čjoɣana* ‘Рубашка вся испачкана’; об. с. *Te qaj pone ədelgβalte kaborgla?* ‘Вы что, на улице вешаете рубашки?’; об. ш. *enej kaborgla* ‘верхнее белье’ [Быконя 2005: 32];

вас. *Qaborɣom petqil'dimba* ‘Рубашка-моя измялась’; об. с. *qaborɣən čubət* ‘подол рубашки’; об. с. *qaborɣən maǯelgi* ‘рубашку скроить’; об. ч. *Tebəlɣut ugul'dǯe qβedidel qaborgit pajaqendit tadikādit* ‘Мужчины домой красивые платья женам-их приносят’ [Быконя 2005: 61];

об. ч. *Matkel kaborgop mat muldǯembat* ‘Мой халат я постирала’ [ПМА 2013]; об. ч. *Tebel kaborgot eda škapket* ‘Мужа рубашка висит в шкафу’ [ПМА 2013].

Таким образом, в отношении предметов, обозначаемых данными сложными словами, можно сделать следующие выводы.

1) Эта одежда из **ткани**.

2) Эта одежда **нательная**.

Но, в отличие от кет. *qaj*, *qajmə*, которым присуща относительно высокая степень широкозначности, существительные, представляющие собой сложные лексические единицы, как кет. *qajborg(ɣ)* (и другие диалектные варианты: см. *Табл. 1*, столбец *3*), главным образом участвуют в номинации отдельных видов тканевой нательной одежды.

Согласно исследованиям этнографов, в первой четверти XX в. мужская рубаха у селькупов была с прямым разрезом до середины груди и широким отложным воротником. Обшлага рукавов, воротник, разрез на груди и ластовицы «делаются из материи другого цвета, отличного от основного тона рубахи». Женское платье называли, как и мужскую рубаху, *qaborq*. Платья в начале XX в. шили на кокетке-«перелинке», с воланом-«амбарой» на подоле. Ворот делали «стоечкой», но встречались платья и с отложным воротником. Разрез на груди, ворот и ластовицы женского платья также обшивали контрастной тканью. В качестве украшения на подол нашивали одну или две полосы яркого, обычно красного, цвета [Народы Западной Сибири 2005: 435].

Интерес представляет пример об. ш. *enej kaborgla* ‘верхнее белье’ [Быконя 2005: 32] (*enej* ‘верхний’), в котором сочетаемость указывает на то, что в семантике слова *kaborgla* признак нательной одежды выражен весьма четко: об. ш. *enej kaborgla* — это не ‘верхняя одежда’, а ‘верхнее белье’. Под «верхним бельем», видимо, следует понимать нательную одежду, которая не является нижним бельем, но и не предназначается для ношения в качестве нательной верхней одежды (например, *ночная рубаха*).

Ср. об. ч. *Kaborg kajl mat šerešpam p'et kondegu ipiɣa tedomiła paroget* ‘Ночная рубашка ⟨букв. ‘рубашка, которую я надеваю, когда сплю’⟩ лежит на куче белья ⟨букв. ‘на белье’⟩ [ПМА 2013]. Рассмотрим существительные об. ш., об. ч., вас. *tedom*, *tedomə*, вас. *tetomi*, которые, включаясь в синонимический ряд термина *парка*, согласно [Быконя 2005], обозначают следующее: 1) ‘вещь’; 2) ‘одежда’; 3) ‘белье’; 4) ‘ткань’ — и встречаются в следующих примерах:

об. ч. *Tebel kaborgot eda škapket ark tabitšand tedomiłaχe kajl tab šerešpat nutč'elget* ‘Мужа рубашка висит в шкафу вместе с парадным костюмом’ (букв. ‘с другой одеждой, которую он надевает на праздники’) [ПМА 2013];

об. ч. *tael tedomiła* ‘летняя одежда’ [ПМА 2013]; об. ч. *kal tedomiła* ‘зимняя одежда’ [ПМА 2013]; об. ч. *sportiβnij tedomiła* ‘спортивная одежда’ [ПМА 2013]; об. ч. *tedomiła urgu kig'eget* ‘одежда для плавания’ [ПМА 2013];

об. ч. *Lakuget ēja kibamarlat*, *nälgut*, *tebelgut tedomilel tolmadla*, *kajgit ēja tedomiła β'es sezonlan — tael*, *ödel-aral aj kal* ‘В магазине есть отделы детской, женской, мужской одежды, где можно купить одежду на все сезоны — летний, весенне-осенний и зимний’ [ПМА 2013]; об. ч. *Man amba nadrit fermegu spitsiłaχ'e aj kodχe tab ferm'eχit koč'ek šand kβ'edǯ'edel tedomiłap kibamarlan aj negat el'madlan* ‘Моя мама любит вязать на спицах и крючком, она связала много новой красивой одежды детям и внукам’ [ПМА 2013]; об. ч. *Matkel kaborgop mat muldǯembat okkermigen koptol tedomiłaχe* ‘Халат я постирала вместе с постельным бельем’ [ПМА 2013];

вас. *Tebə tedomidip tadekkut*, *tebnjaimdit šeršalaldǯəkut* ‘Она одежду приносила, братьев своих быстро одевала’ [Быконя 2005: 303]; об. ч. *Iqendi tedomip šertaldǯəmbat* ‘Он сыну-его одежду велел надеть’ [Быконя 2005: 303];

вас. *Mādit qönd tādimbat tedomidit* ‘К дому привезли-они вещи-их’; вас. *tēdom pengu* ‘сложить вещи’; об. ч. *qoštəl tedomə* ‘плохая одежда’; об. ч. *βot tängədəl n'annjaβi*, *nił'dǯiŋ na tedomdə koč' eq*, *nił'dǯiq qβädǯil'e čjambətkumənd* ‘Вот безумная сестра-наша (нас двоих), вот одежды у нее ⟨букв. ‘одежды-ее’⟩ много есть, так красиво одевается’ (из сказки); об. ч. *Ödərugu nadə tedomip* ‘Одежду сшить надо’; вас. *Qajndul tabə tedomaɣə eɣa* ‘В какой одежде ⟨букв. ‘с одеждой’⟩ он был?’; об. ш. *Šəšqup tömba nul'l'del'ǯugu ondǯ tedomindže* ‘Селькуп пришел праздновать в своей одежде (национальной)’; об. ч.

Tedomə čagelēšpa ‘Белье сохнет’; об. ш. *tedomәp meldžәgudžgu* ‘стирать белье’; об. ч. *Man kaborgom muldžimba n'egond ark tedomiląχ'e* ‘Рубашка моя постирана вместе с другим бельем’ [ПМА 2013];

об. ш. *Söllel m'ēka šand sβa tedomigindi qaboryjp!* ‘Сшей мне из новой хорошей ткани рубашку!’ [Быконя 2005: 249];

об. ч. *Įlgel tedomįlap p'umblap*, *n'ebįl tedom pallel p'algalk β'es kalįmbel tedomįlaute. Lįlβadžel tedomįlap komodond χįkįll'el*, *enegel*: *koneporlap*, *porglap*, *kurtkalap*, *plasčilap škapond edlel* ‘Нижнее белье: трусы, бюстгальтеры — положи отдельно от всей остальной одежды. Нательную одежду в комод спрячь, а верхнюю: шубы, пальто, куртки, плащи — в шкаф помести’ [ПМА 2013].

Последний пример представляет интерес не только потому, что наименования нижнего белья: *p'umblap* ‘трусы’ (от *p'ummį* ‘штаны’) и *n'ebįl tedom* ‘бюстгальтер’ (букв. ‘нагрудное белье, нагрудная одежда’), — насколько нам известно, ранее не были введены в лингвистический оборот, но и с точки зрения сочетаемости существительного *tedomį*.

Таким образом, по своей семантической структуре существительные об. ш., об. ч., вас. *tedom*, *tedomə*, вас. *tetomį*, с одной стороны, отличаются от других единиц семантического ряда наибольшей широтой значения, с другой стороны, специфичным значением ‘ткань’. В соответствии с двумя наиболее распространенными типами отношений между синонимичными словами, которые были установлены представителями Московской лингвистической школы, специализирующейся по изучению тазовского диалекта [ОчСЯ 1980: 31], существительные об. ш., об. ч., вас. *tedom*, *tedomə*, вас. *tetomį* можно отнести к первому типу, когда помимо общего (общих) значений есть и свои специфичные значения, т. е., сравнивая значения термина *парка* / *порга* и слов об. ш., об. ч., вас. *tedom*, *tedomə*, вас. *tetomį*, необходимо отметить между ними существование отношений пересечения.

Ко второму типу можно отнести вас. *βeз*, *βeзe* ‘одежда’: *Mat poruom βeзend p'ellel* ‘Мою шубу на одежду положи!’ [Быконя 2005: 25]. Данный тип отношений синонимичных слов характеризуется отсутствием у одного из них (в данном случае вас. *βeз*, *βeзe*) своих особых значений и наличием только общего с другими словами значения ‘одежда’. В свою очередь другие члены ряда обладают и специфичными значениями. Таким образом, можно отметить отношения включения, когда семантика одного слова полностью поглощается кругом значений другого слова.

Данные по семантике наименований одежды рассмотренного нами синонимического ряда отражены в *Табл. 2*.

Таблица 2

Сводные данные по семантике синонимического ряда существительных с доминантой ‘одежда’

об., кет., вас., ел. *porɣ*, *porɣe*, кет. *porɣa*, об. с., тым. *porəg*, об. с., кет., вас. *porəɣ*, ел. *purɣ*, таз. *porqį*	кет. *qaj*, *qajmə*	кет. *qajborg*, *qajborɣ*, тым. *qajborəχ*, об. с. *kabor*, *abor*, об. ш. *kaborg*, об. с. *kabork*, вас., тым. *kaburg*, ел. *kajmpor*, *kamiporɣ*, тым. *kajporiɣ*	об. ш., об. ч., вас. *tedom*, *tedomə*, вас. *tetomį*	вас. *βeз*, *βeзe*
участвует в номинации различных отдельных видов одежды: в первую очередь верхней меховой, а также тканевой верхней и нательной	главным образом употребляется в широком значении тканевых предметов нательной одежды вообще	главным образом участвует в номинации отдельных видов тканевой нательной одежды	употребляется в широком значении ‘вещь’ (вообще), а также для обозначения предметов одежды в частности; не содержит в семантике указаний на тип одежды, но имеет специфичное значение ‘ткань’, которое может указывать на материал, из которого произведены вещи, именуемые данным термином	употребляется только в широком значении ‘одежда’ (вообще)

Второй ряд синонимов по отношению к об., кет., вас., ел. *porɣ*, *porɣe*, кет. *porɣa*, об. с., тым. *porəg*, об. с., кет., вас. *porəɣ*, ел. *purɣ*, таз. *porqį* в диалектах селькупского языка образуют существительные со значением ‘шуба’; они представлены в *Табл. 3*.

Таблица 3

Синонимический ряд об., кет., вас., ел. *porɣ*, *porɣe*, кет. *porɣa*, об. с., тым. *porəg*, об. с., кет. *porəɣ*, ел. *purɣ*, таз. *porqi* со значением ‘шуба’

об., кет., вас., ел. *porɣ*, *porɣe*, кет. *porɣa*, об. с., тым. *porəg*, об. с., кет., вас. *porəɣ*, ел. *purɣ*, таз. *porqi*	об. ш., об. ч. *koneporɣ*, об. ч. *konneporɣ*, об. ш. *koneborg(ɣ)*	кет. *konermi*	об. *kanakəlporq*	кет. *kin'njaŋ*	об. *ponžel porq*	таз. *sok*, *mal'čä*	об. ч. *kindž'*, об. ш. *kun'd'*	вас. *qarni*

Во внутренней форме об. ш., об. ч. *koneporɣ*, об. ч. *konneporɣ*, об. ш. *koneborg(ɣ)* заложено указание на материал, из которого сшит соответствующий вид верхней одежды: первый компонент сложного существительного происходит от *konär*, *konar*, *konner* ‘овца’, а второй (*porɣ*, *borg*) — это тот же корень *парка* / *порга*. Диалектные варианты тым. *qoneborɣ*, об. ч. *qoneporɣə*, согласно «Селькупско-русскому диалектному словарю», имеют два значения: 1) ‘тулуп’ и 2) ‘шуба’ [Быконя 2005: 91][3]. В отношении терминов селькупской верхней одежды, которая различается по виду меха, имеются экстралингвистические сведения, согласно которым, в поселках на р. Обь в начале XX в. широко бытовали длинные овчинные тулупы мехом вовнутрь (*koneporq*) и длинные собачьи дохи мехом наружу (*kanakəlporq*[4]), распашные, с прямым станом, с боковыми швами, длинными рукавами и отложным воротником [Народы Западной Сибири 2005: 342].

Однако на сегодняшний день об. ш., об. ч. *koneporɣ*, об. ч. *konneporɣ*, об. ш. *koneborg(ɣ)* употребляются в значении ‘шуба (вообще)’:

об. ч. *Čumb koneporgeχe madžönd ā kβelende*, *χačm'ek tol'džiχ'e čadžegu edžlamadž'el kulan nada šerešpegu ā χačm'ek*, *kaβka koneporgop natko* ‘В длинной шубе на охоту не пойдешь, тяжело на лыжах ходить будет; охотнику нужно иметь легкую, короткую шубку для этого’ [ПМА 2013]; об. ч. *Kal enegel tedomi̯lap mošna fötku ši̯t kanat*, *konergat*, *korgot*, *aštet*, *logatkoboute*, *edžešpat pötpel aj kβedž'edel šil*, *kanal*, *logal*, *aštet*, *korgel aj ark koneporgla* ‘Зимнюю верхнюю одежду можно сшить из меха соболя, собаки, овцы, медведя, оленя, лисицы, получаются и теплые, и красивые собольи, собачьи, мутоновые, лисьи, оленьи, медвежьи шубы’ [ПМА 2013];

об. ш. *Mat sə̄ssap koneborɣont muli̯t* ‘Я пришила к шубе пуговицу’ [Быконя 2005: 132]; об. ч. *Tab qoneporɣjom mi̯gaχ'e χjodešpat* ‘Она шубу иглой зашивает’ [Быконя 2005: 270]; об. ш. *Tap koneborɣomt aza mi̯ltepč'jokut* ‘Он шубу-его не застегивает’ [Быконя 2005: 132];

об. ч. *Minan eχa matket kanat koboute tedomi̯la*, *kajl šer'ešpeχi̯t man βarg tebnja*, *ambam natedomi̯laute fötpam m'eka kanal raβka koneporgop*, *koneporglikap m'embat* ‘У нас была дома разная одежда из собачьего меха, которую носил мой старший брат, моя мама ее перешила и мне собачью коротенькую шубку, полушубок сделала’ [ПМА 2013].

В кетском диалекте селькупского языка слово *konermi̯* образовано путем сложения двух основ — существительного *koner* ‘овца’ и существительного с широкой семантикой *mi̯* ‘вещь’. По своей семантической структуре кетское существительное *konermi̯* очень схоже с об. ш., об. ч. *koneporɣ*, об. ч. *konneporɣ*, об. ш. *koneborg*, тым. *qoneborɣ*, об. ч. *qoneporɣə*, также употребляется не в значении ‘овечья шуба’, а ‘шуба (вообще)’: *Tep t'jondi̯t indi̯ konnermi̯si̯* ‘Он накрыл сына-его шубой’.

Кетское существительное *kin'njaŋ* имеет значение ‘шуба (из оленьих или собачьих шкур)’ [Быконя 2005: 58]. Согласно этнографическим исследованиям, данный термин обозначает легкую короткую шубу, которая выступала как основной вид промысловой одежды в XIX — начале XX в. у южных и северных селькупов. В южном ареале она была сшита из оленьего, заячьего или собачьего меха и называлась по-русски *кырняжка* [Пелих 1972: 41—42]. У северных селькупов ее делали из меха оленя. В данной конструкции выделяются следующие элементы: цельнокроенность, сшита мехом наружу, сходящиеся полы, прямой разрез спереди, прямые длинные вшивные рукава, наличие кожаных завязок на полах, различная длина переда и спинки. У северных селькупов есть свои особенности кроя: полы надставлены полосами оленьего меха и имеют запáх слева направо; к подолу пришита меховая надставка — «панда» [Прыткова 1970: 85].

Другую верхнюю промысловую одежду — *ponžel porq* ‘из камысов порга’ — шили из сборного меха. Для нее характерны меховой подклад (ворсом вовнутрь), сшитый из камысов мелких пушных зверьков (соболя, белки, горностая), верхнее покрытие из ткани, прямой покрой (в женском варианте чуть приталенный), распашной покрой, наличие боковых швов, запáх правой полы на левую, прямые вшивные рукава из ткани, наличие меховой отделки вокруг горловины, по подолу, обшлагам и правой поле

[3] Ср. в «Большом толковом словаре русского языка» С. А. Кузнецова: *тулуп* ‘длинная, обычно не крытая сукном меховая шуба из овчины’ [Кузнецов 2000: 1351].

[4] Сельк. *kanak* ‘собака’.

(у женщин); длина шубы для взрослых мужчин — ниже колен, у женщин — до щиколотки, детская шуба — до колен. В качестве зимней дорожной одежды в ходу были глухие совики и малицы — таз. *sok*, *mal'čä*, — заимствованные у ненцев [Прыткова 1970: 98].

Синонимами об., кет., вас., ел. *porɣ*, *porɣe*, кет. *porɣa*, об. с., тым. *porəg*, об. с., кет., вас. *porəɣ*, ел. *purɣ*, таз. *porqi̯* выступают об. ч. *kindǯ'*, об. ш. *kun'd'* ‘зипун’ [Быконя 2005: 44, 54]. Сведения относительно данных слов имеются в «Путешествии по Лапландии, северной России и Сибири (1838—1844, 1845—1849)», составленном в середине XIX в. М. А. Кастреном, где он отмечал, что томские самоеды заменили «свои меховые одежды из оленьей шкуры на русское платье. Русские называют его “зипуном”, самоеды — *kundsch*, *kundǯ'*» [Кастрен 1860: 342]. В кетском диалекте есть существительное *kundže* со значением ‘грубое сукно’ [Быконя 2005: 54].

Таким образом, в основе семантики об. ч. *kindǯ'*, об. ш. *kun'd'* лежит вид материала, из которого произведена одежда, именуемая данным термином. Согласно этнографическим данным, изготавливали зипун из шерстяной покупной ткани разного качества. Покрой был прямой, правая пола запахивалась на левую. Носили зипун и мужчины, и женщины; мужчины подпоясывали зипун опояской. Суконный зипун, наравне с меховой «кырняжкой», стал промысловой одеждой селькупов. Во второй половине XX в. и «кырняжку», и зипун вытеснила стеганая ватная телогрейка-фуфайка — *куфапка.* В советские годы именно она оказалась основной промысловой верхней одеждой всех таежников Западной Сибири — и русских, и селькупов [Народы Западной Сибири 2005: 342]. В обских говорах чумылькупов имеется заимствованное из коми-зырянского языка об. ч. *šoburp* ‘зипун’ [Быконя 2005: 298], а также заимствованное наименование из русского: об. ч. *Ʒipunla ugop šer'ešpeχat ružel aj čumel gula* ‘Зипуны раньше носили и русские, и селькупы’ [ПМА 2013].

Наименование шубы вас. *qarni* отличается от остальных наличием эмоциональной окрашенности и имеет значение ‘шубка’: вас. *Ir astət qoboutə porɣop*, *qarnil χötkadi̯t* ‘Раньше из шкуры оленя шубу, шубку шили-они’ [Быконя 2005: 73].

Сводные сведения о семантике наименований одежды со значением ‘шуба’, находящихся в отношениях синонимии в селькупском языке, помещены в *Табл. 4*.

Таблица 4

Сводные данные о семантике синонимического ряда существительных со значением ‘шуба’

об., кет., вас., ел. *porɣ*, *porɣe*, кет. *porɣa*, об. с., тым. *porəg*, об. с., кет., вас. *porəɣ*, ел. *purɣ*, таз. *porqi̯*	об. ш., об. ч. *koneporɣ*, об. ч. *konneporɣ*, об. ш. *koneborg(ɣ)*	кет. *konermi̯*	об. *kanakəlporq*	кет. *kɨn'njaŋ*	об. *ponžel porq*	таз. *sok*, *mal'čä*	об. ч. *kindǯ'*, об. ш. *kun'd'*	вас. *qarni*
‘шуба из любого меха’	‘шуба из любого меха’	‘шуба из любого меха’	‘собачья шуба’	‘легкая, короткая шуба’	‘шуба из камысов’	‘совик, малица’	‘зипун’	‘шубка’

Сравнивая наименования отдельных видов шуб в селькупском языке, необходимо обратить внимание на то, что названия шуб, в состав которых входит термин *парка* / *порга*, могут обозначать не отдельный вид шубы, а одежду, сшитую из соответствующего меха или шкуры: ср. *kanakəlporq* ‘собачья шуба’, *kanal' porqi̯* ‘одежда из собачьего меха’. При коммуникативной необходимости указания на конкретный вид теплой верхней одежды, при выделении его из других видов одежды вообще или других видов теплой зимней меховой одежды используется термин *парка* / *порга* или *конэпорг* в значении ‘шуба’ и существительные синонимического ряда с более общим значением:

Mat poruom βeʒend p'ellel ‘Мою шубу на одежду положи!’ [Быконя 2005: 25]; об. ч. *Pall'el man kanat porglikap negend ark tedomi̯laχ'e kanal koboute* ‘Положи мою собачью шубку вместе с другой одеждой из собачьего меха’ [ПМА 2013]; об. ч. *Kal enegel tedomi̯lap mošna fötku šɨt kanat*, *konergat*, *korgot*, *aštet*, *logatkoboute*, *edžešpat pötpel aj kβedǯ'edel šil*, *kanal*, *logal*, *aštet*, *korgel aj ark koneporgla* ‘Зимнюю верхнюю одежду можно сшить из меха соболя, собаки, овцы, медведя, оленя, лисицы, получаются и теплые, и красивые собольи, собачьи, мутоновые, лисьи, оленьи, медвежьи шубы’ [ПМА 2013] (см. выше и другие примеры).

Таким образом, рассмотрев слово *парка* / *порга* и его синонимические ряды, мы охватили практически все названия одежды, которая относится к верхней и нательной одежде (за исключением наименований юбки и штанов, а также некоторых заимствованных наименований: например, тым. *qopt* ‘кофта’)[5].

[5] Мы не останавливаемся здесь на описании семантики селькупских наименований юбки и штанов, как и других немногочисленных названий одежды, не входящих в круг синонимов интересующего нас термина *парка* / *порга*.

Следовательно, слово *парка* / *порга* и ряд его синонимов обозначают бóльшую часть предметов, относящихся к верхней и нательной одежде. В ходе истории селькупского языка рассмотренный нами термин оказался центральным в группе синонимов со значением ‘верхняя и нательная одежда’ за счет потенциала изначально довольно широкого значения.

Впервые проведенный анализ семантической структуры наименований одежды селькупского языка в свете теории синонимии позволил выявить и сравнить различные оттенки значений этих наименований, а также вычленить случаи абсолютных синонимов на уровне диалектов (хотя, как отмечают представители Московской лингвистической школы, в пределах лексики селькупского языка подобных случаев практически не бывает [ОчСЯ 1980: 31]). Часто встречающаяся относительная синонимия, при которой слова помимо одного или нескольких сходных, общих значений имеют еще специфичные значения, характерна для тематической группы ‘верхняя и нательная одежда’ селькупского языка.

Приложение

1. **Национальная селькупская одежда ансамбля «Варг Кара» (с. Парабель Томской области).** *Фото Н. В. Дубровской* (2013 г.)

2. Национальная селькупская обувь ансамбля «Варг Кара» (с. Парабель Томской области). *Фото Н. В. Дубровской* (2013 г.)

3. Национальные селькупские головные уборы и пояса ансамбля «Варг Кара» (с. Парабель Томской области). *Фото Н. В. Дубровской* (2013 г.)

Сокращения

Языки и диалекты

англ. — английский
ненец. — ненецкий
Л — лесной ненецкий
Т — тундровый ненецкий
рус. — русский
сельк. — селькупский
вас. — васюганский диалект
ел. — елогуйский диалект
кет. — кетский диалект
об. — диалекты обского ареала
с. — обские говоры сюсюкумов
ч. — обские говоры чумылькупов
ш. — обские говоры шёшкумов (шёшкупов)
таз. — тазовский диалект
тур. — туруханский диалект
тым. — тымский диалект
франц. — французский

Общие

букв. — буквально
досл. — дословно
smb — somebody
ПМА 2013 — полевые материалы автора, собранные в экспедиции в с. Парабель Томской области (август — сентябрь 2013 г.); обской говор чумылькупов

Литература

Балли 1961 — *Балли Ш.* Французская стилистика / Пер. с франц. *Долинина К. А.* Под ред. *Эткинда Е. Г.* М., 1961. {*Balli Š.* Francuzskaja stilistika / Transl. from French *Dolinin K. A.* Ed. *Etkind E. G.* M., 1961.}

БСЭ 1975 — Большая советская энциклопедия. Т. 19 / Гл. ред. *Прохоров А. М.* М., 1975 // http://bse.sci-lib.com (дата обращения: 26.08.2013 г.). {Bol′šaja sovetskaja enciklopedija. Vol. 19 / Ed. *Proxorov A. M.* M., 1975 // http://bse.sci-lib.com (data obraščenija: 26.08.2013 g.).}

Булгакова 2003 — *Булгакова И. В.* Лексика, отражающая материальную культуру селькупов. Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Томск, 2003. {*Bulgakova I. V.* Leksika, otražajuščaja material′nuju kul′turu sel′kupov. Avtoref. diss. … kand. filol. nauk. Tomsk, 2003.}

Быконя 2005 — Селькупско-русский диалектный словарь / Ред. *Быконя В. В.* Томск, 2005. {Sel′kupsko-russkij dialektnyj slovar′ / Ed. *Bykon'a V. V.* Tomsk, 2005.}

Дульзон Архив — Материалы, собранные во время научных экспедиций под руководством профессора *Дульзона А. П.* и хранящиеся в Архиве Кафедры языков народов Сибири Томского государственного педагогического университета. {Materialy, sobrannye vo vrem′a naučnyx ekspedicij pod rukovodstvom professora *Dul'zona A. P.* i xran′aščies′a v Arxive Kafedry jazykov narodov Sibiri Tomskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta.}

Ириков 1988 — *Ириков С. И.* Словарь селькупско-русский и русско-селькупский: Около 4000 слов. Пособие для учащихся начальной школы. Л., 1988. {*Irikov S. I.* Slovar′ sel′kupsko-russkij i russko-sel′kupskij: Okolo 4000 slov. Posobie dl′a učaščixs′a načal′noj školy. L., 1988.}

Казакевич, Будянская 2010 — *Казакевич О. А.*, *Будянская Е. М.* Диалектологический словарь селькупского языка (северное наречие) / Ред. *Казакевич О. А.* Екатеринбург, 2010. {*Kazakevič O. A.*, *Bud'anskaja E. M.* Dialektologičeskij slovar′ sel′kupskogo jazyka (severnoe narečie) / Ed. *Kazakevič O. A.* Ekaterinburg, 2010.}

Кастрен 1860 — *Кастрен М. А.* Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, северной России и Сибири (1838—1844, 1845—1849) // Магазин землеведения и путешествий: Географический сборник. Т. VI. Собрание старых и новых путешествий. Ч. II. М., 1860. {*Kastren M. A.* Putešestvie Aleksandra Kastrena po Laplandii, severnoj Rossii i Sibiri (1838—1844, 1845—1849) // Magazin zemlevedenija i putešestvij: Geografičeskij sbornik. Vol. VI. Sobranie staryx i novyx putešestvij. Part II. M., 1860.}

Кривошапкин 1865 — *Кривошапкин М. Ф.* Енисейский округ и его жизнь: С двумя таблицами и картой золотоносной области Енисейского округа. СПб., 1865. {*Krivošapkin M. F.* Enisejskij okrug i ego žizn′: S dvum′a tablicami i kartoj zolotonosnoj oblasti Enisejskogo okruga. SPb., 1865.}

Кузнецов 2000 — *Кузнецов С. А.* Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2000. {*Kuznecov S. A.* Bol′šoj tolkovyj slovar′ russkogo jazyka. SPb., 2000.}

Народы Западной и Средней Сибири 2002 — *Ахметова Ш. К.*, *Бронникова О. М.*, *Жигунова М. А.* и др. Народы Западной и Средней Сибири: Культура и этнические процессы. (= Культура народов России. Т. VI.) Новосибирск, 2002. {*Axmetova Š. K.*, *Bronnikova O. M.*, *Žigunova M. A.* et al. Narody Zapadnoj i Srednej Sibiri: Kul′tura i etničeskie processy. (= Kul′tura narodov Rossii. Vol. VI.) Novosibirsk, 2002.}

Народы Западной Сибири 2005 — Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты / Отв. ред. *Гемуев И. Н.*, *Молодин В. И.*, *Соколова З. П.* М., 2005. {Narody Zapadnoj Sibiri: Xanty. Mansi. Sel′kupy. Nency. Ency. Nganasany. Kety / Ed. *Gemuev I. N.*, *Molodin V. I.*, *Sokolova Z. P.* M., 2005.}

ОчСЯ 1980 — *Кузнецова А. И.*, *Хелимский Е. А.*, *Казакевич О. А.*, *Грушкина Е. В.* Очерки по селькупскому языку: Тазовский диалект. Т. 1. М., 1980. {*Kuznecova A. I.*, *Xelimskij E. A.*, *Kazakevič O. A.*, *Gruškina E. V.* Očerki po sel′kupskomu jazyku: Tazovskij dialekt. Vol. 1. M., 1980.}

ОчСЯ 1993 — *Кузнецова А. И.*, *Казакевич О. А.*, *Иоффе Л. Ю.*, *Хелимский Е. А.* Очерки по селькупскому языку: Тазовский диалект. Т. 2. М., 1993. {*Kuznecova A. I.*, *Kazakevič O. A.*, *Ioffe L. Ju.*, *Xelimskij E. A.* Očerki po sel′kupskomu jazyku: Tazovskij dialekt. Vol. 2. M., 1993.}

Пелих 1972 — *Пелих Г. И.* Происхождение селькупов. Томск, 1972. {*Pelix G. I.* Proisxoždenie sel′kupov. Tomsk, 1972.}

Плотников 1901 — *Плотников А. О.* Нарымский край: Историко-статистический очерк. СПб., 1901. {*Plotnikov A. O.* Narymskij kraj: Istoriko-statističeskij očerk. SPb., 1901.}

Попова 1978 — *Попова Я. Н.* Ненецко-русский словарь: Лесное наречие. (= Studia Uralo-Altaica. 1978, 12.) Szeged, 1978. {*Popova Ja. N.* Nenecko-russkij slovar′: Lesnoe narečie. (= Studia Uralo-Altaica. 1978, 12.) Szeged, 1978.}

Прокофьева 1956 — *Прокофьева Е. Д.* Селькупы // Народы Сибири: Этнографические очерки / Ред. *Левин М. Г.*, *Потапов Л. П.* М.—Л., 1956. С. 665—686. {*Prokof'eva E. D.* Sel′kupy // Narody Sibiri: Etnografičeskie očerki / Ed. *Levin M. G.*, *Potapov L. P.* M.—L., 1956. P. 665—686.}

Прыткова 1970а — *Прыткова Н. Ф.* Одежда народов самодийской группы как исторический источник // Одежда народов Сибири. Л., 1970. С. 1—99. {*Prytkova N. F.* Odežda narodov samodijskoj gruppy kak istoričeskij istočnik // Odežda narodov Sibiri. L., 1970. P. 1—99.}

Прыткова 1970б — *Прыткова Н. Ф.* Верхняя одежда // Историко-этнографический атлас Сибири // http://www.sati.archaeology.nsc.ru/ethno/index.html?n=20 (дата обращения: 26.08.2013 г.). {*Prytkova N. F.* Verxn′aja odežda // Istoriko-etnografičeskij atlas Sibiri // http://www.sati.archaeology.nsc.ru/ethno/index.html?n=20 (data obraščenija: 26.08.2013 g.).}

Прыткова 1970в — *Прыткова Н. Ф.* Верхняя одежда: Селькупы // Историко-этнографический атлас Сибири // http://www.sati.archaeology.nsc.ru/ethno/index.html?n=20&p=4 (дата обращения: 26.08.2013 г.). {*Prytkova N. F.* Verxn′aja odežda: Sel′kupy // Istoriko-etnografičeskij atlas Sibiri // http://www.sati.archaeology.nsc.ru/ethno/index.html?n=20&p=4 (data obraščenija: 26.08.2013 g.).}

Словари — Сборник словарей: *Ефремовой Т. Ф.*, *Ожегова С. И.* и *Шведовой Н. Ю.* // http://что-означает.рф/одежда (дата обращения: 26.08.2013 г.). {Sbornik slovarej: *Efremovoj T. F.*, *Ožegova S. I.* i *Švedovoj N. Ju.* // http://что-означает.рф/одежда (data obraščenija: 26.08.2013 g.).}

СЭ 2004 — Северная энциклопедия / Рук. проекта *Голубчикова В. Д.* Сост. *Акбальян Е. Р.* М., 2004. {Severnaja enciklopedija / Ruk. proekta *Golubčikova V. D.* Sost. *Akbal′jan E. R.* M., 2004.}

Терещенко 1965 — *Терещенко Н. М.* Ненецко-русский словарь. М., 1965. {*Tereščenko N. M.* Nenecko-russkij slovar′. M., 1965.}

Терещенко 2008 — *Терещенко Н. М.* Ненецко-русский словарь. СПб., 2008. {*Tereščenko N. M.* Nenecko-russkij slovar′. SPb., 2008.}

Тучков 2002 — *Тучков А. Г.* История и культура народов Сибири. Томск, 2002. {*Tučkov A. G.* Istorija i kul′tura narodov Sibiri. Tomsk, 2002.}

Тучков 2008 — *Тучков А. Г.* Народы Сибири: История и традиционная культура. Томск, 2008. {*Tučkov A. G.* Narody Sibiri: Istorija i tradicionnaja kul′tura. Tomsk, 2008.}

Хелимский 2011 — Северноселькупский словарь / Сост. *Хелимский Е. А.* Hamburg, 2011 // http://helimski.com/Taz_Selkup_Dictionary (дата обращения: 26.08.2013 г.). {Severnosel′kupskij slovar′ / Sost. *Xelimskij E. A.* Hamburg, 2011 // http://helimski.com/Taz_Selkup_Dictionary (data obraščenija: 26.08.2013 g.).}

Erdélyi 1969 — *Erdélyi I.* Selkupisches Wörterverzeichnis (Tas-Dialekt). Budapest, 1969.

Helimski 1983 — *Helimski E.* The Language of the First Selkup books. (= Studia Uralo-Altaica, 22.) Szeged, 1983.

Helimski 1997 — *Helimski E.* Die Matorische Sprache: Wörterbuch — Grundzüge der Grammatik — Sprachgeschichte. (= Studia Uralo-Altaica, 41.) Szeged, 1997.

Janhunen 1977 — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. (= Castrenianumin toimitteita, 17.) Helsinki, 1977.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена изучению термина *парка* / *порга* в диалектах селькупского языка. Анализ семантики слова проведен в свете теории синонимии, в ходе чего были выявлены и подверглись сравнению семантические структуры лексических единиц тематической группы ‘верхняя и нательная одежда’. Впервые вводится в лингвистический оборот материал полевых записей автора, который позволил зафиксировать некоторые наименования одежды, ранее не фигурирующие ни в одном из известных нам источников по диалектам селькупского языка.

SUMMARY

The article is devoted to the study of the term *parka* / *porga* in the Selkup dialects. The semantics of the word is analyzed in the light of the theory of synonymy, due to it the semantic structures of lexical units of the thematic group ‘outerwear and clothing worn next to the skin’ were identified and compared. The article contains some names of clothing which were not previously included into any of the known sources of the Selkup dialects.

Ключевые слова: селькупский язык, диалектология, названия одежды, синонимия, семантическая структура, тематическая группа

Keywords: Selkup, dialectology, names of clothing, synonymy, semantic structure, thematic group

© 2014 ***Denis Kiryanov***

Temperature terms in the Bashkir language[1]

0. Introduction

The aim of this article is to describe the lexical domain of temperature in the Bashkir (< Kipchak < Turkic) language. First I will address the geographic region and the sociolinguistic situation of this language, then I will speak about some of its morphosyntactic properties relevant to this study and present my own data on the temperature domain and the metaphors connected with temperature terms.

1. The Bashkir language in the sociolinguistic aspect

The Bashkir language is one of the national languages of Russia and it is spoken in the Republic of Bashkortostan (and also in some other regions) in the south-west of the country (near the border with Kazakhstan).

The location of the Republic of Bashkortostan.

While most of the minority languages of Russia are under the threat of extinction, Bashkir has a relatively good status: elementary and secondary schools are lead in Bashkir, so all native speakers are literate, and all of them are also bilingual in Russian. There are also some newspapers published in Bashkir. Based on such evidence, Bashkir has a rather strong social status, and as a result, according to the data of the Russian Census of 2010, it has roughly 1.2 million of speakers (this is the second number of speakers among the national languages of Russia after Tatar).

2. Morphosyntactic properties. What is adjective?

The category of adjective in Bashkir is very similar to the category of noun: according to the grammars of Bashkir (and the Turkic languages at all), there is one indivisible class of "nomina" [Grönbech 1936], although [Dmitriev 1948] mentions some criteria which could be useful in distinguishing the category of adjective. The

[1] I would like to thank people who patiently taught me their language: Aymara Agzamova, Dilara Davletbaeva, Idia Galimova, Ilsur Galimov, Ilyuza Galimova, Alfira Gayfullina, Zukhra Kharisova, Ziliya Nabiullina, Ziliya Masalimova, Raida Muzhdabaeva and Gulnaz Yansaitova. I am also indebted to my reviewers.

Denis Kiryanov, Higher school of Economics (Moscow); denkiryanov@mail.ru

recent views, however, differ from the mentioned one, see [Johanson 2006] and [Kiryanov forthc.]: according to these papers, there are some criteria to distinguish the category of adjective in Turkic and Bashkir, although these criteria differ significantly from those valid for the Indo-European languages. According to this point of view and the tests presented in the papers, primary temperature terms in Bashkir (and most of the secondary ones) belong to the category of "genuine adjectives".

The terms under consideration can also be used as adverbial modifiers (they do not change their form for it), there are a lot of examples of such usages in the section dedicated to personal-feeling temperature (cf. also the term "polyfunctional qualitative" for Tuvan from the paper [Syuryun 2011]).

3. The temperature domain

3.0. Data

The data was collected in the Rakhmetovo village near Magnitogorsk (Eastern Bashkortostan) in July, 2011 during the expedition organized by Saint Petersburg State University. I used the questionnaire compiled by Maria Koptjevskaja-Tamm [Koptjevskaja-Tamm 2007]. Although Bashkirs use the Cyrillic alphabet, we decided to use the Latin alphabet for transcription because it seems to better correspond to the phonology of this language. I used the method of elicitation by asking the speakers to translate some sentences from Russian into Bashkir, and sometimes asking them if another variant was possible, and what the difference between two or more variants was. The source of all the examples are my informants from Rakhmetovo who speak the Eastern dialect. Some examples may differ significantly from the standard Bashkir.

Regarding linguistic descriptions of this language, there are two main grammars which I examined — [Dmitriev 1948] and [Yuldashev 1981], and some dictionaries: Bashkir-Russian [Akhmerov 1958; Uraksin 1996] and Russian-Bashkir [Akhmerov 1964; Uraksin 2005].

In Bashkir it is possible to distinguish three kinds of temperature evaluation as well as in the questionnaire, cf.:

> "When we talk about temperature perception / evaluation, we can distinguish three main sub-domains (frames) with further distinctions.
>
> Experience-based (whereby an entity has a temperature that can be verified from "outside"):
>
> — tactile-temperature, or "touch-temperature" (1);
>
> — non-tactile temperature (as in (2) and (3)).
>
> Experiencer-based (whereby an entity, i.e. a living being, experiences a certain state):
>
> — personal-feeling temperature (4) ⟨…⟩.
>
> (1) *The floor* / *the kettle* / *the soup is COLD.*
>
> (2) *It is COLD here.*
>
> (3) *The sweater is COLD.*
>
> (4) *I am COLD*" [Koptjevskaja-Tamm 2007: 16—17].

Below I will consider in turn all kinds of possible temperature evaluation. The questionnaire also recommends to look for metaphors with temperature terms, but I have to notice that unfortunately in Bashkir (like in many minority languages of Russia) there are few metaphorical expressions with the temperature terms which are not loan-translation from Russian. So this area is not so important for us because it almost does not show natural significant semantic extensions of exactly Bashkir temperature terms, but there are still some interesting moments I will consider.

3.1. Tactile temperature

In the warming temperatures zone ('WARM' and 'HOT') there are two main adjectives — *eθe* and *jələ*, the former means 'hot', while the latter means 'warm'.

(1) *min* *jələ* *öθtäl-gä* *tej-ðe-m*
I warm table-DAT touch-PST-1.SG
'I touched a warm table'.

(2) *qom* *eθe*
sand hot
'The sand is hot'.

The third adjective used in the tactile area to denote the meaning of high temperature is *qajnar* (according to [Yuldashev 1981: 133], this is the only adjectivised participle ending in *-r* in Bashkir, it is derived from the verb

qajnaw ‘to boil’) and it has a very limited distribution. It is used only to refer to the food which has just been cooked and in this area it competes with *jələ*, and also to refer to tea, where it competes with *eθe*.

(3) *aš* *jələ* / *qajna-r*
food warm / boil-POT
‘⟨/st⟩ ⟨come to eat⟩, the food is hot!’

(4) *säj* *qajna-r* / *eθe*
tea boil-POT / hot
‘Tea is hot’.

As for the grammatical properties, in Bashkir in the tactile area both attributive (1) and predicative (2) positions of the temperature adjectives are possible.

Now I would like to consider the difference between the two main adjectives of the warming temperatures zone — *jələ* and *eθe*. It turns out that the difference between them lies in the degree of comfort of human feelings: if something is *jələ*, it is pleasant for him / her to touch or try it, while for *eθe* the situation is opposite. For instance this is confirmed by the example (3), to which one of the speakers gave a comment: if one says *aš eθe*, it is unpleasant to eat such food because it is scorching. Nevertheless, the situation is not unambiguous. If we consider example (4), I have to notice that some speakers (though it was only a part) told me that one can drink such tea, and it is not very comfortable but rather normal. I suppose this ambiguity comes from the fact that in the brain of each speaker there is an univocal correspondence between Russian and Bashkir words, therefore it is impossible to get any definite data by elicitation. The Russian word *тёплый* (*t'oplyj*) ‘warm’ is translated as *jələ*, while the word *горячий* (*gor'ačij*) ‘hot’ as *eθe*, but in Russian the border is not like this: it lies in the temperature of the thing described (see [Rakhilina, Plungian 2007]). Nevertheless, the arguments for the fact that the border between these adjectives lies in the area of comfort seem solid enough to accept this hypothesis. In my opinion, besides the mentioned argument about the food (examples (3) and (4)) two more arguments are worth mentioning:

1) in Bashkir hot tap is called *jələ* (in Swedish where the difference between two adjectives in warming temperatures zone lies in comfort too, to refer to hot tap one also uses the adjective with the meaning ‘warm’ [Koptjevskaja-Tamm, Rakhilina 2006]);

2) in Bashkir in order to denote intensification of the meaning of an adjective partial reduplication is used. It is derived as follows: one takes the first syllable (if required, without the last consonant) and puts after this syllable the consonant [p] (according to [Yuldashev 1981] and [Dmitriev 1948], besides [p] there can still be [m] and [s], but I did not witness such variants), and afterwards one repeats the adjective itself. For example: *harə* ‘yellow’, the first syllable is *ha* => the reduplicated part is *hap* => the final form of partial reduplication is *hap-harə*. So, in the tactile area (unlike the others, see below) the form **jəp-jələ* is impossible, according the speakers’ judgements. However, in the output of the Bashkir corpus containing prose (http://mfbl.ru/bashkorp/ bashkorp) one can find a few examples representing *jəp-jələ* in tactile area. I think this is because ‘very warm’ in Bashkir is ‘too warm’, so it is switching over to the unpleasant feelings. At the same time there is a form *ep-eθe* in the tactile area for a thing that can be both a little unpleasant and really scorching.

Now I am turning to the cooling temperatures zone (‘COOL’ and ‘COLD’). There are also two main adjectives — *halqən* and *həwəq*. Their distribution is quite similar to that of their Russian counterparts *прохладный* (*proxladnyj*) ‘cool’ and *холодный* (*xolodnyj*) ‘cold’ (on Russian adjectives of temperature see [Krylova 2009]).

(5) *äle* *həw* *töš-öw* *jara-ma-j,* *həw* *həwəq*
still water descend-NMLZ suit-NEG-PRS water cold
‘One cannot bathe yet, the water is cold’.

(6) *həw halqən*
water cool
‘Water is cool’.

Interestingly, the reduplicated form *hap-halqən* (unlike *həp-həwəq*) was supposed by the speakers to be odd what also looks logically. The same holds true for the counterpart adjectives in Russian, although Russian has no reduplication but only analytical forms to denote elative degree, such a form would be semantically strange.

In this case, the comfort is not a criterion to have an influence on the distribution of the adjectives, see (7).

(7) *min* *həwəq* *säj* *es-ä-m*
I cold tea drink-PRS-1.SG
‘I am drinking cold tea’

— both in the context “tea which has got cold” and in the context “special beverage served cold”. Besides, in Bashkir the cold tap is *həwəq*, while in the languages with the distinction in comfort cold tap is called with the adjective denoting not the lowest temperature, i. e. *halqən* in our case (see, for example, the Swedish material in [Koptjevskaja-Tamm, Rakhilina 2006]).

To sum up, in tactile area there is a scale as follows: *həwəq — halqən — jələ — eθe*, where *jələ* denotes a border of pleasant feelings. I would like to stress once more that the adjectives in the middle of this scale — *halqən* and *jələ* — cannot be reduplicated in this area (unlike the other areas, see below) unlike the poles — *həwəq* and *eθe*.

3.2. Non-tactile temperature

In cooling and warming temperatures zones of non-tactile temperature domain there are the same four adjectives already mentioned. Let’s consider the warming temperatures zone, where there are some differences from the tactile area.

(8) *təš-ta* *eθe*
face-LOC hot
‘It is hot outside’.

(9) *unda* *jələ*
that.LOC warm
‘It is warm there’.

In this area these two adjectives do not differ in comfort, so their distribution is similar to that of *жаркий* (*žarkij*) ‘hot’ and *мёплый* (*t'oplyj*) ‘warm’ in Russian. This can be proved by several arguments. Firstly, in the ambient area (unless the tactile one!) the form *jəp-jələ* is possible. Like in the tactile area, the form *ep-eθe* is also possible. Secondly, all the speakers did not realize something what is *eθe* (either clothes or weather) as uncomfortable.

Besides, in non-tactile temperature area there is an adjective *tomra* ‘sultry’ which is used very rarely to refer to very hot and tiresome temperature.

(10) *bögön* *tomra* *kön*
today sultry day
‘Today is a sultry day’.

There is also a word *qəðəw* ‘hot’, it has a very limited distribution and is used with the word *ut* ‘fire’ (and with some other notions related to fire) and also denoting the very high temperature (for instance, of iron).

(11) *ut* *qəðəw*
fire hot
‘Fire is hot’.

Now let’s consider the cooling temperatures zone. Here there are the same adjectives: *həwəq* ‘cold’ and *halqən* ‘cool’.

(12) *qəš* *Peterburg-ta* *həwəq*
winter Petersburg-LOC cold
‘It is cold in Petersburg in winter’.

(13) *halqən* *jel* *iθ-ä*
cool wind blow-PRS
‘⟨You are hot and in this moment⟩ cool wind is blowing’.

In example (12) it is also possible to use *jeläθ* — according to the speakers’ opinions, it is used only to refer to a pleasant cool kind of wind (this is also shown by the root of the word, see (13)). If one says *həwəq* about wind, this wind is cold and unpleasant.

As for the possibility of partial reduplication in this area, then here *ep-eθe*, *jəp-jələ* and *həp-həwəq* are normally derived. The form *hap-halqən* was also allowed but said to be odd, probably the same can be said about Russian *очень прохладный* (*očen' proxladnyj*).

3.3. Personal-feeling temperature

There are the same four adjectives but there is an interesting grammar structure with an experiencer in dative case (the same structure is used in Russian).

(14) *miŋä həwəq*
I.DAT cold
'I am cold'.

(15) *hiŋä halqən*
thou.DAT cool
'Thou are cool'.

(16) *uɣa jələ*
that.DAT warm
'(S)he is warm'.

(17) *uɣa eθe*
that.DAT hot
'(S)he is hot'.

As for reduplication the situation is absolutely equal to that of ambient temperature: all the adjectives except for *halqən* can derive reduplicated forms while the latter can be reduplicated, but is referred to as an odd derivation.

Although the questionnaire is dedicated mostly to adjectives, we found an interesting feature of the verbs in this area: the verb *öšötöw* 'to shiver' is a causative to the verb *öšöw* 'to feel cold'.

(18) *mineŋ ajaq-əm öšö-j*
I.GEN foot-POSS.1SG feel.cold-PRS
(lit.) 'My feet are frozen'.

(19) *qəð-ɣa öšö-t-ä*
girl-DAT feel.cold-CAUS-PRS
'The girl is shivering'.

4. Metaphors

In this section I am going to consider some metaphorical expressions of the Bashkir temperature terms. As I have already mentioned, there are few metaphorical expressions which are not loan translations from Russian. Probably it can be also connected with the specific character of speakers' way of thinking: perhaps they sought for the Russian idioms in their brain and then they gave me a Russian idiom in Bashkir words.

However, I found some expressions worth mentioning. The word *qajnar* is used in a figurative sense with the word *säläm* 'greetings' and with the noun phrase *qotlaw hüððär* 'congratulations' (lit. 'congratulating words'). Here 'hot' means rather 'cordial'. The adjective *qəðəw* is used with the word *keše* 'human' and together they mean 'hot-tempered person'. One more expression relates to reckless driver:

(20) *jörö-t-öw-se qəðəw*
go-CAUS-NMLZ-AG hot
'The driver is reckless'.

In Bashkir there is a couple of metaphors, where it is possible to say both 'cold' and 'warm'. So, a welcome can be either warm or cool — *jələ* / *halqən qarşəlaw*. The same can be applied to a look — *jələ* / *halqən qaraš*. Some speakers affirmed that *halqən* and *həwəq* were interchangeable in metaphors. It is not so clear why *halqən* was used in the metaphors more often. However, it is easy to explain this shift of the meaning: for Bashkirs warm means pleasant (by the way, this is one more point to divide *jələ* and *eθe* by comfort — *eθe* as probably unpleasant was forbidden in such metaphors), while cold means unpleasant. One can see the same shift in the metaphors which follow.

(21) *unən jələ bar-a*
that.ABL warm go-PRS
'Warmth goes from him / her' (it means this person is pleasant and communicable).

(22) *jələ bala joqla-j*
warm child sleep-PRS
'The child is fast asleep' (probably in the sense that the situation is comfortable for a child to fall asleep).

(23) *unəŋ halqən qan*
that.GEN cool blood
'(S)he has cold blood' (it means this person is boring and incommunicative).

5. Conclusions

In the Bashkir language it is possible to distinguish three kinds of temperature evaluation. There are four main adjectives, which we can dispose on the scale as follows: *həwəq — halqən — jələ — eθe*. In tactile temperature the border between two latter adjectives lies in the degree of comfort of human feelings. Some groups have more adjectives, but these "additional" adjectives have a very limited distribution. As for metaphors, they show that 'warm' usually means pleasant and comfortable, but 'cold' as a rule means rather unpleasant and boring.

Abbreviations

ABL — ablative
AG — agentivity
CAUS — causative
DAT — dative
GEN — genitive
lit. — literary
LOC — locative
NEG — negation
NMLZ — nominalization
POSS.1SG — possessivity of the first person singular
POT — potential
PRS — present tense
PST — past tense
SG — singular
1 — first person
/st — stimulus

References

Akhmerov 1958 — Baškirsko-russkij slovarʹ: 22000 slov / Ed. *Akhmerov K. Z.* M., 1958.

Akhmerov 1964 — Russko-baškirskij slovarʹ: 46000 slov / Ed. *Akhmerov K. Z.* M., 1964.

Dmitriev 1948 — *Dmitriev N. K.* Grammatika baškirskogo jazyka. M., 1948.

Grönbech 1936 — *Grönbech K.* Der türkische Sprachbau. Kopenhagen, 1936.

Johanson 2006 — *Johanson L.* Nouns and adjectives in South Siberian Turkic // Exploring the Eastern Frontiers of Turkic / Ed. *Erdal M.*, *Nevskaya I.* Wiesbaden, 2006. P. 57—79.

Kiryanov forthc. — *Kiryanov D.* Distuingushing the Adjective category in Bashkir // Cahiers du Laboratoire de Recherche sur le Langage. Clermont-Ferrand, forthc.

Koptjevskaja-Tamm 2007 — *Koptjevskaja-Tamm M.* Guidelines for collecting linguistic expressions for temperature concepts: Version 1 (December 2007) // www.ling.su.se/staff/tamm, 2007.

Koptjevskaja-Tamm, Rakhilina 2006 — *Koptjevskaja-Tamm M.*, *Rakhilina E.* "Some like it hot": On semantics of temperature adjectives in Russian and Swedish // Sprachtypologie und Universalienforschung: A special issue on Lexicon in a Typological and Contrastive Perspective. 2006, 59 (2) / Ed. *Giannoulopoulou G.*, *Leuschner T.* P. 253—269.

Krylova 2009 — *Krylova T. V.* Prilagatelʹnye so značeniem vysokoj i nizkoj temperatury i naivno-jazykovaja ocenka temperatury // Kompʹjuternaja lingvistika i intellektualʹnye texnologii: Materialy ežegodnoj Meždunarodnoj konferencii "Dialog 2009" (Bekasovo, 27—31 maja). Is. 8 (15). M., 2009. P. 243—248.

Rakhilina, Plungian 2007 — *Rakhilina E. V.*, *Plungian V. A.* O leksiko-semantičeskoj tipologii // Glagoly dviženija i naxoždenija v vode: Leksičeskaja tipologija / Ed. *Maysak T. A.*, *Rakhilina E. V.* M., 2007. P. 9—26.

Syuryun 2011 — *Syuryun A. A.* Priimennye i priglagolʹnye atributy v tuvinskom jazyke (k probleme členov predloženija i častej reči). PhD thesis. Manuscript. SPb., 2011.

Uraksin 1996 — Baškirsko-russkij slovarʹ: 40000 slov / Ed. *Uraksin Z. G.* Ufa, 1996.

Uraksin 2005 — Russko-baškirskij slovarʹ: 80000 slov / Ed. *Uraksin Z. G.* Ufa, 2005.

Yuldashev 1981 — Grammatika sovremennogo literaturnogo baškirskogo jazyka / Ed. *Yuldashev A. A.* M., 1981.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются термины, обозначающие температуру в башкирском языке. Исследование, проведенное с помощью метода элицитации в рамках проекта, возглавляемого М. Копчевской-Тамм, показало, что в башкирском языке выделяются те же типы температуры, что и в других языках мира: тактильная, нетактильная и температура ощущений. Хотя все три зоны покрываются одними и теми же четырьмя лексемами, эти лексемы имеют несколько разные свойства (как семантические, так и грамматические) в зависимости от зоны, в которой они употреблены.

SUMMARY

The aim of this article is to describe the temperature terms domain in Bashkir. The research is a part of Maria Koptjevskaja-Tamm's project aimed at describing the typology of temperature adjectives. The research revealed that in Bashkir it is possible to distinguish the same kinds of temperature evaluation as in many other languages: tactile temperature, non-tactile temperature and personal-feeling temperature. Although all the three domains are covered with the same four lexemes, they behave differently depending on the particular domain they describe in every particular case.

Ключевые слова: башкирский язык, лексическая типология, температура, метафора, имя прилагательное

Keywords: the Bashkir language, lexical typology, temperature, metaphor, adjective

© 2014 ***Ф. Ш. Нуриева, Э. С. Хузина***

Отражение гендерных стереотипов в татарских паремиях

Гендерные исследования являются сравнительно новой междисциплинарной областью научных исследований российской гуманитарной науки. Понятие «гендер» включает в себя культурные и социальные факторы, определяющие отношение общества к мужчинам и женщинам, поведение индивидов в зависимости от принадлежности к тому или иному полу, стереотипные представления о мужских и женских качествах — все то, что переводит проблематику пола из области биологии в сферу социальной жизни и культуры.

Ярким образцом воплощения в языке характерологических черт мировидения представителей того или иного языкового сообщества и средством исторической трансляции культурных установок народа-носителя языка являются паремии.

Для нашей работы из сборников татарских пословиц и поговорок [Җәләй и др. 1957; Татар 1987; Габдуллин 1999; Галәми 2000; Гыйззәтуллин 2000; Мәхмүтов 2002; Әмиров 2005; Мушинский, Сафиуллин 2007; Исәнбәт 2010] были отобраны 3260 единиц. Статистический анализ показал в паремиях гендерный сдвиг в сторону номинаций лиц мужского пола (1988 ед. — 61%) по сравнению с женскими номинациями (1272 ед. — 39%). Ключевыми татарскими лексемами с гендерным компонентом являются следующие: *ир* ‘мужчина’, *ир-ат* ‘мужчина’, *ир-егет* ‘мужчина’, *ир* ‘муж’, *егет* ‘джигит’; *хатын-кыз* ‘женщина’, *хатын* ‘жена’, *кыз* ‘девица’.

С целью выявления языковых средств, репрезентирующих образ мужчины в паремиях, была проведена сплошная выборка номинаций, именующих **мужчину** по следующим параметрам:

1) общее наименование лиц мужского пола — *ир-ат* ‘мужчина’, *ир-егет* ‘мужчина’, *ир* ‘мужчина’, *иркәк* ‘особь мужского пола’ и др.;

2) семейное положение — *ир* ‘муж’, диал. *хуҗа* ‘хозяин’, *тол ир* ‘вдовец’, *буйдак* ‘неженатый мужчина’ и др.;

3) отношения кровного родства — *ата* / *әти* ‘отец’ (диал. *әтәй*), *баба* ‘дед’, *агай* ‘дядя’, *эне* ‘младший брат’, *ул* ‘сын’ и др.;

4) отношения некровного родства — *кияү* ‘зять’, *каенага* ‘старший брат мужа’, *кода* ‘кум’, *кайниш* ‘шурин’, *җизни* ‘муж старшей сестры’, *баҗа* ‘свояк’ и др.;

5) возрастные характеристики — мишар., касим. *олан* ‘ребенок’, *егет* ‘юноша’, *карт* ‘старик’, диал. *абышка* ‘старик, дед’ и др.;

6) сословное положение — *бояр*, *алпавыт* ‘крупный землевладелец, дворянин’, *би*, *бәй*, *бәк* ‘бек, бей’, *морза* ‘мурза’, *йомышлы* ‘служилый’, *хәерче* ‘нищий’ и др.;

7) род деятельности — *тимерче* ‘кузнец’, *көмешче*, *алтынчы* ‘мастер серебряных дел’, *дегетче* ‘дегтярник’, *балтачы* ‘плотник’, *тирече* ‘выделыватель шкур’ и др.; управление государством — *патша*, *хан*, *әмир* и др.

На материале паремий наибольшее количество номинаций, актуализирующих мужчину, зафиксировано в лексико-семантической группе «именование мужчин по роду деятельности» (48,6%).

В проанализированном материале лексемы, вербализующие образ **женщины** в языке, были объединены в следующие лексико-семантические группы:

1) общее наименование лиц женского пола — *хатын-кыз* ‘женщина’, *хатын* ‘жена / женщина’, *кыз* ‘девица’;

2) семейное положение — *хатын* ‘жена’, *бичә* ‘жена’, *тол хатын* ‘вдова’ и др.;

3) отношения кровного родства — *ана* ‘мать’, *төркен* ‘родные по линии матери’, *абысын* ‘тетя’, *тута* ‘тетя’ и др.;

4) отношения некровного родства — *үги ана* ‘мачеха’, *килен* ‘сноха; невестка’, *каенана* ‘свекровь’, *балдыз* ‘свояченица’ и др.;

5) возрастные характеристики — *кыз бала* ‘девочка’, *кыз-кыркын* ‘молодые девушки’, *карт кыз* ‘старая дева’, *яшь хатын* ‘молодая женщина’, *карт хатын* ‘пожилая женщина’, *карчык* ‘старуха’ и др.;

6) сословное положение — *бикә* ‘жена бея’, *ханыш* ‘дочь или жена хана’, *куравыч* ‘рабыня’ и др.;

7) особенности внешности — *гүзәл* ‘красавица’, *каракаш* ‘чернобровка’, *нечкәбил* ‘девушка с тонкой талией’ и др.;

8) морально-нравственное поведение в обществе — *ирсәк* ‘гулящая женщина’, *илдәтнә* ‘подворница’, *тәтәй* ‘девушка легкого поведения’, *сөяркә* ‘любовница’ и др.

Нуриева Фануза Шакуровна, Казанский (Приволжский) федеральный университет; fanuzanurieva@yandex.ru
Хузина Эндже Солтанахматовна, Редакция «Книга Памяти» (Казань); endge84@mail.ru

На материале паремий наибольшее количество номинаций, актуализирующих женщину, зафиксировано в лексико-семантической группе «именования женщин по родственным отношениям» (50%).

Языковед В. Н. Телия в качестве одной из базовых процедур лингвокультурологического анализа концептов ‘мужчина’ и ‘женщина’ называет идеографическую параметризацию самих концептов по частям, отражающим все ипостаси мужчины и женщины: 1) природно-физические, физиологические; 2) психологические и интеллектуальные; 3) социально-статусные, ролевые [Телия 1996: 261].

В своем исследовании мы также классифицировали паремии с компонентами значения ‘мужчина’ и ‘женщина’ по следующим признакам:

1) паремии и авторские афоризмы, описывающие физиологические характеристики мужчин и женщин (внешность и возраст, физические особенности);

2) паремии и авторские афоризмы, описывающие психологические особенности мужчин и женщин (морально-нравственные, интеллектуальные, эмоциональные свойства и состояния, речевые и поведенческие характеристики);

3) паремии и авторские афоризмы, описывающие статусно-ролевые характеристики, которые охватывают семейное положение, родственные отношения, социальный статус, сферы социально значимой деятельности.

1. Языковой образ мужчины в татарских паремиях

1.1. Физиологические характеристики образа мужчины в татарском языке

Анализ группы паремий о природно-физических характеристиках образа мужчины в татарском языке позволил выделить внутри группы такие параметры, как **внешность**, **возраст** и **физиологические особенности**. Доминантными областями при оценочной квалификации мужской внешности в татарском языке выступают лицо, рост, походка и общий вид.

Гендерный анализ языкового материала показал, что для мужчины **внешность не является основным показателем**: *Ир битенә имән үсмәгән* ‘На лице мужчины лишь бы дуб не рос’. Паремии акцентируют внимание на его умении создавать общее впечатление благодаря своим умственным способностям, душевным качествам, физической силе: *Егетнең күз каравы мәһабәт булыр* ‘Во взгляде джигита — достоинство’; *Бүре суга торган егет беләгеннән беленә* ‘Парня, который может забить волка, видно по мускулам его руки’ и др.

Физическая сила мужчины в татарском языке чаще всего описывается с помощью сравнений: *арыслан авызыннан сөяк алырдай* ‘сильный, что осилит льва’; *аю егарлык* ‘сможет одолеть медведя’; *Басса бакыр изәрдәй* ‘Если наступит, то медь нагнется’; *Типсә тимер өзәрдәй* ‘Если ударит — железо нагнется’; *арыслан йөрәк* ‘львиное сердце’ и др.

Зафиксированы паремии, отражающие женский взгляд на проблему мужской красоты, в них через красоту указывается на внутренние качества мужчины: *Һәр Йосыф гүзәл булмас* ‘Не каждый Юсуф красив’; *Үзен иркәләгән ирне иргә санама* ‘Мужчина, который себя слишком холит, — это уж не мужчина’.

Гендерный анализ параметра *яшь* (**возраст**) на материале татарского языка позволяет отметить, что тот или иной возраст мужчины манифестирован отдельными лексическими единицами: *олан* / *малай* ‘мальчик’, *сука башы тотарлык* / *ат башына менәрлек* (*малай*) ‘шести-семилетний мальчик’, *бүз бала* ‘16—19-летний парень’, *яшь егет* ‘20-ти—30-тилетний джигит’, *ир уртасы* ‘мужчина средних лет’, *егет агасы* ‘мужчина старше средних лет’, *карт* ‘старик’ и др. Каждая из названных единиц определяет развитие и становление мужчины, его физическую и умственную зрелость.

Возрастные характеристики в зависимости от практических навыков и черт характера образуют оппозицию *яшь* ‘молодой’ — *карт* ‘старый’: *Ир утызда — арыслан* ‘Мужчина в тридцать — лев’; *Кырыкка хәтле — малай*, *кырыктан соң — бабай* ‘До сорока — мальчик, после сорока — дед’. Если молодость характеризуется через физическую силу, то старость у татар пользуется почетом и уважением; старый человек — это прежде всего мудрый человек: *Яшь көченә таяна*, *карт акылына* ‘Молодой опирается на свою силу, старый — на свой ум’; *Бабаң бүреге белән киңәш итсә*, *барын да булдыра* ‘Если дед посоветуется даже со своей шапкой на голове, ему все удается’.

1.2. Психологические особенности образа мужчины в татарском языке

Анализ группы паремий и авторских афоризмов о психологических особенностях характера мужчины в татарском языке позволил выделить внутри группы такие параметры, как **черты характера**, **умственные способности**, **взаимоотношения между мужчиной и женщиной**.

В паремиях черты характера мужчин имеют положительную и отрицательную коннотативные оценки. В татарских паремиях четко обозначен образ идеального мужчины-татарина. В мужчинах положительно оцениваются **решительность**, **смелость** и **храбрость**. Эти признаки формируют в языковом сознании образ стойкого, отважного человека: *Ирдә кыюлык булса*, *эштә кыенлык булмый* ‘Если мужчина решительный, то любая работа ему по плечу’; *Ир кичмәслек елга юк* ‘Нет такой реки, которую не переплывет мужчина’. В паремиях смелость и решительность джигита соотносятся с образом *арыслан*, *шир* ‘лев’: *Егет булса*, *арыслан кебек булсын*, *күзләреннән җәннәт-җәһәннәм — бар да күренеп торсын* ‘Джигит должен быть, как лев, и рай, и ад в глазах должны светиться’; *Егет булсаң*, *егет бул*, *арыслан киек кебек бул* ‘Если ты джигит, будь джигитом во всем, как лев-охотник’; *Егетнең асылы — арысланнар нәселе* ‘Настоящий джигит — из породы львов’.

Настоящий мужчина за свое слово отвечает, поэтому **дорожит** каждым своим **словом**: *Ир сүзеннән аерылмас* ‘Мужчина слов на ветер не бросает’; *Ирнең сүзе бер булыр* ‘Слово мужчины — закон’; *Ир әйткәненнән кайтмас* ‘Мужчина от своего слова не отступит’. Если в русской языковой картине мира данное качество носит общечеловеческий характер, то в татарской оно характерно только для мужчин: нарушить слово означало для татарина упасть в глазах людей.

Болтливость считается женским качеством, а мужчинам свойственна **немногословность**: *Азамат ирнең билгесе — аз сөйләр дә*, *күп тыңлар* ‘Настоящий мужчина мало говорит, много слушает’.

Мужчину красят следующие качества:

1) **доброта** и **щедрость —** *Ага булыр егетнең итәк-җиңе мул булыр* ‘Джигит, который станет почтительным, всегда щедрый’; *Егет буласың килсә*, *юмарт бул* ‘Хочешь быть настоящим парнем, будь щедрым’;

2) **ум —** *Егет күрке — акылы белән* ‘Джигита красит ум’;

3) **трудолюбие —** *Егет булсаң*, *егетлегеңне эштә күрсәт* ‘Если ты джигит, прояви свою молодцеватость в деле’; *Егет кешегә җитмеш төрле һөнәр дә аз* ‘Молодцу и семидесяти ремесел мало’; *Һөнәрсез егет — йөгәнсез ат* ‘Юноша без ремесла, что конь без узды’.

Татарам свойственны **честность**, **порядочность**, **скромность**: *Алдан сөйләү ир-егет эше түгел* ‘Говорить заранее — не мужское дело’; *Намуслы ир хур булмас* ‘Порядочный мужчина не пропадет’; *Күлне камыш матурлый*, *ирне намус матурлый* ‘Озеро украшают камыши, мужчину — порядочность’. Также им свойственны **гордость** и **свободолюбие**: *Ир*, *башын бөксә дә*, *тезен чүкмәс* ‘Мужчина может склонить голову, но никогда не преклонит колени’; *Ир икмәге иркенлек* ‘Хлеб мужчины — свобода’; *Ир күңеле — сәхрә* ‘Душа мужчины — раздолье’.

Жизненный путь мужчины — это **поэтапное продвижение вперед**, **активное развитие** и **становление**. Возможные ошибки на жизненном пути мужчин — это, скорее, допустимые случайности, из которых всегда есть реальный выход; такие ошибки только учат их и делают более мудрыми. Паремии татарского народа отражают стремление мужского пола к поиску своего жизненного пути и достижению своих целей: *Дөнья күрми*, *ир булмый* ‘Мужчина не станет мужчиной, пока не пройдет через все житейские заботы’; *Кайда гына барып*, *кайда йөрмәс ир башкае белән ат башы* ‘Куда только не забросит судьба доброго джигита и его коня’.

Таким образом, в паремиях мужчина предстает как человек целеустремленный, мудрый, верный своему слову, обещанию, готовый бороться за свою честь, смелый, решительный, готовый преодолеть любые трудности на пути достижения своей цели, стремящийся к великим делам. Обобщив эти качества, получим главную черту настоящего мужчины — **мужественность**: *Ир кеше ирлек хакына җанын аямас* ‘Мужчина ради мужественности души не пожалеет’; *Ирлек беләктә түгел — йөрәктә* ‘Мужественность не в бицепсах, а в сердце’. В паремиях все же отмечается, что не каждый мужчина способен достичь мужественности, для этого недостаточно только полового признака. Паремиологические единицы указывают на гендерные особенности личности: *Ирмен дигән ир унбиштә дә «башмын» диер*, *ир түгелмен дигән ир егерме биштә дә «яшьмен» диер* ‘Зрелый мужчина и в пятнадцать лет скажет: «Я же мужчина», — а незрелый и в двадцать лет скажет: «Я еще молод»’; *Йә хурлык*, *йә ирлек* ‘Или мужество, или позор’; *Һәр бүрек кигән ир түгел* ‘Не каждый, кто носит ушанку, мужчина’ (ср. в казахском языке: *Бөрик кигенниң намысы бар* ‘Кто носит шапку, честолюбив’, — т. е. тот, кто считает себя мужчиной, не должен терять достоинства).

Если обратиться к истокам татарской литературы, можно найти множество примеров, подтверждающих наши наблюдения. Например, отрывок из произведения золотоордынского поэта Кутба «Хосров и Ширин» (XIV в.) ясно показывает, что биологический пол мужчины еще не является показателем мужественности:

Морадыңа иреш ирлек белән син,
Бүтәннәр дә сине ир дип беләлсен.

Ерактан күр һәр эшне, бул акылдар,
Хатын син — сиңа баш булса хатыннар.

Дословный перевод:
‘Достигай свои цели мужественностью,
И окружающие пусть признают в тебе мужчину.
Сумей заранее все предугадать, будь умным,
Женщина ты — если властвуют тобой женщины’.

Можно сделать вывод, что допустимые для мужчины рамки поведения гораздо уже, т. к. любое отклонение от нормы и смещение в сторону женских стереотипов поведения активно осуждается обществом: *Катышма*, *катымша булырсың* ‘Не вмешивайся в бабские дела, а то сам обабишься’; *Хатын кыяфәтле ирдән хатын артык* ‘Женщина лучше, чем женоподобный мужчина’. Таким образом, если женственность есть нечто естественное, то мужественность нужно еще приобрести, для чего необходимо трудиться и работать над собой.

Отрицательными качествами мужского характера считаются **ленивость**, **бездарность**, **бездеятельность**, **беззаботность**, **трусость**: *Өйдә арыслан кебек*, *урамга чыкса — тычкан кебек* ‘Дома — словно лев, на улице — мышь’; *Төшкә хәтле ачылмаган кибеттән биз*, *төшкә хәтле йоклаган егеттән биз* ‘Отвыкай от магазина, который закрыт до обеда, сторонись парня, который спит до обеда’. Отношение к такому мужчине резко отрицательное, т. к. такое поведение является отклонением от норм культуры, по которым мужчина всегда считался кормильцем семьи и примером для своих детей, а женщина — хранительницей домашнего очага.

Взаимоотношения между мужчиной и женщиной в паремиях характеризуются через образы мужа и жены в семейной жизни; четко выделяется полярное отношение их друг к другу: позитивное и негативное. Положительное отношение заключается в том, что в рамках семьи муж и жена воспринимаются как единое целое, подчеркивается их взаимная потребность друг в друге: *Ир белән хатын — игезәк җан* ‘Муж и жена — родственные души’ и т. д. Однако в паремиях встречается чисто женский взгляд, который отрицательно характеризует мужчин в семейной жизни: *Ирләр — төнге дустың*, *көндезге дошманың* ‘Муж — ночной приятель, дневной неприятель’; *Идел төпсез*, *ир денсез* ‘Волга бездонна, муж — безбожник’.

В результате количественного анализа нам удалось сопоставить проявление положительных и отрицательных качеств в характере мужчин в татарских паремиях и авторских афоризмах (*Рис. 1*). Процентное соотношение исчислялось от общего числа паремий о чертах характера соответствующего пола (210 ед.).

Рис. 1. Количественное соотношение положительных и отрицательных качеств мужского характера (по данным татарских паремий).

1) В **положительные качества** входят *батырлык* ‘смелость’ (42,9%), *ирлек сыйфатлары* ‘мужество’ (12%), *сүзгә тугрылык* ‘верность слову’ (6,7%), *тырышлык* ‘трудолюбие’ (5,1%), *кыюлык* ‘отважность’ (2,8%), *юмартлык* ‘щедрость’ (2,9%), *горурлык* ‘гордость’ (2,4%), *ирек сөючәнлек* ‘свободолюбие’ (2%), *акыл* ‘ум’ (1,9%), *тәвәкәллек* ‘решительность’ (1,4%), *азсүзлелек* ‘малословность’ (1,4%).

2) В **отрицательные качества** входят *куркаклык* ‘трусость’ (1,9%), *яман* ‘злость’ (7,1%), *оялчанлык* ‘стеснительность’ (2%), *хатынша* ‘женоподобие’ (2%), *ялкаулык* ‘лень’ (1,4%), *кыланчыклык* ‘хвастливость’ (1,4%), *булдыксызлык* ‘бездарность’ (1%), *алдашу* ‘лживость’ (0,5%), *ахмаклык* ‘глупость’ (1,3%).

1.3. Статусно-ролевые характеристики образа мужчины в татарском языке

Из статусно-ролевых характеристик языкового образа мужчины рассматриваются социальный статус, сферы социально значимой деятельности, семейное положение, родственные отношения.

При рассмотрении татарских паремий становится очевидным, что есть сугубо «мужские» виды занятий (по крайней мере, именно так они воспринимаются носителями татарского языка): торговля, военное дело, государственная служба, воспитание сыновей и т. д. В паремиях встречаются: 1) исключитель-

но **мужские виды ремесла —** *тимерче* ‘кузнец’, *көмешче*, *алтынчы* ‘мастер серебряных дел’, *дегетче* ‘дегтярник’, *балтачы* ‘плотник’, *тирече* ‘выделыватель шкур’; *карачы* ‘член дивана’, *десәтник* ‘десятник’, *канагун* ‘рабочий шахты’; 2) **роды деятельности —** *мулла*, *мәзин* ‘муэдзин’, *ишан*, *суфи* ‘аскет’, *казый* ‘судья’; 3) термины, характеризующие **сословное положение** мужчин — *бояр* ‘боярин’, *алпавыт* ‘помещик’; *бәк*, *би* ‘бек, бей’, *морза* ‘мурза’, *йомышлы* ‘служилый’ и др. Например: *Тары чәчмәгән җир калмады*, *дисәтник булмаган ир калмады* ‘Не осталось ни клочка земли, не засеянной пшеном, не осталось ни одного мужика, кто бы ни был десятником’ и т. д.

В паремиях социально значимая деятельность мужчины раскрывается прежде всего в **военной** и **религиозной сферах**. Исторически сложилось так, что в татарском языковом сознании понятия *ир* ‘мужчина’ и *ил* ‘родина’ рассматриваются как единое целое, т. к. безопасность страны напрямую зависит от ее сыновей: *Ир бар җирдә ил хур булмас* ‘Страна, где есть настоящие мужчины, не познает позора’; *Ир егет үзе өчен туа*, *иле өчен үлә* ‘Земля ценна своей водой, страна — своими сыновьями’.

Особенностью татарского языка является наличие большого количества паремий, образованных сравнением мужчины с образом *ат* ‘конь’ или проведением параллели между ними: *Ат — туйган җиренә*, *ир — туган җиренә* ‘Конь — для того места, где его кормят, мужчина — для того места, где он родился’; *Ат басмамын дигән җиргә өч басар*, *ир татымамын дигән суны өч татыр* ‘Конь наступит трижды на то место, куда зарекся наступать, мужчина трижды отведает воду, которую зарекся пить’. Вполне закономерно, что в паремиях народа тюркского происхождения большое место занимает лексема *ат* ‘конь’. В древнетюркской мифологии мужчина-татарин — это всегда воин, а конь в сознании татарского народа — символ мужчины, его опора и сила; не зря в народе говорят: *Ир канаты — ат* ‘Крылья мужчины — конь’.

Представляет интерес отношение народа к религиозным деятелям. Религия в жизни татар играет огромную роль, т. к. она во многом послужила формированию татарской культуры, традиций. Религия способствует поддержанию нравственных ценностей, что необходимо для сохранения национального менталитета. В паремиях больше внимания уделяется религиозным деятелям, чем самой религиозной идеологии: например, паремии с компонентом *мулла* (179 ед.), *мәзин* ‘муэдзин’ (9 ед.), *ишан* (8 ед.), *суфи* ‘аскет’ (16 ед.) составляют 10% от всего количества паремий о мужчинах. В паремиях подчеркивается мастерство муллы и знание им своего дела: *Оста барда кулың тый*, *мулла барда телең тый* ‘Не тягайся в ремесле с мастером, а в красноречии — с муллой’. Однако есть и паремии, критикующие недобросовестных религиозных деятелей, в них выражено сомнение в их искренности: *Карак — адәм көлкесе*, *мулла — авыл төлкесе* ‘Мулла, что лиса, забравшаяся в деревню’ и т. д.

Как показывает фактический материал, **семейные отношения** в паремиях характеризуются через лексемы *кияү егет* ‘жених’ и *ир* ‘муж’. Основное место отводится роли жениха. При рассмотрении материала о женитьбе было выявлено, что в паремиях женитьба оценивается положительно: *Ир өйләнми тәүфыйк тапмый* ‘Молодой мужчина не бывает благовоспитанным, пока не женится’; *Өйләнгәч акыл керә* ‘Юноша умнеет только после женитьбы’. Также паремии призывают подойти к этому поступку с большой ответственностью и предостерегают от необдуманной женитьбы через сопоставления: *Өйләнү — тун тегеп кию түгел*, *ярамаса*, *сатып котыла алмассың* ‘Жениться — это тебе не шубу приобрести, не подойдет — так не продашь’; *Өйләнә белмәсәң — имгәккә төшәрсең* ‘Не сумеешь правильно жениться — в беду попадешь’.

В паремиях жениху даются советы, как выбрать невесту. Паремиологические единицы, в которых содержатся такие советы, часто делятся на две части: первая — о том, как выбрать коня; вторая — как выбрать жену. Как уже упоминалось выше, конь в жизни мужчины — неотъемлемый атрибут; для татарина конь — бесценное богатство. Может быть, поэтому и выбор жены мужчина ставит в один ряд с выбором коня: *Ат алсаң*, *өең белән киңәш*, *хатын алсаң*, *авылың белән киңәш* ‘При покупке коня посоветуйся со всеми домочадцами, при выборе жены — со всеми односельчанами’; *Атның юргасын*, *бичәнең уңганын ал* ‘Бери коня — иноходца, а жену — умелую’; *Бәйрәм көнне кыз алма*, *яңгырлы көнне ат алма* ‘Не покупай коня в дождливый день, не бери в жены девушку в праздничный день’.

При заключении брака обязательно обращали внимание на происхождение и родословную будущей невесты. Невеста должна была иметь хорошее, незапятнанное происхождение, исполнять обряды мусульманской веры, быть девственницей. При рассмотрении всех сторон родословной женихом двигало стремление сохранить и укрепить будущее поколение, поэтому не удивительна щепетильность в вопросах здоровья рода, с которым собирались породниться: *Белмәгән кызны алганчы*, *иясез ат ал* ‘Лучше приобрести бесхозного коня, чем взять в жены девушку, о которой ты ничего не знаешь’; *Белмәгән чибәрне алганчы*, *белгән ямьсезне ал* ‘Лучше взять в жены некрасивую, о которой ты все знаешь, чем незнакомую красотку’; *Кәләш алсаң*, *нәселен карап ал* ‘Прежде чем взять девушку в невесты, хорошенько изучи ее родословную’.

Являясь единственным собственником всего движимого и недвижимого имущества, муж обладал преимущественным правом решения всех вопросов семейной жизни и был непререкаемым авторитетом в семье. Об этом свидетельствуют паремии, объясняющие **главенствующее положение мужчины**: *Ир ризасы — Тәңре ризасы* ‘Веление мужа — веление Бога’. Муж является хозяином над своей женой: *Хатын хуҗасы — ир*, *ир хуҗасы — бурыч* ‘Над женой хозяин — муж, над мужем — долг’. Подчиненное положение мужа по отношению к жене воспринимается как отклонение от нормы: *Заман ахры булганда*, *һәркем хатын сүзе белән йөрер*, *имеш* ‘Говорят, перед концом света мужья будут жить по команде жен’; *Ир кеше үз вазифасын белмәсә*, *аңа хатыннар баш була*, *ди* ‘Если муж своих обязанностей не знает, им жена командует’.

По данным паремий, были выявлены полярные характеристики мужчины в **хозяйственно-бытовой деятельности**: *эшчән* ‘трудолюбивый’ — *ялкау* ‘ленивый’. Татары считают, что трудолюбие, способность к разным ремеслам и мастерству — главное украшение мужчины: *Ир кеше икмәген таштан чыгарыр* ‘Мужчина добудет хлеб свой даже из камня’; *Ир асылы эштә беленә* ‘Сущность мужчины проявляется в труде’; *Ир кешегә илле һөнәр дә аз* ‘Для настоящего мужчины и пятидесяти видов ремесел мало’; *Ир куанычы — хезмәт* ‘Мужчина находит удовольствие в труде’.

Таким образом, традиционная татарская семья моногамна и основана на патриархальных принципах. В татарском обществе главой семьи является мужчина. Его власть в семье утверждается за счет покорения жены, лишения ее воли, поэтому подчиненное положение мужа по отношению к жене воспринимается как отклонение от нормы.

В татарских паремиях, характеризующих **родственные отношения**, наличествуют следующие оппозиционные пары: *кыз — ул* ‘сын’ — ‘дочь’, *кияү — килен* ‘зять’ — ‘невестка’, *ата — ана* ‘отец’ — ‘мать’ и др.

Сын в татарских паремиях — это продолжатель рода, наследник, будущий хозяин, что по положению ставит его выше своих родных женского пола: *Ир бала унбиштә өй хуҗасы* ‘В пятнадцать лет сын — хозяин’; *Кыз тапканга ай туган*, *ул тапканга көн туган* ‘Для того, у кого родилась дочь, — рождается ночь, для того, у кого родился сын, — рождается день’.

В татарском языке, как и в других тюркских языках, муж дочери, муж младшей сестры, муж племянницы, т. е. муж любой младшей родственницы, именуется термином *кияү* ‘жених, молодой муж, зять’ [Рамазанова 1991: 91]. С этим термином родства естественным образом связано множество этнографических понятий: *кияү бүләге* ‘подарки, которыми одарял жених родственников невесты’, *кияү егете* ‘друг жениха’, *кияү келәте* ‘помещение, где проводят первую брачную ночь жених с невестой’, *кияү җиңгәсе* ‘женщина, которая накрывала молодым чайный стол’ и др. [Замалетдинов 2004: 164].

Традиционным для татарской семьи является вхождение невесты в дом мужа; примачество, будучи отступлением от нормы, считалось позором для татар [Татары 2001: 331]. По этому поводу в народе говорят: *Йортка кергәнче*, *утка кер* ‘Лучше войти в огонь, чем зятем в дом невесты’; *Ерак кияүнең башына чатыр корыр*, *йорттагы кияү башына таяк орыр* ‘Над головой дальнего зятя шатер соорудят, на голову зятя в доме тещи лишь палка попадет’; *Кайнанадагы кияүдән каргалган эт артык* ‘Бездомной собаке лучше, чем зятю в доме тещи’.

В доме невесты жених (зять) всегда был уважаемым гостем: *Кияүгә торса да камау*, *утырса да камау* ‘Хоть сядет, хоть встанет — зятю всегда почет’; *Кияү килде — хан килде* ‘В гости зять пришел — хан пришел’. В языке он сравнивается с дорогими вещами, за которыми требуется деликатный уход: *Кияү — кеш тун* ‘Зять — соболиная шуба’; *Кияү — камчат бүрек* ‘Зять — бобровая шапка’. Однако зять — это не родной сын: *Кияү орышса*, *өйдән чыгып кит*, *улын орышса*, *мич башына менеп ят* ‘Зять ругается — беги из дома, сын ругается — залезай на печку’.

Некоторые паремии указывают на недостатки в характере зятя: *Көзге көннең акылы — кияүләр акылы* ‘Настроение зятя — как осенняя погода’; *Киявең көйсез булса*, *теш сызлавыннан яман булыр* ‘Непокладистый зять хуже зубной боли’. Эти паремии указывают на то, что зятья бывают очень капризными. Пословица *Юньсез кияү йорт тотмас* ‘Плохой зять — плохой хозяин’ показывает, что если зять неспособный, бездельник и лентяй, то его хозяйство обречено на гибель. Однако в татарских паремиях превалирует положительное отношение семьи девушки к зятю, а не отрицательное, в то время как к невесте отношение не столь доброжелательное: *Көзге катык*, *көмеш кашык — киявем белән кызыма*, *язгы катык*, *ярык кашык — киленем белән улыма* ‘Густой катык[1] и серебряная ложка — для дочери и зятя, жидкий катык и треснутая ложка — для сына и невестки’; *Килен үпкәләп таш алыр*, *кияү үпкәләп аш алыр* ‘Обиженная невестка получит тяжесть, зять, обидевшись, получит угощение’.

В татарском языке, как и в большинстве тюркских языков, отец обозначается словом *ата* / *әти*. В татарской семье отец является уважаемой, авторитарной фигурой, дети его слушаются и почитают:

[1] Катык — кисломолочный напиток, распространенный у тюркских народов.

Ата хакы — Тәңре хакы ‘Право отца — право Всевышнего’. Отец и мать являются незаменимыми людьми для ребенка: *Алтын-көмешнең искесе булмас*, *ата-ананың бәһасе булмас* ‘Злато-серебро не стареют, отец и мать не обесцениваются’; *Ата-ана — алтын канат* ‘Родители — золотые крылья’.

Итак, на основе рассмотренных выше паремий, содержащих компоненты *ир-ат* ‘мужчина’, *ир* ‘мужчина’, *ир* ‘муж’, *егет* ‘юноша’ и др., были воссозданы представления об этих образах, сложившиеся в языковом сознании татарского народа.

2. Языковой образ женщины в татарских паремиях

Концепт ‘женщина’ представлен практически во всех языках и является одним из главных понятий мировой культуры, в том числе татарской. В каждой культуре данный концепт обладает национальной спецификой.

2.1. Физиологические характеристики образа женщины в татарском языке

Анализ паремий о природно-физических характеристиках образа женщины в татарском языке позволил выделить внутри группы такие параметры, как **внешность**, **возраст** и **физиологические характеристики**.

Доминантными областями при оценочной квалификации женской внешности в татарском языке выступают лицо, фигура, рост и походка. В татарском языке при оценке внешности также акцентируются следующие признаки: 1) **цвет волос —** *алтынчәч* ‘златоволоска’; 2) **брови** — *каракаш* ‘чернобровка’; 3) **глаза —** *каракүз* ‘черноглазка’. «Если для русских красота — это то, как оценивают это другие, для англо-американской культуры — то, что нравится самому субъекту речи, то для татар красота — это то, что дано природой, а не заслуга самого человека» [Аминова 2003: 20].

Татары очень любят сравнивать красоту своих девушек с **природой**. Например, лицо девушки — словно лунный свет (*ай нуры*), луч солнца (*кояш нуры*), а щеки — словно яблоки (*алма бит*); волосы черные и кудрявые (*бөдрә чәч*), брови — смородинного цвета, выгнуты дугой и тонкие, словно крылья ласточки (*кыйгач каш*; *кашы-күзе кыелган*; *каракаш* ‘чернобровка’). Актуальными для оценки фигуры являются ее **параметрические данные**: рост, объем, пропорциональность, особенности телосложения. Татарских девушек красят упругая, гибкая фигура и стройный, тонкий стан: *нечкә бил* ‘девушка с тонкой талией’, *су сөлегедәй зифа буйлы* ‘стройная, как пиявка’, *суырып йотарлык гүзәл* ‘очень изящная’ (букв. ‘сладкая, как конфетка’). Предпочтение отдается девушкам небольшого роста, аккуратного телосложения: *Кызлар гәүдәсе кече*, *үзләре чикләвек төше* ‘Девушки бывают маленького роста, величиной с ядрышко ореха’. Красота девушки в татарском языке чаще всего описывается с помощью сравнений: *авызы уймак кебек* ‘ротик с наперсток’, *теше энҗедәй* ‘зубы — жемчужины’, *ирене чиядәй* ‘губы — вишенки’, *буе зифа яшь тал кебек* ‘стан, как молодая ива’ и др.

В паремиях в атрибуты женской красоты входят волосы, украшения, одежда: *Хатыннарның зиннәте — чәчләре* ‘Украшение женщины — ее волосы’; *Көзге белән күркәм холык — хатын-кызның төп дәүләте* ‘Основное богатство женщины — зеркальце и добрый нрав’.

В паремиях подчеркиваются **внешняя** и **внутренняя красота** женщины. В татарском языковом сознании красота тесно связана с нравственными качествами женщины. Внешняя красота рассматривается как природная данность, а внутренняя красота имеет более глубокое содержание (это хороший характер, доброта, скромность, женственность): *Оялчан кыз матур күренә* ‘Скромная девушка выглядит красивой’; *Хатын-кызны бизәктән дә бигрәк әдәп-нәзакәт бизи* ‘Женщину украшают не драгоценности, а благовоспитанность’. Красоту жены татарский народ связывает с семьей и особенно с ее супругом: *Ир яхшы булса*, *ямьсез хатынга да төс керә* ‘При хорошем муже любая жена расцветает’; *Чатыр астында һәр хатын матур* ‘В шатре любая женщина красива’. В то же время в паремиях имеет место мужская оценка женской красоты: *Ямьсез хатын белән йоклаганчы*, *матур хатынга карап тор* ‘Чем с некрасивой спать, лучше красивой только любоваться’.

В паремиях в связи с **возрастными характеристиками** термин *кыз* употребляется в двух значениях: 1) ‘девочка, ребенок’, 2) ‘молодая девица’, — также используется *карт* (*утырган*, *сазаган*) *кыз* ‘старая дева’. Молодые девушки сравниваются с царицей, со звездами, с цветущим садом: *Уналтыда кыз — солтан*, *унҗидедә кыз — чулпан*, *егермедә — гөлбостан* ‘Девушка в шестнадцать лет — султан, в семнадцать — чулпан[2], в двадцать — цветник’. Паремии отражают деликатное отношение к старым девам: *Утырган кыз урынлы булыр* ‘Засидевшаяся девушка без места не останется’; *Кыз картаймый*, *бал бозылмый* ‘Девушка не стареет, мед не прокисает’.

[2] Т. е. ‘утренняя звезда’.

В татарском языке по отношению к пожилой женщине употребляются термины *карчык* и *кортка* ‘старуха’. В паремиях женщины в возрасте всегда находят положительную оценку, например: *Яхшы карчык өй казнасы* ‘Хорошая старушка — основа дома’.

Фактический материал по возрастным характеристикам дает возможность рассматривать замужнюю женщину с двух ракурсов: *яшь хатын* ‘молодая жена’ и *карт хатын* ‘старая жена’. Превосходство отдается молодой жене: *Яшь хатын яшәртә* ‘С молодой женой сам молодеешь’. В паремиях с помощью признаков ‘молодой’ — ‘старший’ обращается внимание на статус жены в семье, указывается на негативные стороны жизни молодой жены, например: *Олы хатын — Ходай боерыгы*, *йәш хатын эт койрыгы* ‘Старшая жена — от Бога, младшая — хвост бульдога’.

В татарской семье **здоровью** женщины уделяется большое внимание. Когда речь идет о здоровье женщины, то в первую очередь подразумевается ее способность к **деторождению**. В представлении татарского народа, ребенок — лучший показатель «качества» женщины: *Хатынны яхшы күрсәткән алдындагы баласы*, *сыерны яхшы күрсәткән — артындагы танасы* ‘Знак качества коровы — ее теленок, знак качества женщины — ее ребенок’; *Хатын паспорты — бала* ‘Паспорт женщины — ее ребенок’. Каждая женщина мечтает о своем ребенке: *Асыл ир күңелендә йөгәне белән ат ятар*, *асыл хатын күңелендә бишеге белән бала ятар* ‘В мыслях истинного мужчины — конь с уздечкой, в мыслях истинной женщины — колыбель с ребенком’.

Бездетность для женщины — это большое испытание; в паремиях такая женщина сравнивается: 1) с бесплодным деревом — *Баласыз хатын — җимешсез агач* ‘Женщина без ребенка, что дерево без плодов’; 2) с несоленой едой — *Баласыз хатын — тозсыз аш* ‘Женщина без ребенка, что еда без соли’; 3) с рабой — *Баласы юк хатын — кол* ‘Женщина без ребенка — рабыня’. Для татар очень важно, чтобы жена была здоровой, т. к. от этого зависит и семейное благополучие: *Кардәшеңнең бае яхшы*, *Хатынның савы яхшы* ‘Родственник хорош богатый, а жена — здоровая’; *Юлга чыксаң*, *атың*, *өйгә кайтсаң*, *хатының авырмасын* ‘Важно, чтобы были здоровы: в пути — конь, дома — жена’; *Авыру хатын*, *бозык самавыр ирне баетмас* ‘Нездоровая жена, как неисправный самовар, мужа не обогатит’; *Бай булсаң илең сөяр*, *сау булсаң*, *ирең сөяр* ‘Богатую любит мир, здоровую — муж’.

Таким образом, в паремиях восхваляется молодость женщин, но в жизни предпочтение отдается старой жене. Паремии призывают обратить внимание и на здоровье женщины.

2.2. Психологические особенности образа женщины в татарском языке

К психологическим особенностям образа женщины (девушки, жены, невестки) в татарском языке относятся **интеллектуальные** и **морально-нравственные характеристики**.

Паремий, в которых отражаются **интеллектуальные характеристики** татарских девушек, немного. Ум и грамотность в девушках приветствуются: *Белемле кыз — бирнәле кыз* ‘Девушка с образованием — девушка с приданым’; *Орчык кадәр буе бар*, *җиткән кыздай уе бар* ‘Ростом с вершок, а мыслит как зрелая женщина’; *Матур кыз күз өчен*, *акыллы кыз йөрәк өчен* ‘Красавица — для глаз, умница — для души’. Интеллектуальные характеристики замужней женщины имеют полярные определения: *акыллы* ‘умная’ — *ахмак* ‘глупая’. Татары говорят: *Акыллы хатын — хәзинә* ‘Умная жена — большая ценность’; *Хатын аңлы булса — казна*, *аңсыз булса — каза* ‘Сообразительная жена — богатство, несообразительная — беда’. Но при этом следует помнить: умная — это не только образованная и интеллектуально развитая, но еще и мудрая, сообразительная, верная и порядочная. Женщина-татарка познает окружающий мир посредством инстинктов и простой житейской мудрости, старается найти выход из любой ситуации.

В паремиях, которые касаются женского ума и интеллекта, зачастую наблюдается пренебрежительное отношение. Пословицы указывают на то, что в соответствии с укоренившимися в обществе представлениями о татарской женщине ей чаще всего приписывалась меньшая ценность, связанная с «природной недальновидностью, слабым интеллектом, которые обусловливают большую ограниченность действий» [Социология 2003: 99]: *Ун хатында бер тавык акылы да юк* ‘На десять женщин даже одного куриного ума нет’; *Хатын кешенең фикере кыска* ‘У женщин мышление короткое’; *Хатын-кыз акыллы ирдә кимчелек табар*, *аңгырада камиллек табар* ‘Женщина в умном мужчине недостатки ищет, а в глупом — достоинства’; *Хатын-кызның акылы җил өргәнче җиде төрлегә әйләнә*, *ди* ‘Ум женщины семь раз поменяется, пока ветер дует’; *Хатыныңа киңәш ит*, *киресен тот* ‘Посоветуйся с женой и сделай наоборот’. Татароязычная картина мира утверждает, что для женщин важно не наличие интеллекта, а соответствие требованиям мужчины и общества.

Таким образом, паремии фиксируют женский ум как мудрость, сообразительность, верность мужу и порядочность. В мужском обществе мнением женщин пренебрегали. Отмечено преобладание афоризмов, актуализирующих умственные способности женщины.

Эмоционально-психологические особенности образа женщины в татарском языке имеют положительную и отрицательную коннотативные оценки. Предпочтение отдается нравственным качествам женщин. В первую очередь, оцениваются такие качества, как умелость, скромность и благовоспитанность: *Яхшы хатын — өй даны* ‘Хорошая жена — слава дома твоего’; *Уңган хатын кар өстендә казан кайната* ‘У умелой жены и на снегу казан закипит’.

К отрицательным чертам характера женщин, по данным паремий, относятся болтливость, злобность, хитрость, непостоянство и др., например: *Хатын-кызның күңеле көзге болыт шикелле* ‘Настроение женщин — что туча на осеннем небе’. В татарских паремиях мужеподобные женщины (*ирдәүкә*, *кыз тәкә*) оцениваются резко отрицательно; физическая сила, недостойное поведение в паремиях критикуются: *Ирдәүкә хатынга сакал җитмәс* ‘У мужеподобной женщины не хватает только бороды’. Такая модель поведения женщины расценивается коллективным сознанием как нарушающая каноны «идеального» феминного поведения, подразумевающего покорность и смирение.

В результате количественного анализа нам удалось сопоставить проявление положительных и отрицательных качеств в характере женщины в татарских паремиях (*Рис. 2*). Процентное соотношение исчислялось от общего числа паремий о чертах характера соответствующего пола (275 ед.).

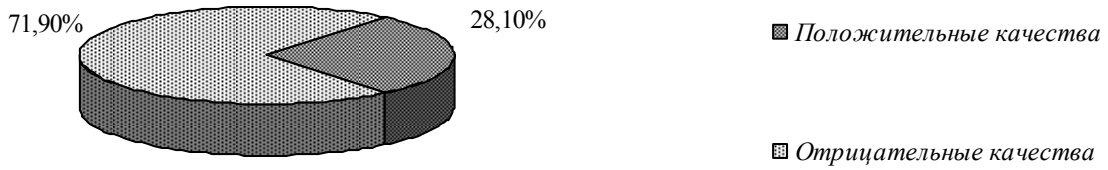


Рис. 2. Количественное соотношение положительных и отрицательных черт женского характера (по данным татарских паремий).

1) В **положительные качества** входят *тормыш алып бара белү осталыгы* ‘умение вести хозяйство’ (20,6%), *тәрбиялелек* ‘воспитанность’ (3,7%), *акыл* ‘ум’ (2%), *оялчанлык* ‘застенчивость’ (1%), *самимилек* ‘наивность’ (0,8%).

2) К **отрицательным качествам** относятся *ахмаклык* ‘глупость’ (3,2%), *яман холык* ‘плохой нрав’ (38,9%), *сер тотмау* ‘неумение хранить тайны’ (5,8%), *ирдәүкә* ‘мужеподобие’ (8,7%), *үзгәрүчән булу* ‘непостоянство’ (1,8%), *хәйләкәр* ‘хитрость’ (6,1%), *күп сөйләү* ‘болтливость’ (4%), *көнчелек* ‘ревнивость’ (1%), *тыйнаксызлык* ‘нескромность’ (1,4%), *кирелек* ‘капризность’ (1%).

Как показывает статистическая обработка данных, в психологических характеристиках языкового образа мужчины преобладают положительные качества. Исследуемый материал дает возможность сделать следующий вывод: татарский народ всегда стремился сохранять нравственные устои семьи. В этом вопросе основной упор делался на женщину, т. к. женщина всегда была хранительницей очага. Чтобы быть на хорошем счету и иметь достойное место в обществе, она должна была быть покорной и терпеливой женой, в ее характере не должно было быть отрицательных качеств.

2.3. Статусно-ролевые характеристики образа женщины в татарском языке

В плоскости статусно-ролевых характеристик языкового образа женщины в татарском языке рассматриваются **семейное положение**, **положение в обществе**, **имущественное состояние** и **родственные отношения**.

Как известно, в татарских семьях при воспитании детей соблюдалось разграничение по полу. С самого рождения отношение к мальчикам и девочкам было различным. Тот факт, что в дореволюционное время именно сын в татарской семье являлся наследником, а дочь не имела абсолютно никаких прав на наследство, определил **низкий социальный статус** девушек. Рождение дочери считалось нежелательным: *Кыз тапканга ай туган*, *ул тапканга көн туган* ‘Для того, у кого родилась дочь, — рождается луна, для того, у кого родился сын, — рождается солнце’; *Кыз үссә*, *өйгә кытлык*, *ул үссә*, *өйгә котлык* ‘Дочь вырастет — в доме нехватка, сын вырастет — благодать’.

Детей с раннего возраста приучают к труду: девочки во всем помогают матерям и ухаживают за младшими братьями и сестрами. В процессе труда дети не только получают трудовые навыки, в них воспитываются такие нравственные качества, как чувство ответственности, долга, забота и внимание по отношению к близкому человеку, уважение к старшим. Таким образом, на основе стереотипов происходит **гендерная идентификация**, когда маленькая девочка с детства видит и слышит о том, как должна вести себя «хорошая жена» или как должен вести себя «настоящий мужчина». В процессе социализации

ребенку с детства навязывается «правильное» понимание мира, где **дифференциация полов** занимает ведущее место. Существующие в языке поговорки подтверждают наличие данного подхода и в татарском языковом сознании: *Өч яшьлек ул атага булышыр*, *өч яшьлек кыз анага булышыр* ‘Трехлетний сын — помощник отцу, трехлетняя дочь — помощница матери’; *Кыз комач сорый*, *ул менәргә тай сорый* ‘Дочь просит ткань, сын — жеребенка’; *Кыз — курчакка*, *малай — колынчыкка* ‘Девочке интересна кукла, мальчику — жеребенок’.

В татарских семьях девушка с рождения считалась будущей невестой: *Кыз — бишектә*, *җиһаз — сандыкта* ‘Девочка еще в колыбели, а приданое для нее уже в сундуке’; *Җиткән кыз кияүдән курыкмас* ‘Зрелая девушка жениха не боится’. В татарских паремиях отражен также обычай отдавать дочь за выкуп и не допускать возвращения дочери обратно в родительский дом после того, как она вышла замуж и ушла жить в дом мужа: *Киткән кыз — киселгән икмәк* ‘Замужняя дочь — отрезанный ломоть’; *Кыз акчасы — тоз акчасы* ‘Деньги за дочь — что деньги за соль’; *Кызга биргән күренмәс*, *комга сипкән беленмәс* ‘Давать замужней дочери — все равно что лить воду на груду песка’.

Можно выделить особую группу паремий, в которых ярко выражены **семейные отношения**, а именно **отношения мужа** и **жены** в семье. Семья всегда высоко ценилась и ценится татарами, а вступление в брак считается естественной необходимостью. В прошлом семья являлась единственной возможной формой полнокровного функционирования любого хозяйства, а также гарантией обеспеченной старости [Татары 2001: 327]. Издавна татары строили семейную жизнь на основе Корана и шариата. Именно вера во многом способствовала формированию татарской культуры и традиций, т. к. она удерживает от размывания нравственных ценностей, являющихся необходимой нормой существования общества.

Традиционная татарская семья основана на **патриархальных принципах**. Главной особенностью патриархальной семьи является резкое **разделение полов** по их **социальным** и **социально-психологическим функциям** [Дорошина 2010: 158]. В таких семьях муж — глава семьи, а жена должна уважать и почитать его; эти устои зафиксированы и в татарских паремиях. Жизнь замужней женщины по сравнению с жизнью одинокой женщины оценивается двояко: 1) положительно — *Ирле гомер — иркә гомер* ‘Жизнь с мужем — жизнь в ласке’; *Ирле хатынга бүре дә тими* ‘Замужнюю женщину и волк не тронет’; *Ирле хатын терәкле* ‘Замужняя женщина — с опорой в жизни’; 2) отрицательно — *Ирле кеше — чирле кеше* ‘Жизнь с мужем — жизнь в заботах’. Однако одинокая жизнь для женщины — большое испытание: *Ирсез йорт — мичсез йорт* ‘Дом без мужа — что дом без печки’; *Ирсез тормыш — нурсыз тормыш* ‘Жизнь без мужа — блеклая жизнь’.

Вдовство считается бедой для женщины. Вдова сравнивается с птицей, у которой сломано крыло: *Йәтим хатын — канаты сынган кош* ‘Вдовица — птица со сломанным крылом’. Жизнь вдовы тяжела: *Толның хәлен тол белер* ‘Только вдова поймет положение вдовы’; *Тол йөзен шайтан ялар* ‘Лицо вдовой женщины шайтан оближет’. Женитьба на вдове оценивается отрицательно: *Усак утынның кызуы юк*, *җиңгә хатынның кызыгы юк* ‘От осиновых дров жару нет, жениться на вдове — интереса нет’.

Основным занятием татарской женщины считалось ведение домашнего хозяйства, в паремиях были выявлены полярные характеристики жены в ведении **хозяйственно-бытовой деятельности**: ‘хозяйственная’ — ‘нехозяйственная’, ‘трудолюбивая’ — ‘ленивая’, ‘чистоплотная’ — ‘нечистоплотная’. Например: *Аш өенә күз салсаң*, *хуҗа хатынының йөзен күрерсең* ‘Кухня — лицо хозяйки’; *Бортак хатын йорт тотар* ‘На экономной хозяйке весь дом держится’.

В татарском обществе было принято **главенствование мужчины** в семье. Жена беспрекословно подчинялась мужу: *Ир — аяк*, *хатын — олтырак* ‘Муж — нога, жена — стелька’; *Хатын хуҗасы — ир*, *ир хуҗасы — бурыч* ‘Хозяин жены — муж, хозяин мужчины — долг’.

Наряду с такими паремиологическими единицами, есть паремии, в которых описывается **обоюдная значимость мужа** и **жены** в семье; роль женщины не принижается: *Ир өй салган — хатын җимергән*, *хатын өй салган — шайтан да җимерә алмаган* ‘Муж дом построил — жена разрушила, жена дом построила — и сам черт не смог его разрушить’; *Ир өйнең бер чатын тотып торса*, *хатын өч чатын тотып торыр* ‘Муж держит один угол дома, жена — целых три’.

Родственные отношения в паремиях выражаются через лексемы *ана* ‘мать’, *үги ана* ‘мачеха’, *төркен* ‘родные по линии матери’, *абысын* ‘тетя’, *килен* ‘сноха’, *каенана* ‘свекровь, теща’ (диал. *биана*, *кайнә*), *каенсеңел* ‘золовка’ и др.

У татар сформировался культ отца и матери, культ родителей. Уважительное отношение детей к родителям — это показатель духовной прочности семьи. Известное выражение пророка Мухаммеда: «Рай — под ногами ваших матерей» — основной определитель авторитета родителей в семье [Галиуллина, Илдарханова 2010: 11].

Почтительное отношение к матери в татарских семьях берет начало от языческих верований. Во всех древних религиозно-мифологических верованиях образ матери как существа, дающего жизнь, так-

же окутан почтением. Такое отношение ясно отражено в национальном восприятии тюркских народов доисламского периода. Например, в мироощущении древних тюрков вертикальный мир состоял из трех слоев: верхнего, среднего и подземного. Богом верхнего слоя мироздания является *Теңри* (Небо). Если он совершенно конкретно выражал мужское начало, то другое божество неба — Умай — имело явно женские черты. Умай руководила деторождением, покровительствовала новорожденным и воинам; она олицетворяла собой силу жизни. Тенгри и Умай воплощали божественную супружескую пару небесных владык. В древнетюркских писаниях про них сказано: «Каган-отец как Небо (Тенгри), а катун-мать (жена кагана) как Умай» [Давлетшин 2004: 142; Татары 2001: 49]. Кроме того, татары верили, что у каждой местности есть свой бог: *йорт анасы* ‘мать дома’, *су анасы* ‘мать воды’, *юл анасы* ‘мать дороги’, *агач анасы* ‘мать деревьев’, *гөлләр анасы* ‘мать цветов’ и др.

В татарском языке образ матери имеет ярко выраженную **положительную оценку**, ей отводится роль **регулятора духовно-нравственных** и **эмоциональных отношений** в семье: *Кояш янында җылылык*, *әнкә янында тереклек* ‘Возле солнца — тепло, возле матери — живительная сила’. Как одна из разновидностей матери рассматривается социальная мать — *үги ана* ‘мачеха’. По сравнению с биологической матерью она характеризуется как чужая, более жестокая: *Анаң үги булса*, *ул йортка сыймассың* ‘В доме, где мачеха, ты всегда лишний’. Таким образом, материнство нередко выступает как основа природной и человеческой иерархии, матери отводится роль регулятора духовно-нравственных и эмоциональных отношений в семье. В паремиях она противопоставлена мачехе. От матери ребенок слышит первые слова на родном языке, песни, сказки; она дает ему первые уроки религии, закладывает основы социализации ребенка.

В татарском языке понятие *килен* является поволжско-уральским вариантом древнетюркского **kelin* ‘невеста, невестка, новобрачная, молодуха, сноха’ и может обозначать не только невесток или жен родных младших братьев, но и «вообще жену любого младшего родственника» [Рамазанова 1991: 33]. В татарском языке присутствует множество выражений обрядового характера, связанных с этим словом. Например, они касаются обрядов, связанных с прибытием невесты в дом жениха: *килен төшү* ‘прием невесты’, *килен күрсәтү*, *килен чәе эчерү* ‘знакомство с невестой’, *килен туны* ‘имущество невесты, привозимое с собой’, *яшь килен мунчасы* ‘баня, затопленная для невесты в день бракосочетания’, *су юлы күрсәтү* ‘обряд, связанный с показом невесте дороги, по которой ей придется ходить за водой’.

Паремии о *килен* ‘сноха’ в первую очередь описывают ее жизнь в доме мужа, взаимоотношения с членами семьи. Нами выявлены отношения «сноха — свекровь, свекор», «сноха — деверь», «сноха — золовка». Доминантными являются **взаимоотношения между снохой** и **свекровью**, в них четко выражается доброжелательное / недоброжелательное отношение друг к другу: *Яхшы килен үз кызыңнан яхшы* ‘Хорошая невестка порой ближе, чем дочь’; *Киленен яратмаган каенана ашка утырганда намазга керешер* ‘Когда все за стол садятся, не любящая невестку свекровь за намаз принимается’.

У татар был обычай, связанный с **молчанием снохи перед мужской половиной семьи**, — *тел яшерү*. По всей видимости, он возник в силу настоятельной необходимости закрепить народную **традицию почитания старших**: *Килен олыларның атын атамас* ‘Невестка не произнесет даже имени старших мужчин в доме’. Этот обычай заключается в следующем: «Невестка, вступив в дом мужа, не смела подавать голоса при свекре или при старших братьях мужа. Обычно свекровь решала, с кем нельзя разговаривать снохе. Со временем обычай утратил силу, стал как бы добровольным обетом молчания снохи, как знак особого уважения и почитания близких мужа» [Бикчурина 1993: 74]. Если возникала необходимость заставить сноху заговорить, то, по условиям того времени, снохе полагалось крупное вознаграждение, поэтому говорят: *Сыер биреп телен ачтырткан идем*, *ат биреп ябырлык булдым* ‘Корову отдал, чтоб невестка заговорила, теперь коня бы отдал, лишь бы она замолчала’.

Нами выявлен ряд паремий, в которых гендерный признак выражен имплицитно, т. е. в них отсутствует явно маркированная лексика, которую можно было бы отнести к определенному полу. При более подробном анализе их компонентов все же можно идентифицировать пол, например: *Төркене якынның түшәге җыелмас* ‘Постель той не убирается, чьи родители близко’. Так, *төркен* в тюркских языках имеет значение ‘родня (родители) замужней женщины’, а родственники мужа обозначаются словом *агаен*. Данная поговорка относится к снохам, часто навещающим родительский дом; частые визиты к родителям означают несоблюдение норм поведения и осуждаются старшим поколением.

Таким образом, в татарской лингвокультуре нами выделены гендерные стереотипы, которые отражают национально-культурные представления о мужчине и женщине, сложившиеся в обществе. Стереотипные представления, зафиксированные в татарской языковой картине мира, следующие: мужчина-татарин — это мужественный, сильный, гордый, прямолинейный, щедрый и малословный человек; женщина-татарка — добрая, скромная, хозяйственная и благовоспитанная жена, а татарских девушек

характеризуют застенчивость, невинность и целомудренность. В татарской традиции мужеподобные женщины оцениваются отрицательно.

В паремиях мужчина предстает как воин, защитник своей родины и семьи, глава семьи и рачительный хозяин, а женщина — в первую очередь жена, имеющая подчиненное положение в семье, хозяйка, ведущая дом. В паремиях отражается более высокое, по сравнению с женщиной, положение мужчины в обществе. Однако значительное количество паремий и авторских афоризмов показывают важную роль женщины в семье, в том числе в обществе, квалифицируют ее как регулятора эмоционально-психологического климата. Паремии такого рода уравновешивают доминирование андроцентричности.

Отсутствие в татарском языке четких морфологических средств, служащих для обозначения мужского и женского родов, отсутствие грамматической категории рода могут служить также аргументом в пользу сниженной андроцентричности татарского языка.

В данной статье мы рассмотрели в гендерном аспекте сравнительно небольшой фрагмент концептосферы татарского языка, однако даже этот фрагмент дает определенное представление о неоднозначности данной проблемы и важности ее тщательного изучения.

Сокращения

диал. — диалект, диалектный
ед. — единица
касим. — касимовский говор татарского языка
мишар. — мишарский диалект татарского языка

Литература

Аминова 2003 — *Аминова А. А.* Аксиологические особенности концепта «женщина» в русском, английском и татарском языках // Сопоставительная филология и полилингвизм / Под общ. ред. *Аминовой А. А.*, *Андрамоновой Н. А.* Казань, 2003. С. 19—26. {*Aminova A. A.* Aksiologičeskie osobennosti koncepta “ženščina” v russkom, anglijskom i tatarskom jazykax // Sopostavitelʹnaja filologija i polilingvizm / Ed. *Aminova A. A.*, *Andramonova N. A.* Kazanʹ, 2003. P. 19—26.}

Бикчурина 1993 — *Бикчурина Н.* Молчание — золото (кое-что о семейных забытых традициях) // Идель. 1993, 6. С. 74—75. {*Bikčurina N.* Molčanie — zoloto (koe-čto o semejnyx zabytyx tradicijax) // Idelʹ. 1993, 6. P. 74—75.}

Габдуллин 1999 — *Габдуллин Р.* Афоризмы: Хикмәтле сүзләр. Оренбург, 1999. {*Gabdullin R.* Aforizmy: Xikmätle süzlär. Orenburg, 1999.}

Галиуллина, Илдарханова 2010 — *Галиуллина Г. Р.*, *Илдарханова Ф. Ә.* Хәзерге татар гаиләләрендә исем сайлау традицияләре. Казан, 2010. {*Galiullina G. R.*, *Ildarxanova F. Ä.* Xäzerge tatar gailälärendä isem sajlau tradicijaläre. Kazan, 2010.}

Галәми 2000 — *Галәми Д.* Фәлсәфи тәлгәшләр: Канатлы гыйбарәләр, тәкъбирләр. Казан, 2000. {*Galämi D.* Fälsäfi tälgäšlär: Kanatly gyjbarälär, täkʺbirlär. Kazan, 2000.}

Гыйззәтуллин 2000 — *Гыйззәтуллин И. С.* Канатлы сүзләр. Казан, 2000. {*Gyjzzätullin I. S.* Kanatly süzlär. Kazan, 2000.}

Давлетшин 2004 — *Давлетшин Г. М.* Очерки по истории духовной культуры предков татарского народа (истоки, становление и развитие). Казань, 2004. {*Davletšin G. M.* Očerki po istorii duxovnoj kulʹtury predkov tatarskogo naroda (istoki, stanovlenie i razvitie). Kazanʹ, 2004.}

Дорошина 2010 — *Дорошина И. Г.* Особенности семейных отношений в татарских семьях // Этногенез и ранняя история народов Евразии: Материалы международной конференции (5—6 апреля 2010 г.). Пенза—Прага, 2010. С. 157—166. {*Dorošina I. G.* Osobennosti semejnyx otnošenij v tatarskix semʹjax // Etnogenez i rannʹaja istorija narodov Evrazii: Materialy meždunarodnoj konferencii (5—6 aprelʹa 2010 g.). Penza—Praga, 2010. P. 157—166.}

Җәләй и др. 1957 — Татар теленең фразеологиясе, мәкаль һәм әйтемнәре / Төз. *Җәләй Л.*, *Борһанова Н.*, *Мәхмүтова Л.* Казан, 1957. {Tatar telenең frazeologijase, mäkalʹ häm äjtemnäre / Ed. *Ǯäläj L.*, *Borhanova N.*, *Mäxmütova L.* Kazan, 1957.}

Замалетдинов 2004 — *Замалетдинов Р. Р.* Татарская культура в языковом сознании. М., 2004. {*Zamaletdinov R. R.* Tatarskaja kulʹtura v jazykovom soznanii. M., 2004.}

Исәнбәт 2010 — *Исәнбәт Н. С.* Татар халык мәкальләре: Мәкальләр җыелмасы. Т. 1—3. Казан, 2010. {*Isänbät N. S.* Tatar xalyk mäkalʹläre: Mäkalʹlär ǯyelmasy. Vol. 1—3. Kazan, 2010.}

Мушинский, Сафиуллин 2007 — Устами татарского народа: Пословицы, поговорки, афоризмы, литературные миниатюры / Сост. *Мушинский А.*, *Сафиуллин А.* Казань, 2007. {Ustami tatarskogo naroda: Poslovicy, pogovorki, aforizmy, literaturnye miniatʹury / Sost. *Mušinskij A.*, *Safiullin A.* Kazanʹ, 2007.}

Мәхмүтов 2002 — Әйтем — чәчәк, мәкаль — җиләк: Халык афоризмнары. Икенче китап / Төз. *Мәхмүтов Х. Ш.* Казан, 2002. {Äjtem — čäčäk, mäkalʹ — ǯiläk: Xalyk aforizmnary. Ikenče kitap / Ed. *Mäxmütov X. Š.* Kazan, 2002.}

Рамазанова 1991 — *Рамазанова Д. Б.* Термины родства и свойства в татарском языке. Казань, 1991. {*Ramazanova D. B.* Terminy rodstva i svojstva v tatarskom jazyke. Kazan′, 1991.}

Социология 2003 — Социология: Энциклопедия / Сост. *Грицанов А. А.*, *Абушенко В. Л.*, *Евелькин Г. М.* и др. М., 2003. {Sociologija: Enciklopedija / Sost. *Gricanov A. A.*, *Abušenko V. L.*, *Evel'kin G. M.* et al. M., 2003.}

Татар 1987 — Татар халык иҗаты: Мәкаль һәм әйтемнәр. Казан, 1987. {Tatar xalyk iҗaty: Mäkal′ häm äjtemnär. Kazan, 1987.}

Татары 2001 — Татары / Сост. *Хайрутдинов Р. Р.* М., 2001. {Tatary / Sost. *Xajrutdinov R. R.* M., 2001.}

Телия 1996 — *Телия В. Н.* Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. {*Telija V. N.* Russkaja frazeologija: Semantičeskij, pragmatičeskij i lingvokul′turologičeskij aspekty. M., 1996.}

Әмиров 2005 — Акылсыз кеше мәкальсез сөйләмәс: Хокук һәм законлылык турында татар халык мәкальләре, әйтемнәре, афоризмнары һәм мәзәкләре / Төз. *Әмиров К. Ф.* Казан, 2005. {Akylsyz keše mäkal′sez söjlämäs: Xokuk häm zakonlylyk turynda tatar xalyk mäkal′läre, äjtemnäre, aforizmnary häm mäzäkläre / Ed. *Ämirov K. F.* Kazan, 2005.}

РЕЗЮМЕ

В статье осуществляется гендерный анализ лексем со значениями ‘мужчина’ и ‘женщина’ на материале татарских паремий. Аксиологические характеристики образов мужчины и женщины исследованы на основе физиологических (особенности внешности, возрастные характеристики), психологических (черты характера, интеллектуальные способности, взаимоотношения между мужчиной и женщиной) и статусно-ролевых характеристик (поведенческие характеристики, внутрисемейные отношения, родственные отношения, социальное положение, имущественное состояние). Изучение гендерных стереотипов с лингвокультурологической точки зрения позволило выявить национально и культурно обусловленную специфику концептуализации мужественности и женственности в татарских паремиях.

SUMMARY

The article is devoted to the gender analysis of the tokens ‘man’ and ‘woman’ on the material of the Tatar proverbs. Axiological characteristics of man’s and woman’s images were studied on the basis of physiological (features of appearance, age characteristics), psychological (personality traits, intellectual abilities, relationships between a man and a woman) and status and role characteristics (behavioral characteristics, family relations, social status, property condition). The study of gender stereotypes with linguistic and cultural perspective reveals ethnically and culturally conditioned specifics of conceptualization of masculinity and femininity in the Tatar proverbs.

Ключевые слова: татарский язык, паремии, гендерные стереотипы, аксиология, концепт, лингвокультурология

Keywords: Tatar, proverbs, gender stereotypes, axiology, concept, linguoculture

© 2014 ***И. Д. Семенова***

Параметрическая стратификация карачаево-балкарской лексики на фоне родственных языков

Лексический состав любого языка можно подразделить на ядро и периферию. При обучении языку в первую очередь вводится его лексическое ядро, в состав которого входят, кроме дискурсивных элементов лексикона (местоимений, послелогов, союзов и т. д.), имена и глаголы в наиболее употребительных значениях. Проблема выделения ядерной лексики неоднократно обсуждалась в отечественной лингвистике, однако проблема выделения ядра лексико-семантической системы карачаево-балкарского языка и его анализа на фоне ядер других тюркских языков ни в зарубежной, ни в отечественной лингвистике, насколько нам известно, не ставилась и не решалась.

В отечественном языкознании тема ядра и периферии лексической системы языка разработана в трудах П. Я. Черных, А. А. Реформатского, Г. П. Мельникова, А. И. Кузнецовой, А. М. Кузнецова, А. А. Поликарпова и многих других.

П. Я. Черных приводит следующие интегральные черты «основного словарного фонда», отличающие его от «остального словарного состава» языка. Во-первых, основной словарный фонд гораздо менее обширен, чем словарный состав языка. Во-вторых, основной словарный фонд состоит из слов, выражающих наиболее важные, жизненно необходимые понятия. В-третьих, он отличается устойчивостью при всех перипетиях в жизни языка, но все же не остается неизменным, т. к. обогащается с течением времени, хотя этот процесс обогащения (накопления слов) протекает очень медленно. В-четвертых, основной словарный фонд — это общенародный словарь. Наконец, основной словарный фонд, составляющий сердцевину словарного состава языка, постоянно служит базой для образования новых слов. Ядром основного словарного фонда являются корневые слова [Черных 1950].

По идущему в русле этого подхода мнению А. М. Кузнецова, центральные слова должны быть просты по своему составу, обладать большой психологической важностью для носителя языка, иметь наиболее широкое значение и не являться заимствованиями (если такие слова заимствованы, то в давние времена) [Кузнецов 1980: 77—79].

Важно подчеркнуть, что ядро лексико-семантической системы языка, хотя и пересекается, но отнюдь не совпадает с корпусом этимологически древнейших корневых слов: «⟨…⟩ нельзя не признать, что, например, исконно славянский фонд в составе русского языка, представляемый в типичном для сравнительно-исторического языкознания абстрактно-этимологическом плане, имеет мало общего с основным словарным фондом русского языка в его конкретно-историческом развитии» [Виноградов 1977: 53]. Поэтому выявление параметрических ядер в современных тюркских языках не дублирует исследований исконного тюркского и пратюркского лексического фонда (подобных [СИГТЯ 1997]).

А. А. Кретов в своей статье о принципах выделения ядра лексико-семантической системы [Кретов 1987] приходит к выводу о том, что все признаки ядерной лексики любого языка связаны с частотностью и продуктивностью, которые и являются важнейшими признаками ядерных слов. Они предопределяют наличие всех остальных признаков.

А. И. Кузнецова в своей работе «Параметрическое исследование периферийных явлений в области морфемики (на материале русского языка)» [Кузнецова 1988] убедительно доказала, что наиболее реалистичным подходом к анализу лексики является многомерный, «поли-параметрический» подход, при котором каждый из параметров формирует свое ядро и свою периферию. Количество же параметров, существующих для лексико-семантической системы, является конечным и хорошо известным.

Таковыми параметрами, по мнению В. Т. Титова, подытожившего данные различных исследований в области квантитативной лексикологии, являются: 1) функциональная активность (употребительность), 2) деривационная активность (межсловная и внутрисловная продуктивность), 3) синтагматическая активность (широкая сочетаемость и фразеологическая продуктивность), 4) парадигматическая поддержанность (вхождение в многочисленные синонимические ряды) [Титов 2002, 2004].

Исходя из этих положений, нами было проведено параметрическое исследование лексики карачаево-балкарского языка с привлечением данных словарей [Гочияева, Суюнчев 1989; ЭСКБЯ]. Для сравнения использованы материалы следующих работ: по турецкому языку — [Бугаёв 2006], по тофаларскому — [Воржева 2008], по узбекскому — [Хайиткулова 2009]; источниками для них послужили [Рыбальченко

Семенова Индира Джотдаевна, Воронежский государственный университет, Институт языкознания РАН (Москва); boomerang.sid@mail.ru

2001], [Рассадин 1994], [Антонов-Саратовский 1931; Бигаев 1954; Умаров 1971; Рахматуллаев 1978; Акабиров, Аликулов 1981; Боровков 1985; Азизов, Ризаева 1989; UED].

Исследование лексики, проведенное на материале карачаево-балкарских словарей ([Гочияева, Суюнчев 1989] — около 30000 слов, [ЭСКБЯ] — около 5000 слов), показало, что состав параметрических ядер, извлеченных из большого и малого словарей карачаево-балкарского языка, совпадает на 70—80%. По данным Т. А. Казаковой [Казакова 2006, 2008], состав параметрических ядер немецких словарей разных объемов совпадает на 64%. Таким образом, словари отражают языковую реальность примерно на ⅔.

Для рассмотрения параметрических характеристик карачаево-балкарской лексики на фоне лексики других тюркских языков необходимо выполнить следующие задачи:

1) создать электронные версии тюркско-русских словарей;

2) создать базы данных на основе этих словарей;

3) получить количественную информацию по каждому из параметров исследуемых источников;

4) получить параметрическое ядро лексики каждого из исследуемых языков.

Как доказал в своем исследовании В. Т. Титов [Титов 2002], для выделения ядра лексико-семантической системы языка достаточно 1000 слов с максимальным параметрическим (суммарным) весом. Именно выявление этой «первой тысячи» является задачей квантитативной лексикологии. Получить ее можно по следующим параметрам:

1) функциональному (употребительность, косвенно оцениваемая по длине слова) — Ф-вес;

2) эпидигматическому (оцениваемому по количеству значений у слова в словаре) — Э-вес;

3) синтагматическому (косвенно оцениваемому по числу устойчивых словосочетаний и иллюстративных речений в словарной статье с данным словом) — С-вес;

4) парадигматическому (оцениваемому количеством слов в синонимическом ряду, в который входит слово по одному из своих значений) — П-вес.

Для вычисления веса слов по каждому из этих параметров (Ф-веса, Э-веса, С-веса и П-веса) В. Т. Титов предлагает следующую формулу [Титов 2002]:

$\mathrm{P\,Pr}_i = \dfrac{\Sigma r - R_{1-i}}{\Sigma r}$, где

Σr — сумма слов всех рангов, R_{1-i} — сумма слов от первого ранга до данного, а

$\mathrm{P\,Pr}_i$ — вес слов *i*-го ранга.

«⟨…⟩ Вес лексико-семантической единицы по каждому из параметров зависит от количества в данном словаре единиц с такой же или лучшей параметрической характеристикой, что делает параметрический анализ *системным* в полном смысле этого слова, поскольку вес каждой единицы зависит от количества и качества всех остальных единиц словаря» [Кретов и др. 2011: 53].

Для каждой единицы ядра необходимо вычислить ее вес по каждому из четырех параметров. Это дает возможность вычислить суммарный вес (по всем четырем параметрам), т. е. собственно п а р а м е т р и ч е с к и й в е с, каждой из единиц словаря и, расположив их в порядке убывания этого веса, получить искомое ядро лексико-семантической системы (объемом около 1000 слов).

1. Функциональная стратификация тюркской лексики

Для функциональной стратификации лексики вводится такой параметр как **функциональный вес** слова (Ф-вес) — некая неизвестная величина, подлежащая определению. Косвенно функциональный вес проявляется в том, что он влияет на такие наблюдаемые параметры слова, как его длина в языке и частотность в корпусах (речи), из которых для оценки Ф-веса используется длина слова.

Широко распространенная оценка функциональной активности лексики по абсолютной или относительной частоте появления слова в тексте очень сильно зависит от содержания текста, которое, в свою очередь, через создателя и адресатов привязано ко времени и месту [Кретов и др. 2011: 55]. Сопоставительный анализ частотных словарей русского языка показал, что частотность значительного количества слов оказывается неподтвержденной другими словарями [Морковкин 1985]. Причина в том, что разные частотные словари строились на разных корпусах, далеко не все из которых обладают свойством общеязыковой репрезентативности. Приходится согласиться с тем, что «более объективна косвенная оценка функциональной активности слова по его длине, ⟨…⟩ основывающаяся на зависимости длины слова от его частотности» [Кретов и др. 2011: 55].

Дж. К. Ципф установил, что чем короче (в среднем) слова, тем чаще они встречаются в тексте, и напротив — чем длиннее (в среднем) слова, тем реже они употребляются [Zipf 1965]. Из этого следует, что

длина слова в языке регулируется его частотой в тексте, а когда длина слова приходит в противоречие с его употребительностью, слово сокращается: ср. *Питер* вместо *Санкт-Петербург*, малагасийское *Tana* вместо *Antananarivo*. Следовательно, д л и н а слова свидетельствует о его у п о т р е б и т е л ь н о с т и на протяжении значительного периода — достаточного для того, чтобы гармонизировать обе характеристики.

Поскольку мы исследуем лексико-семантический уровень языка, за пределами нашего исследования оказываются служебные слова, междометия и слова с пометами, свидетельствующими об их социальной, функциональной или территориальной маркированности. Распределение слов по длине представлено в *Табл. 1*.

Таблица 1

Распределение слов по длине в словарях тюркских языков

фонемы	**абсолютное количество слов**				**накопленное количество слов**				Ф-вес слов			
	кбалк.	**узб.**	**тур.**	**тоф.**	**кбалк.**	**узб.**	**тур.**	**тоф.**	**кбалк.**	**узб.**	**тур.**	**тоф.**
1	11	4	0	0	11	4	0	0	**0,99962**	**0,99959**	1,00000	1,00000
2	152	59	72	79	163	63	72	79	**0,99438**	**0,99357**	**0,99310**	**0,98065**
3	667	389	418	397	830	452	490	476	**0,97137**	**0,95385**	**0,95304**	**0,88342**
4	1204	664	899	554	**2034**	**1116**	**1389**	**1030**	**0,92984**	**0,88605**	**0,86688**	**0,74773**
5	2839	**1743**	**1935**	**903**	4873	2859	3324	1933	0,83191	0,70809	0,68143	0,52657
6	3056	1400	1613	823	7929	4259	4937	2756	0,72650	0,56514	0,52684	0,32501
7	3566	1311	1407	581	11495	5570	6344	3337	0,60350	0,43128	0,39199	0,18271
8	**3962**	1526	1423	366	15457	7096	7767	3703	0,46683	0,27547	0,25561	0,09307
9	3328	909	929	195	18785	8005	8696	3898	0,35204	0,18266	0,16657	0,04531
10	3295	764	678	104	22080	8769	9374	4002	0,23838	0,10466	0,10159	0,01984
11	2381	488	494	44	24461	9257	9868	4046	0,15626	0,05483	0,05425	0,00906
12	1867	257	248	23	26328	9514	10116	4069	0,09186	0,02859	0,03048	0,00343
13	1221	145	163	11	27549	9659	10279	4080	0,04974	0,01378	0,01486	0,00073
14	715	93	93	3	28264	9752	10372	**4083**	0,02508	0,00429	0,00594	0,00000
15	408	42	53		28672	**9794**	10425		0,01100	0,00000	0,00086	
16	158		6		28830		10431		0,00555		0,00029	
17	92		2		28922		10433		0,00238		0,00010	
18	36		1		28958		**10434**		0,00114		0,00000	
19	21				28979				0,00041			
20	7				28986				0,00017			
21	2				28988				0,00010			
22	2				28990				0,00003			
23	1				**28991**				0,00000			

Из *Табл. 1* следует, что в рассматриваемых языках целесообразно ограничиться включением в функциональное ядро слов длиной не более четырех звуков: в карачаево-балкарском — 2034 самых коротких слова, в узбекском — 1116, в турецком — 1389, в тофаларском — 1030. Так мы получаем множества, с одной стороны, наиболее близкие к тысяче самых коротких слов, с другой стороны, включающие в себя эту тысячу.

Поскольку одной из целей исследования является определение параметрического веса слов в языке, то невключение слова в ядро по одному из параметров может привести к искажению его параметрического веса. Расширение же ядер к искажению данных не приведет, поскольку случайно попавшее в одно из четырех ядер слово, не будучи поддержано показаниями других параметров, будет иметь низкий параметрический вес. Поэтому для функционального (и любого другого частнопараметрического) ядра при наличии альтернативы главным требованием остается содержание **не менее** 1000 слов.

Распределение слов по длине в сопоставимом масштабе представлено на *Рис. 1*.

Рис. 1 свидетельствует о том, что распределение тофаларской лексики, имеющее одну ярко выраженную вершину (слова длиной в пять звуков), противопоставляет его остальным трем. Можно предположить, что основание данного противопоставления — преимущественно устное функционирование этого языка в сфере традиционной культуры и традиционного образа жизни («охотопромысел и разведение

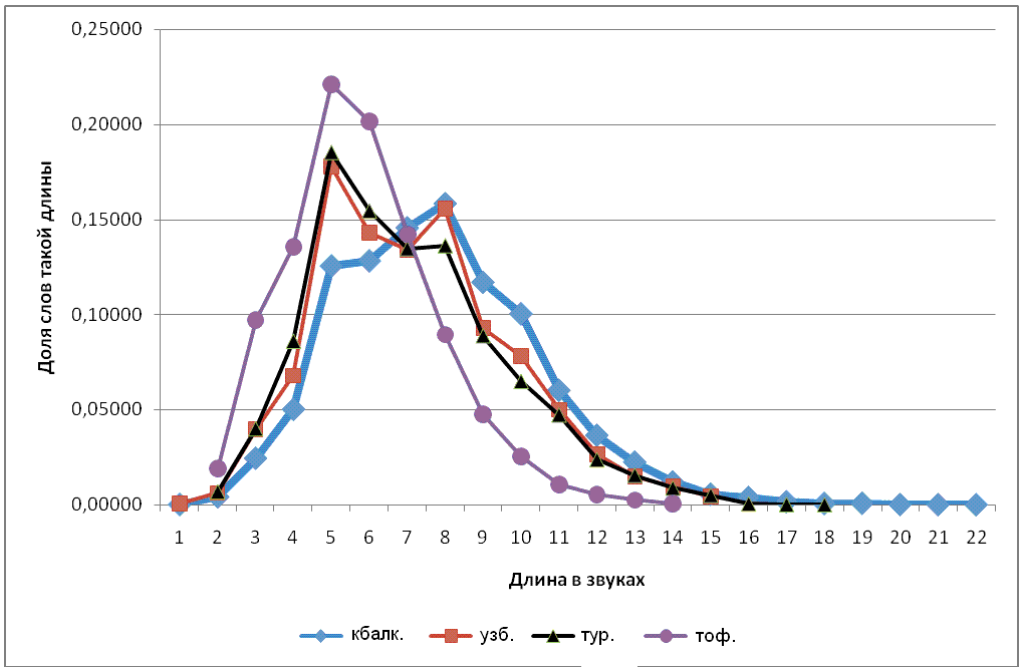


Рис. 1. Распределение слов по длине в тюркско-русских словарях (относительные величины).

домашних северных оленей, используемых под седло и вьюк» [Рассадин 1997: 373]). В качестве письменного языка тофалары пользуются русским [там же]. Если монгольских заимствований в нем насчитывают свыше 500 лексем, то русских — свыше 150 [Рассадин 1997: 383]. Может быть, эти заимствования и объясняют относительную многочисленность слов длиной в шесть звуков.

Узбекское и турецкое распределения имеют по две вершины — пять и восемь звуков. Для турецкого языка источник длинных слов известен: это, прежде всего, персидская лексика, количество которой вкупе с арабской «в XVII—XIX вв. доходило в отдельных произведениях до 80—90%» [Кононов 1997: 409]. Этот же источник иноязычной лексики особенно интенсивно использовался узбекским языком в XIV—XV вв., «когда персидский язык стал государственным для народов Средней Азии»; с XIX в. начались заимствования интернационализмов через русский язык, а в советскую эпоху русский язык стал основным источником обогащения узбекской лексики [Ходжиев 1997: 436]. По-видимому, интенсивное влияние русского языка обеспечило узбекскому распределению бóльшую высоту второго (восьмизвучного) пика. Арабский язык участвовать в этом вряд ли мог в силу преобладания в нем пятизвучных слов: ср. узб. *akbar*, *anvar*, *faqir*, *habib*, *haram*, *qalam*, *karim*, *kitob*, *malik*, *rasul* и т. д.

По тофаларскому распределению мы видим, что естественный пик лексики тюркских языков приходится на пятизвучные слова. Турецкое и узбекское распределения это подтверждают. Однако в карачаево-балкарском материале на месте этой вершины — «плечо», а единственный пик приходится на восьмизвучные слова.

По-видимому, влияние русского языка на карачаево-балкарский лексикон оказалось более интенсивным, чем влияние персидского — на турецкий, а персидского и русского — на узбекский, вследствие чего естественный для тюркских языков пик длины в карачаево-балкарском лексиконе сдвинулся с пяти звуков на восемь. Проверка этой гипотезы потребует отдельного и весьма трудоемкого исследования, поскольку для карачаево-балкарского языка «объем и распространение лексических заимствований по семантическим группам не исследован» [Чеченов, Ахматов 1997: 285]. В русском же и других славянских языках медиана распределения слов по длине приходится как раз на семь-восемь звуков, и, «как свидетельствует предварительный анализ русских словарей разного объема, различие между этими величинами не принципиально» [Кретов и др. 2011: 55].

2. Синтагматическая стратификация тюркской лексики

За косвенный показатель синтагматической активности (С-вес) тюркского слова принято количество фразеологизмов и иллюстративных речений, имеющихся в словарной статье данного слова. Предполагается следующая зависимость: чем богаче синтагматикой словарная статья данного слова, тем шире его синтагматическая сочетаемость в языке, тем больше его синтагматический вес. «Кроме того, посредст-

вом фразеологии маркируются концепты, значимые в культуре данного этноса, и отбор 1000 слов, наиболее богатых фразеосочетаниями, позволяет выделить ядро синтагматически активных и культурно значимых слов» [Титов 2005: 11]. Распределение слов по синтагматическому параметру представлено в *Табл. 2*.

Таблица 2

Распределение слов по числу фразеосочетаний в тюркско-русских словарях

фразео-сочетания	слов				накоплено слов				С-вес			
	кбалк.	узб.	тур.	тоф.	кбалк.	узб.	тур.	тоф.	кбалк.	узб.	тур.	тоф.
124	1				1				0,99995			
120	4				5				0,99977			
118	1				6				0,99972			
115	1				7				0,99968			
114	1				8				0,99963			
113	3				11				0,99949			
112	3				14				0,99935			
110	2				16				0,99926			
109	1				17				0,99921			
103	1				18				0,99916			
101	1				19				0,99912			
99	2				21				0,99903			
97	1				22				0,99898			
95	1				23				0,99893			
92	1				24				0,99889			
90	1				25				0,99884			
88	1				26				0,99879			
85	2				28				0,99870			
84	2				30				0,99861			
83	1				31				0,99856			
80	1				32				0,99851			
78	1				33				0,99847			
77	1				34				0,99842			
75	5				39				0,99819			
74	2				41				0,99810			
72	1				42				0,99805			
71	1				43				0,99800			
70	2				45				0,99791			
69	1				46				0,99787			
68	1				47				0,99782			
65	1				48				0,99777			
63	1				49				0,99773			
62	3				52				0,99759			
61	1				53				0,99754			
60	3				56				0,99740			
59	1				57				0,99735			
58	4				61				0,99717			
57	1				62				0,99712			
56	2				64				0,99703			
55	1				65				0,99698			
54	4				69				0,99680			
53	2		1		71		1		0,99670		0,99990	
51	2				73				0,99661			
50	4				77				0,99643			
49	4				81				0,99624			

фразео-сочетания	слов				накоплено слов				С-вес			
	кбалк.	узб.	тур.	тоф.	кбалк.	узб.	тур.	тоф.	кбалк.	узб.	тур.	тоф.
48	3				84				0,99610			
47	1				85				0,99606			
46	3				88				0,99592			
45	5				93				0,99568			
44	3				96				0,99554			
43	4				100				0,99536			
42	1				101				0,99531			
41	6				107				0,99503			
40	3				110				0,99489			
39	5				115				0,99466			
38	6				121				0,99438			
37	6		1		127		2		0,99411		0,99981	
36	11				138				0,99360			
35	10				148				0,99313			
34	7				155				0,99281			
33	8				163				0,99244			
32	9				172				0,99202			
31	9				181				0,99160			
30	7				188				0,99127			
29	10				198				0,99081			
28	14				212				0,99016			
27	16				228				0,98942			
26	17				245				0,98863			
25	16				261				0,98789			
24	22		1		283		3		0,98687		0,99971	
23	19		1		302		4		0,98598		0,99962	
22	21				323				0,98501			
21	22				345				0,98399			
20	30		1		375		5		0,98260		0,99952	
19	32				407				0,98111			
18	34				441				0,97953			
17	39				480				0,97772			
16	61		1		541		6		0,97489		0,99942	
15	47		1		588		7		0,97271		0,99933	
14	65		1		653		8		0,96969		0,99923	
13	68				721				0,96654		0,99890	
12	88	2	3	1	809	2	11	1	0,96245	0,99920	0,99895	0,99979
11	102	2	3		911	4	14		0,95772	0,99830	0,99866	
10	105	3	1		1016	7	15		0,95285	0,99710	0,99856	
9	146	2	3		1162	9	18		0,94607	0,99620	0,99827	
8	215	4	4	1	1377	13	22	2	0,93609	0,99460	0,99789	0,99959
7	266	4	5		1643	17	27		0,92375	0,99290	0,99741	
6	338	9	6	1	1981	26	33	3	0,90806	0,98920	0,99684	0,99938
5	495	19	5	4	2476	45	38	7	0,88509	0,98120	0,99636	0,99856
4	762	49	13	1	3238	94	51	8	0,84972	0,96080	0,99511	0,99835
3	1270	175	40	10	4508	269	91	18	0,79078	0,88780	0,99128	0,99629
2	2524	471	103	27	7032	740	194	45	0,67364	0,69130	0,98141	0,99073
1	5607	1657	338	170	12639	2397	532	215	0,41342	0,00000	0,94901	0,95572
0	8908	7397	7397	4640	21547	9794	10434	4855	0,00000	0,00000	0,00000	0,00000

Доминантой по количеству фразеологизмов среди существительных 1) в **карачаево-балкарском языке** является слово *джюрек* ‘сердце’, за ним следуют *иш* ‘работа, труд’, *кёз* ‘глаз’, *джер* ‘земля’; среди глаголов: *болургъа* ‘быть, происходить’, *айтыргъа* ‘говорить, сказать’, *алыргъа* ‘брать, взять’; среди прилагательных: *аман* ‘плохой, дурной, скверный’, *къара* ‘черный, темный’, *иги* ‘хороший’; 2) в **узбекском языке** среди существительных: *er* ‘земля’, *nom* ‘имя, название, наименование’, *joy* ‘место’, *zamon* ‘время, момент’, *tish* ‘зуб’; среди глаголов: *kelmoq* ‘приходить, приезжать’, *bormoq* ‘идти, пойти (куда-либо)’, *otmoq* ‘бросать, кидать, метать’, *tegmoq* ‘касаться, прикасаться’; среди прилагательных: *butun* ‘целый, непочатый, неповрежденный’, *tayin* ‘определенный, известный’, *teng* ‘равный, одинаковый’, *qalin* ‘толстый’; 3) в **турецком языке** среди существительных: *göz* ‘глаз’, *yüz* ‘лицо; поверхность’, *can* ‘душа; жизнь’, *yer* ‘земля; место’, *yürek* ‘сердце; душа’; среди глаголов: *olmak* ‘быть, находиться’, *var* ‘есть, имеется’, *tutulmak* ‘быть захваченным, застигнутым’, *kalmak* ‘остаться’; 4) в **тофаларском языке** среди существительных: *сағуш* ‘ум’, *чаг* ‘сало, жир (твердый)’; среди глаголов *ал* ‘брать, взять’, *эътэр* ‘издавать звук, кричать (о любом существе, кроме человека)’; среди прилагательных *қызыл* ‘красный’.

Слова с максимальным синтагматическим весом в тюркских языках имеют значения ‘земля’, ‘сердце’, ‘ум’ и ‘человек’. Синтагматический вес этих слов см. в *Табл. 3*.

Таблица 3

Стратификация слов с максимальным синтагматическим весом в тюркских языках

значения	кбалк.	узб.	тур.	тоф.	сумма
‘земля’	0,9997	0,9990	0,9996	0,9969	3,9952
‘сердце’	1,0000	0,8250	0,9840	0,9969	3,8059
‘ум’	0,9996	0,8060	0,9980	0,9988	3,8024
‘человек’	0,9577	0,7860	0,9940	0,9969	3,7346

Таким образом, доминантой фразеологического ядра лексики в исследуемых языках является ‘земля’, а вице-доминантой **—** ‘сердце’.

3. Парадигматическая стратификация тюркской лексики

Индикатором парадигматической поддержанности (П-вес) слов является размерность синонимического ряда (количество синонимов). Для выявления парадигматического параметра мы воспользовались методом позиционного анализа дефиниций: синонимами признаются слова, дефиниции значений которых совпадают полностью (жесткое условие) или на 50 и более % (гибкое условие) [Кретов, Титов 2006]. По мере убывания размерности синонимических рядов убывает системный вес организующих их лексических значений. Распределение слов по количеству синонимических рядов представлено в *Табл. 4*.

Таблица 4

Стратификация тюркской лексики по парадигматическому параметру

слова	синонимические ряды				накопленное количество рядов				П-вес слов			
	кбалк.	узб.	тур.	тоф.	кбалк.	узб.	тур.	тоф.	кбалк.	узб.	тур.	тоф.
16	1				1				0,99990			
15	1				2				0,99980			
14	2				4				0,99960			
13	2				6				0,99940			
11	2				8				0,99921			
10	3				11				0,99891			
9	7				18				0,99821			
8	7				25				0,99752			
7	12	1			37	1			0,99633	0,99996		
6	31	5	1		68	6	1		0,99325	0,99974	0,99991	
5	62	2	2	2	130	8	3	2	0,98710	0,99965	0,99972	0,99955
4	121	13	11	4	251	21	14	6	0,97510	0,99909	0,99871	0,99866
3	314	78	80	29	565	99	94	35	0,94394	0,99569	0,99135	0,99219
2	1135	677	741	354	1700	776	835	389	0,83133	0,96623	0,92315	0,91323
1	8379	22206	10031	4094	10079	22982	10866	4483	0,00000	0,00000	0,00000	0,00000

К парадигматическому ядру относятся слова, входящие в синонимические ряды с двумя и более синонимами. Таких рядов в карачаево-балкарском словаре-источнике 1700, в узбекском — 776, в турецком — 835, в тофаларском — 389. Не принимаются в расчет слова, не являющиеся существительными, прилагательными и глаголами, а также онимы и слова, относящиеся к определенной терминосфере. Может показаться, что парадигматический параметр представлен бедно, но это не совсем так: все 389 рядов тофаларских синонимов многочленны и содержат в сумме (354×2)+(29×3)+(4×4)+(2×5) = 821 слово. Даже меньший по объему тофаларский источник содержит в парадигматическом ядре почти 1000 слов. Представим данные по значениям и словам с максимальным парадигматическим весом.

Доминанта парадигматического ядра лексики **карачаево-балкарского языка** представлена значением **‘спокойный’ —** 16 синонимов: *тыппа-тынч*, *хош*, *къаугъасыз*, *хур*, *сёл*, *гузабасыз*, *рахат*, *тынчкёл*, *парахат*, *ашыгъыусуз*, *къайгъысыз*, *сабыр*, *чалыкъсыз*, *ыппа-рахат*, *къоркъуусуз*, *мамырлыкъ*. За ним в порядке уменьшения размерности рядов следуют значения **‘злой; злиться’ —** 15 синонимов: *ачыуландырыргъа*, *джаныуланырыргъа*, *чибинлерге*, *къайнашырыргъа*, *дерт*, *айгъыр*, *къайыр*, *кюлбет*, *хынчы*, *аппа-айгъыр*, *хыппа-хыны*, *огъурсузлукъ*, *шугутланыу*, *ёч* (III), *торсугъуу*; **‘болтливый’ —** 14 синонимов: *джаншакъ*, *сёзтепер*, *къанъкъылдаууқъ*, *бошауу*з, *най-най*, *гыргыр*, *сёз-къайгъы*, *дыбылдау*, *зампылдау*, *дырылдаууқъ*, *донъкъулдаууқъ*, *сандыраууқъ*, *джарыджаякъ*, *джызтдыу*; **‘драка; бить друг друга’ —** 14 синонимов: *токъмакълашыу*, *сермешиу*, *къагъышыу*, *тюйюш*, *беклешиу*, *джетдиришиу*, *топулдатышыу*, *согъуу* (III), *сопаларгъа*, *топалашыргъа*, *тёбелеширге*, *къайырылыучу*, *джагъалашыучу*, *салышдырыргъа*; **‘глупый’ —** 13 синонимов: *мысхам*, *акъмакъбаш*, *мыкыраулукъ*, *сылхырлыкъ*, *акъылсызлыкъ*, *ахмакълыкъ*, *мондай*, *тентек*, *мынъырау*, *маджюлюн*; **‘жадность’ —** 13 синонимов: *дыккычылыкъ*, *къызгъанчлыкъ*, *къысмарлыкъ*, *гызмарлыкъ*, *джудулукъ*, *къырелыкъ*, *ёч* (I), *ачкез*, *беккъол*, *къырс*, *ёлемен*, *ачтепер*, *къып-къызгъанч*; **‘бедность’ —** 11 синонимов: *хариблик*, *сабатажлыкъ*, *пакъырлыкъ*, *юйсюзлюк*, *джукъсузлукъ*, *джарлы-джазыкъ*, *джарлы-джалчы*, *кечинмексиз*, *факъыр*, *инджиулю*, *джарлы*; **‘боль, заболевание’ —** 11 синонимов: *къашаныу*, *чанчхы* (II), *саусузлу*, *хырыген*, *рахын*, *нахуш*, *маразлы*, *кемиз*, *ауруу*, *четнерге*, *ачыу* (II); **‘здоровый’ —** 10 синонимов: *борбайлы*, *саламат*, *эсен*, *ауруусуз*, *кемизсиз*, *маразсыз*, *саппа-сау*, *саулукъ-эсенлик*, *саулугъу-халы*, *саулукъ*; **‘пузатый’ —** 10 синонимов: *дырбыж*, *дыммызлыкъ*, *джаубыдыр*, *дыммыз*, *бокъбыдыр*, *гыбытлы*, *уллукъарын*, *алгыбыт*, *къарынлы*, *быдыр*; **‘стеснение (стесняться)’ —** 10 синонимов: *ийменіу*, *букжъдуруу*, *бетсиниу*, *къубулчакъ* (I), *ыйлыгъыучу*, *джунчуукъ*, *къызарыучу*, *уялыргъа*, *буюкъдурургъа*, *намыссынырга*.

В **узбекском языке** значение **‘жара’** образует семичленный синонимический ряд: *heat*, *dam*, *harorat*, *hovur*, *issiq*, *qiziq*, *tappot*, *tapt*. Значения **‘удовольствие, наслаждение’** (*bahra*, *gasht*, *lazzat*, *maza*, *nash'a*, *shavk*), **‘здоровье’** (*esonomonlik*, *omonlik*, *salomatlik*, *sihatlik*, *sihatsalomatlik*, *sog'lik*), **‘радость’** (*dilshodlik*, *farah*, *farahlik*, *shodlik*, *shodmonlik*, *surur*), **‘бесстыдный’** (*behayo*, *beibo*, *hayosiz*, *orsiz*, *sharmsiz*, *yuzsiz*), **‘рассказчик’** (*afsonachi*, *ertakchi*, *qissachi*, *qissaxon*, *rivoyatchi*, *roviy*) образуют шестичленные синонимические ряды. Пятичленные синонимические ряды образуют значения **‘красота’** (*go’zallik*, *jamol*, *ko’rk*, *oraz*, *suluvlik*) и **‘проверяющий’** (*inspektor*, *kontrolyor*, *mufattish*, *revizor*, *taftishchi*).

В **турецком языке** одно значение **‘основной, главный’** объединяет шесть синонимов (*temel*, *esas*, *başlıca*, *asıl*, *asli*, *ana*); два значения — по пять синонимов: **‘совет’** (*şura*, *sovyet*, *öğut*, *kurul*, *konsey*), **‘память’** (*zihin*, *hatır*, *hafiza*, *bellek*, *akıl*); 11 значений — по четыре синонима: **‘гарантия’** (*garanti*, *güvence*, *inanca*, *teminat*), **‘жизнь’** (*can*, *hayat*, *ömür*, *yaşantı*), **‘здоровый’** (*esen*, *iyi*, *sağ* (II), *sağlam*), **‘здоровье’** (*afiyet*, *esenlik*, *sağlık*, *sıhhat*), **‘критика’** (*eleştiri*, *eleştirme*, *kritik*, *tenkit*), **‘невозможный’** (*olamaz*, *olanaksız*, *imkansız*, *olmaz*), **‘одежда’** (*giysi*, *kılık*, *kıyafet*, *üst*), **‘радуга’** (*alâimisema*, *ebe[m]kuşağı*, *gökkuşağı*, *yağmurkuşağı*), **‘современный’** (*asri*, *çağdaş*, *modern*, *muasir*), **‘счастье’** (*bahtiyarlık*, *devlet*, *mutluluk*, *saadet*), **‘человек’** (*adam*, *insan*, *kişi*, *kişioğlu*).

В **тофаларском языке** значения **‘медведь’** (*ирезаң*, *қаъхярарлыг-аң*, *чоорхаңңыг-аң*, *чоорхаңңыг*, *ире*) и **‘продырявливать, протыкать (что-либо тонкое)’** (*өът*, *өъткур-*, *дэл-*, *тэъш-*, *тыт-*) имеют по пять синонимов, а значения **‘добрый (о человеке)’** (*беърт*, *эриг*, *эъккі*, *чытчақ*), **‘интересный, вызывающий интерес’** (*эптігсіңьчиг*, *соңир*, *соңширхаңьчыг*, *эпті*), **‘помогать’** (*ңетеш-*, *болиш-*, *дизала-*, *ңете-*), **‘скоблить шкуру при ее выделке’** (*қыр*, *қыъртыча-*, *сур-*, *сыыла-*) — по четыре синонима.

4. Эпидигматическая стратификация тюркской лексики

Эпидигматическая активность (Э-вес) тюркских слов косвенно оценивается по количеству значений в словаре (многозначности). Распределение тюркских слов по количеству значений представлено в *Табл. 5*.

Из *Табл. 5* видно, что к эпидигматическому ядру карачаево-балкарского и узбекского словарей относятся слова с тремя и более значениями, а в турецком и тофаларском языках эпидигматическое ядро составляют слова с двумя и более значениями.

Таблица 5

Распределение слов в тюркских словарях по многозначности

значения	слова				накоплено слов				Э-вес			
	кбалк.	узб.	тур.	тоф.	кбалк.	узб.	тур.	тоф.	кбалк.	узб.	тур.	тоф.
46		1				1				0,99998		
31		1				2				0,99997		
30		1				3				0,99995		
26	1	1			1	4			0,99995	0,99993		
23	1				2				0,99989			
21		1				5				0,99992		
19		1				6				0,99990		
18		1				7				0,99988		
17	1	1			3	8			0,99984	0,99987		
16		6				14				0,99977		
15	5	4			8	18			0,99958	0,99970		
14	2	2			10	20			0,99947	0,99967		
13	2	2			12	22			0,99937	0,99963		
12	3	6			15	28			0,99921	0,99953		
11	6	5			21	33			0,99889	0,99945		
10	5	15			26	48			0,99863	0,99920		
9	9	17	4		35	65	4		0,99815	0,99892	0,99962	
8	27	20	4	2	62	85	8	2	0,99673	0,99858	0,99719	0,99960
7	31	45	6	1	93	130	14	3	0,99510	0,99783	0,98513	0,99940
6	57	84	4	4	150	214	18	7	0,99209	0,99643	0,94872	0,99860
5	106	164	9	11	256	378	27	18	0,98650	0,99370	0,85185	0,99630
4	278	364	51	23	534	742	78	41	0,97185	0,98763	0,77778	0,99160
3	772	437	191	130	1306	1179	269	171	0,93115	0,98035	0,71429	0,96480
2	2870	129	1153	639	4176	1308	1422	810	0,77984	0,97820	0,50000	0,83320
1	14792	58691	9012	4045	18968	59999	10434	4855	0,00000	0,00000	0,00000	0,00000

В **карачаево-балкарской** лексике максимальное количество значений (26) имеет слово *чыгъаргъа*. За ним в порядке уменьшения многозначности следуют слова: *тутаргъа* ‘держать, удерживать, брать’ (23), *тюшерге* ‘падать’ (17), *тюшюрюрге* ‘ронять’ (15), *чыгъармакълыкъ* ‘вынесение’ (15), *чыгъарыргъа* ‘выносить’ (15), *тюшюрюю* ‘выпадение’ (15), *джетерге* ‘доходить, добираться’ (15), *адет* ‘обычай; традиция; адат[1]’ (14), *баш* ‘голова, головной; главный, основной’ (14), *тартаргъа* ‘тянуть, тащить, натягивать; дергать’ (13), *болургъа* ‘быть, происходить, совершаться, случаться’ (13), *болмакълыкъ* ‘бытие, происхождение, совершение’ (12), *урургъа* ‘бить, ударять’ (12), *болуу* ‘бытие, происхождение, совершение’ (12), *адам* ‘человек, человеческий, людской; чужой’ (11), *алыргъа* ‘брать, взять’ (11), *айырылыргъа* ‘быть избранным; быть отобранным’ (11), *къыздырыргъа* ‘греть, нагревать, калить’ (11), *къызаргъа* ‘греться, нагреваться; накаляться’ (11), *салыргъа* ‘ставить, класть’ (11), *тыйылыргъа* ‘сдерживать, останавливаться’ (10), *алыныргъа* (I) ‘быть взятым’ (10), *тыйыу* ‘остановка’ (10), *тюшюу* ‘падение’ (10), *тыяргьа* ‘сдерживать, останавливать’ (10).

В эпидигматическом ядре **узбекской** лексики доминантой **—** словом с максимальным числом значений (46) **—** является *bosh* ‘голова’. За ним в порядке убывания числа значений следуют слова: *o’tmoq* ‘проходить, проезжать’ (31), *qo’ymoq* ‘ставить, класть; положить’ (30), *tushmoq* ‘доход, выручка, поступление; сбор’ (26), *tutmoq* ‘брать; браться, держать’ (21), *tortmoq* ‘тянуть, тащить’ (19), *solmoq* ‘класть, положить’ (18), *ketmoq* ‘уходить, уезжать’ (17), *bosmoq* ‘давить, жать’ (16), *ko’tarmoq* ‘поднимать’ (16), *olmoq* ‘брать, получать; взять’ (16), *qaramoq* ‘смотреть, глядеть’ (16), *qolmoq* ‘оставаться, остаться; лишаться’ (16), *yo’l* ‘дорога, путь’ (16), *bo’lmoq* ‘быть, бывать, являться’ (15), *tashlamoq* ‘бросать, забрасывать; кидать, выкидывать’ (15), *turmoq* ‘стоять, находиться (где-либо)’ (15), *urmoq* ‘бить, наносить удары (побои)’ (15), *kelmoq* ‘приходить, приезжать, прибывать’ (14), *ko’rmoq* ‘видеть’ (14), *ish* ‘работа’ (13), *o’rta* ‘середина, сердцевина; средний’ (13), *bog’lamoq* ‘связывать; завязывать; привязывать’ (12), *bormoq* ‘идти, пойти (куда-либо)’ (12), *ochmoq* ‘открывать, отворять; раскрывать’ (12), *qattiq* ‘твердый, крепкий;

[1] Адат **—** обычаи, а также реалии правовой жизни, не отраженные в шариате.

жесткий’ (12), *tag* ‘фон, задний план’ (12), *yurmoq* ‘ходить, идти; ездить, ехать; двигаться’ (12), *er* ‘земля; земной’ (11), *hisob* ‘счет, подсчет’ (11), *joy* ‘место’ (11), *otmoq* ‘бросать, кидать’ (11), *termoq* ‘собирать, убирать’ (11), *bermoq* ‘давать, выдавать, отдавать, подавать’ (10), *bilmoq* ‘знать, узнавать, познавать’ (10), *buzmoq* ‘ломать, разрушать’ (10), *etmoq* ‘хватать, быть достаточным’ (10), *kuymoq* ‘гореть, сгорать, тлеть’ (10), *o’rin* ‘место’ (10), *o’tirmoq* ‘сидеть; садиться’ (10), *o’ynamoq* ‘играть; забавляться, развлекаться’ (10), *past* ‘низ; низкий; низко’ (10), *qalqimoq* ‘всплывать, выходить на поверхность’ (10), *qaytarmoq* ‘возвращать’ (10), *qoqmoq* ‘бить, колотить; стучать’ (10), *qo’shmoq* ‘соединять, присоединять, приобщать, включать’ (10), *qotmoq* ‘затвердевать, отвердевать’ (10), *tegmoq* ‘касаться, прикасаться’ (10).

В эпидигматическом ядре **турецкой** лексики максимальное количество значений (9) имеют четыре слова: *çekmek* 1) ‘тянуть, тащить’, 2) ‘натягивать; надевать’, 3) ‘втягивать, всасывать; вдыхать’, 4) ‘весить, тянуть’, 5) ‘выхватывать’, 6) ‘привлекать, интересовать кого-либо; нравиться кому-либо’, 7) ‘бить; орудовать чем-либо’, 8) ‘терпеть, испытывать; выносить’, 9) ‘отгораживать’; *çıkarmak* 1) ‘вынуть, вытащить’, 2) ‘снять’, 3) ‘заставить подняться, поднять’, 4) ‘издать, выпустить’, 5) ‘произвести’, 6) ‘выбросить (на рынок и т. д.); вывезти’, 7) ‘высадить (например, десант)’, 8) ‘выгнать; исключить’, 9) (матем.) ‘вычитать’; *olmak* 1) ‘быть, находиться’, 2) ‘быть, стать’, 3) ‘быть, иметься’, 4) ‘быть, произойти, случиться’, 5) ‘доводиться, приходиться’, 6) ‘заболеть’, 7) ‘наступить’, 8) ‘быть готовым, поспеть, созреть’, 9) ‘пройти, миновать; исполниться’; *tutmak* 1) ‘держать в руке’, 2) ‘удержать; сдерживать’, 3) ‘схватить’, 4) ‘снять, нанять’, 5) ‘занять (место, время)’, 6) ‘ловить’, 7) ‘начаться’, 8) ‘поддерживать’, 9) ‘подействовать’.

В эпидигматическом ядре **тофаларской** лексики максимальное количество значений (8) имеют два слова: *баъш* 1) (анат.) ‘голова’, 2) ‘глава, начальник’, 3) ‘вершина, макушка, верхушка’, 4) ‘головка’, 5) ‘наконечник’, 6) ‘колос, колосок’, 7) ‘передняя лука седла’, 8) ‘исток, верховье (реки, ручья)’; *туътар* (I) 1) ‘держать’, 2) ‘брать, трогать’, 3) ‘жать, сжимать’, 4) ‘ловить, хватать’, 5) ‘давить, задавить (о хищниках)’, 6) ‘преподносить, дарить’, 7) ‘стряпать, печь’, 8) ‘строить’.

5. Параметрическая стратификация тюркской лексики

Сложение весов по каждому параметру дает суммарный параметрический вес для каждого из слов данного множества и позволяет упорядочить слова по убыванию их параметрического веса. Наиболее значимая часть параметрических ядер тюркских языков представлена в *Приложении*.

Стратификация слов по параметрическому весу «позволяет представить словарь в виде конуса, вершиной которого является одно-единственное слово. Полученное таким образом слово является не просто словом: его позиция является производной и равнодействующей от всех остальных слов словаря, взятых по четырем системообразующим параметрам. ⟨…⟩ Доминанта — слово, вобравшее в себя весь словарь» [Кретов и др. 2011: 59]. Доминантой карачаево-балкарского словаря является существительное *бет* ‘лицо’.

В *Табл. 6* представлены доминанты всех четырех языков и последующие четыре ранга лексико-семантической системы тюркских языков.

Таблица 6

Лексико-семантические доминанты тюркских языков

ранг / язык	1 доминанта	2 вице-доминанта	3	4	5
кбалк.	*бет* ‘лицо’	*бош* ‘свободный’	*сый* ‘честь’	*адам* ‘человек’	*толу* ‘полный, целый’
узб.	*joy* ‘место’	*nom* ‘имя, название’	*et* ‘мясо’	*eski* ‘старый, изношенный’	*no’k* ‘пустой, трухлявый’
тур.	*кол* ‘рука’	*ağiz* ‘рот’	*üst* ‘верхний; верх’	*ad* ‘имя’	*тел* ‘волокно; нить; струна’
тоф.	*ус-* ‘рвать, разрывать (например, нить)’	*өш* ‘вражда, месть, злой умысел’	*уш* ‘конец, кончик’	*аш-* ‘переваливать (гору), переходить’	*аът-* ‘стрелять (из лука)’

Такой состав доминант и вице-доминант, несомненно, связан с национальными особенностями каждого из исследуемых языков, культурой народов, а также сферой применения лексики.

Перспективой данного исследования является применение метода параметрического анализа по возможности ко всей группе тюркских языков, что позволит построить карту лексико-семантического пространства тюркских языков, а также дать детализированную типологическую характеристику лексико-семантических систем тюркских языков.

Приложение 1.

Малые параметрические ядра тюркских языков (по данным словарей-источников). Параметрическое ядро карачаево-балкарской лексики

Малое ядро карачаево-балкарского языка, куда входят слова с максимальным весом по всем четырем параметрам, составляют 62 слова.

слово	значение	параметры	Э-вес	П-вес	С-вес	Ф-вес	суммарно
бет	‘лицо; лицевой’	ЭПСФ	0,990	0,998	0,997	0,971	**3,957**
бош	‘свободный, незанятый, вакантный’	ЭПСФ	0,990	0,987	0,996	0,971	**3,945**
сый	‘честь’	ЭПСФ	0,983	0,987	0,990	0,971	**3,932**
ич	‘внутренности; сердцевина, середина’	ЭПСФ	0,996	0,944	0,997	0,994	**3,931**
адам	‘человек; человеческий, людской’	ЭПСФ	0,999	0,987	0,999	0,936	**3,920**
толу	‘полный, целый’	ЭПСФ	0,990	0,993	0,990	0,936	**3,909**
ара	‘середина; серединный, средний’	ЭПСФ	0,996	0,944	0,996	0,971	**3,908**
къара (I)	‘черный, темный’	ЭПСФ	0,996	0,975	0,999	0,936	**3,906**
аман	‘плохой, дурной, скверный’	ЭПСФ	0,967	0,996	0,999	0,936	**3,899**
къауум	‘группа, кучка’	ЭПСФ	0,983	0,975	0,992	0,936	**3,887**
адеб	‘воспитанность, хорошие манеры’	ЭПСФ	0,967	0,993	0,985	0,936	**3,881**
азаб	‘мука, мучение, страдание’	ЭПСФ	0,967	0,975	0,987	0,936	**3,865**
ачыкъ	‘открытый’	ЭПСФ	0,990	0,944	0,993	0,936	**3,863**
чот	‘счет’	ЭПСФ	0,983	0,944	0,962	0,971	**3,861**
къуу (III)	‘сухой; сухо’	ЭПСФ	0,923	0,975	0,958	0,994	**3,850**
ариу	‘красивый, хороший’	ЭПСФ	0,967	0,944	0,998	0,936	**3,845**
ышан	‘признак, черта, особенность’	ЭПСФ	0,983	0,944	0,980	0,936	**3,843**
къуру	‘пустой’	ЭПСФ	0,967	0,944	0,994	0,936	**3,841**
эрши	‘невзрачный, неказистый, некрасивый’	ЭПСФ	0,923	0,993	0,986	0,936	**3,838**
джити	‘острый, отточенный; остро’	ЭПСФ	0,983	0,944	0,973	0,936	**3,836**
тынч	‘смирный, тихий, спокойный’	ЭПСФ	0,967	0,944	0,989	0,936	**3,836**
джукъа	‘тонкий’	ЭПСФ	0,983	0,944	0,970	0,936	**3,833**
ауаз	‘голос; тембр, тон’	ЭПСФ	0,923	0,987	0,983	0,936	**3,829**
таза	‘чистый, аккуратный’	ЭПСФ	0,923	0,987	0,981	0,936	**3,827**
ийиу	‘отправление, отправка; направление’	ЭПСФ	0,967	0,975	0,946	0,936	**3,824**
оноу	‘совет, наставление’	ЭПСФ	0,923	0,987	0,975	0,936	**3,821**
оюн	‘игра; веселье, забава’	ЭПСФ	0,923	0,944	0,980	0,971	**3,818**
иш	‘работа, занятие, труд, деятельность’	ЭПСФ	0,990	0,831	1,000	0,994	**3,815**
оюм	‘мысль’	ЭПСФ	0,923	0,944	0,975	0,971	**3,814**
эт	‘мясо; мясной’	ЭПСФ	0,983	0,831	0,990	0,994	**3,799**
таякъ	‘палка, дубинка’	ЭПСФ	0,923	0,944	0,991	0,936	**3,794**
хыре	‘мягкий, вялый, рыхлый’	ЭПСФ	0,967	0,944	0,946	0,936	**3,793**
тюк	‘волос, волосинка’	ЭПСФ	0,990	0,831	0,995	0,971	**3,789**
орта	‘середина’	ЭПСФ	0,923	0,944	0,985	0,936	**3,788**
ачы (I)	‘горький, горечь; кислый’	ЭПСФ	0,990	0,831	0,992	0,971	**3,785**
тыш	‘чехол, футляр, покрышка’	ЭПСФ	0,990	0,831	0,990	0,971	**3,783**
ыз	‘след’	ЭПСФ	0,967	0,831	0,989	0,994	**3,782**
тууар	‘скот, скотина (корова, бык)’	ЭПСФ	0,923	0,944	0,978	0,936	**3,781**
ауур	‘тяжелый; тяжело’	ЭПСФ	0,990	0,831	0,987	0,971	**3,780**
аджал	‘смерть, кончина’	ЭПСФ	0,923	0,975	0,946	0,936	**3,780**
къол (I)	‘рука (кисть)’	ЭПСФ	0,967	0,831	0,999	0,971	**3,770**
уллу	‘большой, крупный’	ЭПСФ	0,994	0,831	0,998	0,936	**3,759**
туура	‘правда, истина; истинный’	ЭПСФ	0,998	0,831	0,993	0,936	**3,758**
джюк	‘груз, вьюк, ноша, багаж’	ЭПСФ	0,967	0,831	0,980	0,971	**3,750**
эски	‘старый, ветхий’	ЭПСФ	0,994	0,831	0,989	0,936	**3,749**

слово	значение	параметры	Э-вес	П-вес	С-вес	Ф-вес	суммарно
аш	‘пища, еда; обед’	ЭПСФ	0,923	0,831	0,994	0,994	**3,743**
энчи	‘личный, собственный, свой’	ЭПСФ	0,983	0,831	0,989	0,936	**3,739**
бокъ	‘дерьмо, кал, помет’	ЭПСФ	0,967	0,831	0,967	0,971	**3,737**
айыб	‘стыд, позор, срам’	ЭПСФ	0,967	0,831	0,995	0,936	**3,730**
амал	‘способ, метод, прием’	ЭПСФ	0,967	0,831	0,993	0,936	**3,727**
разы	‘довольный, удовлетворенный’	ЭПСФ	0,967	0,831	0,991	0,936	**3,725**
аякъ (I)	‘нога, стопа, ступня, лапа’	ЭПСФ	0,923	0,831	0,998	0,971	**3,724**
борч	‘долг, заем’	ЭПСФ	0,967	0,831	0,985	0,936	**3,719**
айры	‘раздвоенный’	ЭПСФ	0,983	0,831	0,967	0,936	**3,717**
хал	‘положение’	ЭПСФ	0,923	0,831	0,983	0,971	**3,709**
агъач	‘дерево; древесный’	ЭПСФ	0,923	0,831	0,999	0,936	**3,689**
къууш (II)	‘дупло; дуплистый, полый’	ЭПСФ	0,923	0,831	0,962	0,971	**3,688**
узакъ	‘далекий, дальний’	ЭПСФ	0,923	0,831	0,992	0,936	**3,683**
эсеб	‘итог, результат’	ЭПСФ	0,923	0,831	0,967	0,936	**3,657**
джурт	‘родина’	ЭПСФ	0,923	0,831	0,962	0,936	**3,653**
буруу	‘вращение’	ЭПСФ	0,923	0,831	0,962	0,936	**3,653**
дерс	‘урок’	ЭПСФ	0,923	0,831	0,958	0,936	**3,648**

Приложение 2.

Малые параметрические ядра тюркских языков (по данным словарей-источников). Параметрическое ядро узбекской лексики

Малое параметрическое ядро узбекского языка составляют 58 слов.

слово	значение	Э-вес	П-вес	С-вес	Ф-вес	суммарно
joy	‘место’	0,986	0,949	0,902	0,954	**3,791**
nom	‘имя, название, наименование’	0,927	0,949	0,922	0,954	**3,752**
et	‘мясо’	0,927	0,949	0,825	0,994	**3,694**
eski	‘старый, изношенный’	0,986	0,949	0,864	0,887	**3,685**
po’k	‘пустой, рыхлый, трухлявый’	0,927	0,949	0,806	0,954	**3,636**
tiz	‘колено, колени’	0,927	0,949	0,806	0,954	**3,636**
er	‘земля, почва, грунт’	0,677	0,949	0,999	0,994	**3,618**
chet	‘край, окраина, сторона’	0,927	0,949	0,786	0,954	**3,616**
sim	‘проволока; проволочный’	0,927	0,949	0,786	0,954	**3,616**
davr	‘эпоха, эра, век’	0,927	0,949	0,825	0,887	**3,588**
anich	‘ясный, четкий, точный, отчетливый’	0,927	0,949	0,806	0,887	**3,569**
o’rin	‘место’	0,927	0,949	0,806	0,887	**3,569**
xarob	‘разрушенный, разоренный’	0,927	0,996	0,844	0,712	**3,478**
surat	‘рисунок, картина, картинка’	0,986	0,949	0,806	0,712	**3,452**
tuzuk	‘исправный; исправно’	0,986	0,949	0,806	0,712	**3,452**
talab	‘требование; тревога, беспокойство’	0,927	0,949	0,864	0,712	**3,451**
nusxa	‘образец, образчик’	0,927	0,949	0,825	0,712	**3,412**
ola	‘пестрый, пятнистый, рябой, пегий’	0,677	0,949	0,825	0,954	**3,405**
ra’y	‘воля, желание, расположение’	0,677	0,949	0,825	0,954	**3,405**
teng	‘равный, одинаковый; поровну’	0,677	0,949	0,883	0,887	**3,396**
etmoch	‘хватать’	0,927	0,949	0,806	0,712	**3,393**
maza	‘вкус, удовольствие, наслаждение’	0,677	1,000	0,825	0,887	**3,389**
bo’y	‘рост, высота’	0,677	0,949	0,806	0,954	**3,386**
chap	‘левый’	0,677	0,949	0,806	0,954	**3,386**
saf	‘ряд, шеренга’	0,677	0,949	0,806	0,954	**3,386**
sher	‘лев; львиный’	0,677	0,949	0,806	0,954	**3,386**
sho’r	‘соленый’	0,677	0,949	0,806	0,954	**3,386**

слово	значение	Э-вес	П-вес	С-вес	Ф-вес	суммарно
sof	‘чистый’	0,677	0,949	0,806	0,954	**3,386**
zich	‘стесненный’	0,677	0,949	0,806	0,954	**3,386**
ildiz	‘корень’	0,927	0,949	0,786	0,712	**3,374**
moyli	‘масляный, замасленный, маслянистый’	0,927	0,949	0,786	0,712	**3,374**
oylik	‘милостыня, подаяние, пожертвование’	0,927	0,949	0,786	0,712	**3,374**
chisich	‘сжатый’	0,927	0,949	0,786	0,712	**3,374**
churuch	‘сухой, засохший, высохший’	0,927	0,949	0,786	0,712	**3,374**
sanok	‘счет, исчисление; чужой, посторонний’	0,927	0,949	0,786	0,712	**3,374**
imo	‘знак, жест’	0,677	0,949	0,786	0,954	**3,367**
chad	‘стан, фигура; рост, высота’	0,677	0,949	0,786	0,954	**3,367**
sel	‘сель, ливень, проливной дождь’	0,677	0,949	0,786	0,954	**3,367**
chasd	‘умысел, замысел, намерение, месть’	0,677	0,949	0,844	0,887	**3,358**
shavk	‘увлечение, страсть, пристрастие’	0,677	1,000	0,786	0,887	**3,351**
og'ir	‘тяжелый, увесистый’	0,677	0,949	0,806	0,887	**3,319**
o’chuv	‘чтение, учение, учеба, занятие’	0,677	0,949	0,806	0,887	**3,319**
do’ng	‘бугорок, холмик’	0,677	0,949	0,786	0,887	**3,300**
ojiz	‘слепой, слепец’	0,677	0,949	0,786	0,887	**3,300**
yutuch	‘достижение, успех, выигрыш’	0,677	0,949	0,786	0,887	**3,300**
buzuch	‘разрушенный, сломанный’	0,677	0,949	0,864	0,712	**3,201**
bahra	‘польза, выгода; удовольствие, наслаждение’	0,677	1,000	0,806	0,712	**3,194**
xalal	‘помеха, препятствие’	0,677	0,996	0,786	0,712	**3,170**
iflos	‘грязь, нечисть; грязный’	0,677	0,949	0,806	0,712	**3,143**
kasal	‘болезнь, недуг, немочь’	0,677	0,949	0,806	0,712	**3,143**
ovoza	‘слухи, молва, известность’	0,677	0,949	0,806	0,712	**3,143**
panoh	‘убежище, прибежище, пристанище’	0,677	0,949	0,806	0,712	**3,143**
tomir	‘жила, кровеносный сосуд; корень’	0,677	0,949	0,806	0,712	**3,143**
ermak	‘забава, развлечение; утешение, отрада’	0,677	0,949	0,786	0,712	**3,124**
havas	‘желание, охота, склонность’	0,677	0,949	0,786	0,712	**3,124**
katak	‘клетка (для птиц), птичник, курятник’	0,677	0,949	0,786	0,712	**3,124**
kulgi	‘смех, посмешище’	0,677	0,949	0,786	0,712	**3,124**
rohat	‘наслаждение, удовольствие, блаженство’	0,677	0,949	0,786	0,712	**3,124**

Приложение 3.

Малые параметрические ядра тюркских языков (по данным словарей-источников). Параметрическое ядро турецкой лексики

В турецком языке малое ядро составляет 31 слово.

слово	значение	Э-вес	П-вес	С-вес	Ф-вес	суммарно
kol	‘рука’	0,985	0,923	0,994	0,953	**3,856**
ağiz	‘рот; начало; вход; отверстие’	0,997	0,991	0,994	0,867	**3,850**
üst	‘верхний; верх’	0,778	0,999	0,999	0,953	**3,729**
ad	‘имя, название’	0,714	0,923	0,998	0,993	**3,629**
tel	‘волокно; нить; струна’	0,714	0,923	0,994	0,953	**3,588**
akıl	‘ум, разум; память; совет’	0,714	1,000	0,998	0,867	**3,579**
saat	‘час; время; часы’	0,778	0,923	0,994	0,867	**3,558**
sıra	‘ряд, шеренга; очередь’	0,778	0,923	0,994	0,867	**3,558**
yazı	‘письмо; почерк; шрифт’	0,778	0,923	0,994	0,867	**3,558**
kap	‘сосуд; посуда’	0,714	0,923	0,948	0,953	**3,539**
ağir	‘тяжелый; медленный; дорогой’	0,714	0,923	0,998	0,867	**3,524**
etek	‘пола, подол; юбка’	0,714	0,923	0,984	0,867	**3,485**
kara (II)	‘черный; темный; мрачный’	0,714	0,923	0,984	0,867	**3,485**

слово	значение	Э-вес	П-вес	С-вес	Ф-вес	суммарно
can	‘душа; жизнь’	0,500	0,999	1,000	0,953	**3,451**
boş	‘пустой; свободный’	0,500	0,991	0,997	0,953	**3,448**
aç	‘голод; голодный; жаждущий’	0,500	0,991	0,948	0,993	**3,433**
iç	‘внутренний; внутренность; сердце; душа’	0,500	0,991	0,948	0,993	**3,433**
sağ (II)	‘здоровый; живой’	0,500	0,999	0,984	0,953	**3,432**
ev	‘дом; семья’	0,500	0,923	0,994	0,993	**3,466**
yüz (II)	‘лицо; поверхность’	0,500	0,923	1,000	0,953	**3,376**
yer	‘земля’	0,500	0,923	1,000	0,953	**3,376**
gün	‘день; солнце’	0,500	0,923	0,997	0,953	**3,373**
alt	‘низ; дно (сосуда)’	0,500	0,923	0,984	0,953	**3,357**
sap	‘ручка, рукоятка’	0,500	0,923	0,984	0,953	**3,357**
yaka	‘воротник, ворот’	0,500	0,991	0,996	0,867	**3,354**
adam	‘человек; мужчина’	0,500	0,999	0,948	0,867	**3,314**
âlem	‘мир; окружающие (люди)’	0,500	0,991	0,948	0,867	**3,364**
para	‘деньги’	0,500	0,923	0,994	0,867	**3,284**
gece	‘ночь; вечер’	0,500	0,923	0,994	0,867	**3,284**
kalp (I)	‘сердце’	0,500	0,923	0,984	0,867	**3,274**
koca (II)	‘большой, огромный’	0,500	0,923	0,948	0,867	**3,238**

Приложение 4.

Малые параметрические ядра тюркских языков (по данным словарей-источников). Параметрическое ядро тофаларской лексики

В тофаларском языке малое параметрическое ядро составляют пять слов, поэтому для сопоставимости приводится и часть большого параметрического ядра.

слово	значение	параметры	Э-вес	П-вес	С-вес	Ф-вес	суммарно
үс-	‘рвать, прерывать, разрывать (например, нить)’	ЭПСФ	0,965	0,979	0,985	0,977	**3,906**
өш	‘вражда, месть, злой умысел’	ЭПСФ	0,833	0,940	0,985	0,977	**3,735**
уш	‘конец, кончик’	ЭПСФ	0,833	0,875	0,985	0,977	**3,670**
аш-	‘переваливать (гору), переходить, переступать’	ЭПСФ	0,833	0,681	0,985	0,977	**3,476**
аът-	**‘стрелять (из лука)’**	**ЭПСФ**	**0,833**	**0,681**	**0,985**	**0,880**	**3,379**
улғат-	‘усиливаться (о дожде, ветре), прибывать (о воде)’	ЭПС	0,992	0,968	0,985		**2,944**
ал-	‘брать, взять’	ЭСФ	0,965	0,000	1,000	0,977	**2,942**
чағ	‘сало, жир (твердый)’	ПСФ		0,979	0,999	0,880	**2,858**
эът-	‘издавать звук (о любом существе, кроме человека)’	ПСФ		0,968	0,999	0,880	**2,847**
қыс	‘дочь’	ЭСФ	0,965		0,997	0,880	**2,842**
қоп	‘сплетня’	ЭСФ	0,965		0,985	0,880	**2,830**
сай (I)	‘галька’	ЭСФ	0,965		0,985	0,880	**2,830**
ээ (I)	‘хозяин, владелец’	ЭСФ	0,833		0,997	0,977	**2,807**
бағ	‘кожаный ремень, веревка’	ПСФ		0,940	0,985	0,880	**2,805**
кет-	‘надевать (на себя)’	ПСФ		0,940	0,985	0,880	**2,805**
эр	‘мужчина, мужик, муж’	ЭСФ	0,833		0,985	0,977	**2,795**
өс	‘аорта (сердечная)’	ЭСФ	0,833		0,985	0,977	**2,795**
от	‘огонь’	ЭСФ	0,833		0,985	0,977	**2,795**
им	‘жест, знак (рукой)’	ЭПФ	0,833	0,979	0,000	0,977	**2,789**
доң-	‘мерзнуть, замерзать, застывать’	ПСФ		0,875	0,997	0,880	**2,752**
баъс-	‘давить, надавливать, нажимать (сверху)’	ЭСФ	0,999		0,985	0,743	**2,726**

слово	значение	параметры	Э-вес	П-вес	С-вес	Ф-вес	суммарно
кіп-	‘входить (внутрь), вступать; поступать’	ЭСФ	0,833		0,997	0,880	**2,710**
чер	‘земной, земляной; земля, суша’	ЭСФ	0,833		0,997	0,880	**2,710**
озыт-	‘пускать, отпускать, выпускать’	ЭПФ	0,992	0,968		0,743	**2,702**
няан	‘бок, верхняя часть бедра человека’	ЭПФ	0,833	0,987		0,880	**2,700**

Сокращения

Языки

кбалк. — карачаево-балкарский
тоф. — тофаларский
тур. — турецкий
узб. — узбекский

Общие

анат. — анатомический
матем. — математический
П-вес — парадигматический вес слова
С-вес — синтагматический вес слова
Ф-вес — функциональный вес слова
Э-вес — эпидигматический вес слова

Литература

Азизов, Ризаева 1989 — *Азизов О.*, *Ризаева З.* Узбекско-русский словарь: 9000 слов / Под ред. *Хайрулаева И.* Ташкент, 1989. {*Azizov O.*, *Rizaeva Z.* Uzbeksko-russkij slovar′: 9000 slov / Ed. *Xajrulaev I.* Taškent, 1989.}

Акабиров, Аликулов 1981 — *Акабиров С. Ф.*, *Аликулов Т. А.* Толковый словарь узбекского языка. М., 1981. {*Akabirov S. F.*, *Alikulov T. A.* Tolkovyj slovar′ uzbekskogo jazyka. M., 1981.}

Антонов-Саратовский 1931 — *Антонов-Саратовский В. П.* Русско-узбекский справочник. М.—Л., 1931. {*Antonov-Saratovskij V. P.* Russko-uzbekskij spravočnik. M.—L., 1931.}

Бигаев 1954 — *Бигаев Р. И.* Частотный русско-узбекский словарь-минимум. Ташкент, 1954. {*Bigaev R. I.* Častotnyj russko-uzbekskij slovar′-minimum. Taškent, 1954.}

Боровков 1985 — *Боровков А. К.* Русско-узбекский словарь. Ташкент, 1985. {*Borovkov A. K.* Russko-uzbekskij slovar′. Taškent, 1985.}

Бугаёв 2006 — *Бугаёв В. П.* Параметрический анализ лексики турецкого языка. Дипломная работа по специальности «Теоретическая и прикладная лингвистика» (научный руководитель — к.ф.н, доц. *Меркулова И. А.*). Воронеж, 2006. {*Bugajov V. P.* Parametričeskij analiz leksiki tureckogo jazyka. Diplomnaja rabota po special′nosti “Teoretičeskaja i prikladnaja lingvistika” (naučnyj rukovoditel′ — k.f.n., doc. *Merkulova I. A.*). Voronež, 2006.}

Виноградов 1977 — *Виноградов В. В.* Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка // Избранные труды: Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 47—68. {*Vinogradov V. V.* Ob osnovnom slovarnom fonde i ego slovoobrazujuščej roli v istorii jazyka // Izbrannye trudy: Leksikologija i leksikografija. M., 1977. P. 47—68.}

Воржева 2008 — *Воржева И. В.* Параметрическое ядро тофаларской лексики на фоне родственных языков. Дипломная работа по специальности «Теоретическая и прикладная лингвистика» (научный руководитель — д.ф.н., проф. *Кретов А. А.*). Воронеж, 2008. {*Vorževa I. V.* Parametričeskoe jadro tofalarskoj leksiki na fone rodstvennyx jazykov. Diplomnaja rabota po special′nosti “Teoretičeskaja i prikladnaja lingvistika” (naučnyj rukovoditel′ — d.f.n., prof. *Kretov A. A.*). Voronež, 2008.}

Гочияева, Суюнчев 1989 — *Гочияева С. А.*, *Суюнчев Х. И.* Карачаево-балкарско-русский словарь: Около 30000 / Под ред. *Тенишева Э. Р.*, *Суюнчева Х. И.* М., 1989. {*Gočijaeva S. A.*, *Sujunčev X. I.* Karačaevo-balkarsko-russkij slovar′: Okolo 30000 / Ed. *Tenišev E. R.*, *Sujunčev X. I.* M., 1989.}

Казакова 2006 — *Казакова Т. А.* Зависимость парадигматической стратификации лексики от метода и источника // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Системный анализ и информационные технологии». 2006, 2. С. 62—65. {*Kazakova T. A.* Zavisimost′ paradigmatičeskoj stratifikacii leksiki ot metoda i istočnika // Vestnik Voronežskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija “Sistemnyj analiz i informacionnye texnologii”. 2006, 2. P. 62—65.}

Казакова 2008 — *Казакова Т. А.* Синонимия в параметрическом анализе немецкой лексики // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Системный анализ и информационные технологии». 2008, 2. С. 16—20. {*Kazakova T. A.* Sinonimija v parametričeskom analize nemeckoj leksiki // Vestnik Voronežskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija “Sistemnyj analiz i informacionnye texnologii”. 2008, 2. P. 16—20.}

Кононов 1997 — *Кононов А. Н.* Турецкий язык // Языки мира: Тюркские языки / Отв. ред. *Тенишев Э. Р.* М., 1997. С. 394—411. {*Kononov A. N.* Tureckij jazyk // Jazyki mira: T′urkskie jazyki / Ed. *Tenišev E. R.* M., 1997. P. 394—411.}

Кретов 1987 — *Кретов А. А.* Принципы выделения ядра лексико-семантической системы // Семантика слова и синтаксической конструкции: Межвузовский сборник научных трудов. Воронеж, 1987. С. 84—93. {*Kretov A. A.* Principy vydelenija jadra leksiko-semantičeskoj sistemy // Semantika slova i sintaksičeskoj konstrukcii: Mežvuzovskij sbornik naučnyx trudov. Voronež, 1987. P. 84—93.}

Кретов, Титов 2006 — *Кретов А. А.*, *Титов В. Т.* Алгоритм позиционного выявления синонимии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Системный анализ и информационные технологии». 2006, 1. С. 62—65. {*Kretov A. A.*, *Titov V. T.* Algoritm pozicionnogo vyjavlenija sinonimii // Vestnik Voronežskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija “Sistemnyj analiz i informacionnye texnologii”. 2006, 1. P. 62—65.}

Кретов и др. 2011 — *Кретов А. А.*, *Меркулова И. А.*, *Титов В. Т.* Проблемы квантитативной лексикологии славянских языков // Вопросы языкознания. 2011, 1. С. 52—65. {*Kretov A. A.*, *Merkulova I. A.*, *Titov V. T.* Problemy kvantitativnoj leksikologii slav′anskix jazykov // Voprosy jazykoznanija. 2011, 1. P. 52—65.}

Кузнецова 1988 — *Кузнецова А. И.* Параметрическое исследование периферийных явлений в области морфемики (на материале русского языка). Дисс. … докт. филол. наук. М., 1988. {*Kuznecova A. I.* Parametričeskoe issledovanie periferijnyx javlenij v oblasti morfemiki (na materiale russkogo jazyka). Diss. … dokt. filol. nauk. M., 1988.}

Морковкин 1985 — Лексические минимумы современного русского языка / Под ред. *Морковкина В. В.* М., 1985. {Leksičeskie minimumy sovremennogo russkogo jazyka / Ed. *Morkovkin V. V.* M., 1985.}

Рассадин 1994 — *Рассадин В. И.* Тофаларско-русский словарь. Русско-тофаларский словарь. Иркутск, 1994. {*Rassadin V. I.* Tofalarsko-russkij slovar′. Russko-tofalarskij slovar′. Irkutsk, 1994.}

Рассадин 1997 — *Рассадин В. И.* Тофаларский язык // Языки мира: Тюркские языки / Отв. ред. *Тенишев Э. Р.* М., 1997. С. 372—383. {*Rassadin V. I.* Tofalarskij jazyk // Jazyki mira: T′urkskie jazyki / Ed. *Tenišev E. R.* M., 1997. P. 372—383.}

Рахматуллаев 1978 — *Рахматуллаев Ш.* Толковый фразеологический словарь узбекского языка. Ташкент, 1978. {*Raxmatullaev Š.* Tolkovyj frazeologičeskij slovar′ uzbekskogo jazyka. Taškent, 1978.}

Рыбальченко 2001 — Турецко-русский и русско-турецкий словарь / Под ред. *Рыбальченко Т. Е.* М., 2001. {Turecko-russkij i russko-tureckij slovar′ / Ed. *Rybal′čenko T. E.* M., 2001.}

СИГТЯ 1997 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика / Отв. ред. *Тенишев Э. Р.* М., 1997. {Sravnitel′no-istoričeskaja grammatika t′urkskix jazykov: Leksika / Ed. *Tenišev E. R.* M., 1997.}

Титов 2002 — *Титов В. Т.* Общая квантитативная лексикология романских языков. Воронеж, 2002. {*Titov V. T.* Obščaja kvantitativnaja leksikologija romanskix jazykov. Voronež, 2002.}

Титов 2004 — *Титов В. Т.* Частная квантитативная лексикология романских языков. Воронеж, 2004. {*Titov V. T.* Častnaja kvantitativnaja leksikologija romanskix jazykov. Voronež, 2004.}

Титов 2005 — *Титов В. Т.* Принципы квантитативной лексикологии (на примере романских языков). Автореф. дисс. … докт. филол. наук. Тверь, 2005. {*Titov V. T.* Principy kvantitativnoj leksikologii (na primere romanskix jazykov). Avtoref. diss. … dokt. filol. nauk. Tver′, 2005.}

Умаров 1971 — *Умаров Э. А.* Фразеологический словарь узбекского языка. Ташкент, 1971. {*Umarov E. A.* Frazeologičeskij slovar′ uzbekskogo jazyka. Taškent, 1971.}

Хайиткулова 2009 — *Хайиткулова Н. Р.* Параметрическое ядро узбекской лексики на фоне родственных языков. Дипломная работа по специальности «Теоретическая и прикладная лингвистика» (научный руководитель — д.ф.н., проф. *Кретов А. А.*). Воронеж, 2009. {*Xajitkulova N. R.* Parametričeskoe jadro uzbekskoj leksiki na fone rodstvennyx jazykov. Diplomnaja rabota po special′nosti “Teoretičeskaja i prikladnaja lingvistika” (naučnyj rukovoditel′ — d.f.n., prof. *Kretov A. A.*). Voronež, 2009.}

Ходжиев 1997 — *Ходжиев А. П.* Узбекский язык // Языки мира: Тюркские языки / Отв. ред. *Тенишев Э. Р.* М., 1997. С. 426—437. {*Xodžiev A. P.* Uzbekskij jazyk // Jazyki mira: T′urkskie jazyki / Ed. *Tenišev E. R.* M., 1997. P. 426—437.}

Черных 1950 — *Черных П. Я.* Учение И. В. Сталина о словарном составе и об основном словарном фонде языка // Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина / Под ред. *Виноградова В. В.* М., 1950. С. 73—74. {*Černyx P. Ja.* Učenie I. V. Stalina o slovarnom sostave i ob osnovnom slovarnom fonde jazyka // Voprosy jazykoznanija v svete trudov I. V. Stalina / Ed. *Vinogradov V. V.* M., 1950. P. 73—74.}

Чеченов, Ахматов 1997 — *Чеченов А. А.*, *Ахматов И. Х.* Карачаево-балкарский язык // Языки мира: Тюркские языки / Отв. ред. *Тенишев Э. Р.* М., 1997. С. 272—286. {*Čečenov A. A.*, *Axmatov I. X.* Karačaevo-balkarskij jazyk // Jazyki mira: T′urkskie jazyki / Ed. *Tenišev E. R.* M., 1997. P. 272—286.}

ЭСКБЯ — Электронный словарь карачаево-балкарского языка: 4755 слов // http://balkaria.narod.ru, 2002. {Elektronnyj slovar′ karačaevo-balkarskogo jazyka: 4755 slov // http://balkaria.narod.ru, 2002.}

UED — *Dirks W.* Uzbek-English Dictionary / Transl. *Davronov T.* // http://linguists.narod.ru/downloads5.html.
Zipf 1965 — *Zipf G. K.* The Psycho-Biology of Language: An introduction to dynamic philology. Cambridge, 1965.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена квантитативному анализу лексики тюркско-русских словарей по четырем параметрам: функциональному, синтагматическому, парадигматическому и эпидигматическому. Целью исследования является рассмотрение лексико-семантического ядра лексики карачаево-балкарского языка на фоне аналогичных ядер турецкого, узбекского и тофаларского языков.

SUMMARY

The article deals with the quantitative analysis of the vocabulary of the Turkic-Russian dictionaries according to the functional, syntagmatic, paradigmatic and epidigmatic parameters. The aim of the research is to single out the lexico-semantic nucleus of the Karachay-Balkar language and to compare it with the similar nuclei of Turkish, Uzbek and Tofalar (Tofa).

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык, турецкий язык, узбекский язык, тофаларский язык, квантитативный анализ, лексико-семантическое ядро

Keywords: Karachay-Balkar, Turkish, Uzbek, Tofalar (Tofa), quantitative analysis, lexico-semantic nucleus

© 2014 ***Ф. Г. Хисамитдинова***

О некоторых мифологических представлениях башкир

Башкирская мифология — это мифологические представления башкир, коренного народа Южного Урала. Особенности башкирской мифологии, как и всей культуры башкир, обусловлены, во-первых, уникальностью ландшафта Южного Урала, во-вторых, сложностью этногенеза и этнической истории башкир. Южный Урал, расположенный на стыке зон степи и леса, дал людям возможность приспособиться к природным условиям и выжить, поэтому, как отмечает археолог В. В. Овсянников, несмотря на смену эпох, изменения материальной культуры, климатические и политические изменения, на Южном Урале всегда сохранялось этническое ядро, выступающее посредником для последующих поколений. Результатом развития этой традиции является формирование современного башкирского народа, культура которого несет в себе следы всех прошедших эпох [Овсянников 2009: 11].

Безусловно, вышеизложенное относится и к мифологии. Судя по мифологическим кубаирам-эпосам и другим жанрам фольклора, — башкирская мифология унаследовала и донесла до наших дней мифологические традиции древнейшего населения Южного Урала. Это мифы о двух водоплавающих птицах, олицетворяющих солнце и луну, о двух братьях-демиургах, братьях-антагонистах, создателях и повелителях двух миров, мифы о первотворении земли и ландшафта Урала, осушении вод мирового потопа и возникновении трехъярусного мироздания, инициационный миф и др. Кроме кубаиров-эпосов «Урал-батыр», «Акбузат» и др., об этом свидетельствуют и палеолитические рисунки пещеры Шульган-Таш, сюжетно связанные с вышеназванными и другими эпосами башкир [Котов 2006: 408].

Особенности башкирской мифологии, как уже говорилось выше, связаны со **сложностью этногенеза** и **этнической истории башкирского народа**, в формировании которого, кроме древнейшего населения Южного Урала, создателей южноуральских мифических традиций, принимали участие индоиранские, тюркские и финно-угорские племена [Юсупов 2012: 304]. Очевидно, что это не могло не отразиться на башкирской мифологии: в ней появлялись новые персонажи, взгляды и сюжеты, связанные с мифологиями названных выше народов. В этом плане особый интерес представляют персонажи башкирской мифологии, в составе которых присутствуют образы, восходящие к разным мифологическим традициям и разным эпохам. Так, например, персонажи *аждаха* ‘многоголовый змей, злой дух, дракон’, *дейеу* ‘див, демон’, *пяри* ‘бес, нечистая сила’ и *әпи* / *апи* ‘куклы, духи родников, рек’, связанные с иранской мифологией, по-видимому, в башкирскую мифологию были привнесены ираноязычными народами в эпоху раннего железа. Отдельные сюжеты, мотивы и персонажи башкирской мифологии имеют параллели в финно-угорской и монгольской мифологиях [Ахметьянов 1981: 143; Хисамитдинова 2010: 7, 82, 252]. Однако следует отметить, что более поздние наслоения не смогли коренным образом изменить древнейшую мифологию башкир, унаследованную от их южноуральских предков.

Основными источниками для изучения башкирской мифологии являются фольклор, включающий кубаиры-эпосы, сказки, легенды, предания, песни и произведения малых жанров, обычаи и обряды, верования и ритуалы, археологические и языковые материалы, декоративно-прикладное искусство и танцы, письменные источники как общетюркского, так и собственного башкирского характера. Ценные сведения по башкирской мифологии содержатся в сочинениях и географических описаниях средневековых арабских и европейских авторов, отечественных и собственно башкирских исследователей Южного Урала и его коренного населения — башкир [Хисамитдинова 2011: 5—20].

Богатая источниковая база позволяет реконструировать древнейшие мифологические представления башкир. Наиболее древними из них являются представления о **первотворении земли** и ее «доделывании», т. е. **формировании ландшафта**, осушении вод мирового потопа и т. д. Так в легенде «Две утки, сотворившие остров» говорится о том, как две утки долго плавали, стараясь найти место, где можно было бы снести яйцо, но не смогли. Тогда они стали нырять и извлекать на поверхность воды комочки ила. На добытый ил утка-матка встряхнула свой пух и мягкие перья. Затем она свила из них гнездо, снесла в то гнездо яички и села на них выводить утят. Из яичек вылупились утята, позднее они сами стали лепить себе гнезда из ила и выводить утят. И стало тех гнезд так много, что образовался остров. Вскоре этого острова стало не хватать, поэтому разлетелись утки в другие места и начали лепить себе гнезда. Так образовалась земля [БХИ 1997: 36]. В данной легенде нашел отражение древнейший миф башкир о сотворении земли.

Миф о сотворении земли двумя утками, которые потом стали хозяевами и покровителями этой земли, очевидно, нашел отражение и в башкирской легенде «Югомаш-тау». Согласно легенде, гора Югомаш-тау

Хисамитдинова Фирдаус Гильмитдиновна, Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН; hisamitdinova@list.ru

была раньше очень высокой. На горе было озеро, на котором жили хозяева и покровители горы — утка и селезень. Однажды молодой охотник застрелил утку, вскоре от тоски погиб и селезень. После этого потемнело небо, прошла страшная гроза, исчезло горное озеро, а гора с того времени стала уходить в землю. Таким образом, гора — это суша, созданная двумя утками-демиургами; с уходом уток в иной мир гора также уходит под землю [БХИ 1997: 50].

Интересно отметить, что аналогичные мифы о сотворении земли из ила зафиксированы у тюрков Сибири, а также территориально близких к башкирам и Уралу финно-угорских народов (обские угры, марийцы, удмурты) [МНМ 1997, 2: 538—540, 563—568]. Если учесть, что у основной массы финно-угорских народов (финны, саамы, эстонцы и др.) существуют мифы о сотворении земли из яйца, то можно поставить вопрос об урало-алтайском происхождении мифа о двух утках-создателях земли.

В башкирском кубаире-эпосе «Урал-батыр» нашли отражение мифологические представления, связанные с «доделыванием» земли, формированием ландшафта Урала. В частности, в эпосе-кубаире «Урал-батыр» говорится о том, что из тела Урал-батыра возникли Уральские горы, из тел дивов и змей — гора Ямантау (в сказке «Урал-батыр» — горы Янгантау и Ямантау); четыре реки Южного Урала: Идель, Яик, Сакмар и Нугуш — прорублены сыновьями Урал-батыра. А в кубаире «Акбузат» пещера Шульган-Таш создана дивом Кахкахой как стойло для коня Акбузата, им же проложено подземное русло реки и озера Шульган [Урал-батыр 2005; Аҡбуҙат 2010].

Глубокие корни имеют мифологические представления башкир, связанные с **двумя братьями-демиургами**, **антагонистами**, создателями и повелителями двух миров. Так, например, в кубаирах: эпосах «Урал-батыр» и «Акбузат», а также сказке «Урал-батыр» — повествуется о братьях Шульгане и Урале, сыновьях первопредков башкир — старика Янбирде и старухи Янбике. Судя по кубаиру, братья, пройдя инициацию, становятся антагонистами: сторонником и повелителем добрых сил — Урал, злых и темных — Шульган. Они выступают и как демиурги. Урал создает горы и орошает влагой долины, его сыновья прорубают и прокладывают русла рек, его потомки выводят со дна озера коней и других животных, а жена Урал-батыра — девушка-лебедь Хумай — приводит на Урал птиц. Даже умирает Урал во имя сохранения и спасения земли и людей [Урал-батыр 2005; Аҡбуҙат 2010]. Таким образом, Урал, участвуя в создании среднего мира, предстает не только как создатель, но и как покровитель и повелитель срединного мира — мира людей. В отличие от него Шульган, старший сын первых людей на земле, выбирает иной путь — путь, который приводит его в стан дивов и змей. В результате Шульган становится предводителем и повелителем нижнего мира. Мифы о братьях — близнецах, демиургах и антагонистах — встречаются в мифологии многих народов и считаются наиболее древними [МНМ 1997, 1: 174—176].

Древнейшими являются и мифологические представления башкир о **мироздании**. Мир в башкирской мифологии состоит из **трех уровней**: верхнего, среднего и нижнего, — каждый из которых имеет своих обитателей. Так, например, по кубаиру-эпосу «Урал-батыр», в верхнем мире — небе — живут бессмертные небожители, а именно: бог неба и птиц *Самрау*, его жены — божества *Ҡояш* (Солнце) и *Ай* (Луна), дочери — девушка-лебедь *Хумай* и девушка-утка *Айхылыу*, их подруги-птицы, а также небесные кони *Акбузат* и *Харысай*. Судя по легендам, небесными являются также кони *Харат* и *Бузат*. Кроме фольклорных данных, об обитателе верхнего мира — божестве неба, являющемся главным божеством башкир, — говорится в записках Ибн-Фадлана, секретаря посольства арабов к волжским булгарам [Хисамитдинова 2011: 6].

Верхний мир, по представлениям башкир, является **семислойным**, ср.: *ете ҡат күк* ‘семислойное небо’ (букв. ‘семь слоев неба’), *күктең етенсе ҡатында* ‘на седьмом небе’ (букв. ‘на седьмом слое неба’), *ете ҡат күк өҫтө* ‘небесная высь’ (букв. ‘над семью слоями неба’) и др. По рассказам башкир, первый уровень неба состоит из зеленого изумруда, там ангелы ходят в человеческом облике. Второй уровень состоит из жемчуга, в нем ангелы ходят в облике лошади. Третий уровень неба рубиновый, ангелы в нем ходят в облике волка. Четвертый уровень состоит из серебра, ангелы в нем ходят в облике орла. Пятый уровень представлен из червонного золота, ангелы в нем ходят как гурии. Шестой уровень — яхонтовый, а ангелы — в облике мальчиков; седьмой — из света, и ангелы там — в облике человека [Хисамитдинова 2012: 82]. На седьмом небе находится рай, который сам состоит из семи слоев, ср.: *йәннәттең етенсе ҡаты* ‘седьмой уровень рая’; *Фирдәүес йәннәте — йәннәттең етенсе ҡатында*, *тиҙәр* ‘На седьмом уровне рая находится рай Фирдаус’ и т. д.

Довольно интересно представлен в башкирской мифологии **срединный мир** — земля. По кубаиру-эпосу «Урал-батыр», срединный мир был окружен водой с четырех сторон. Судя по легендам и сказкам, срединный мир, т. е. земля, стоит на быке. В этом мире живут первые люди Янбирде и Янбике с сыновьями Уралом и Шульганом, ставшими в последующем покровителями двух миров (которым они дали свои имена): Урал — срединного, Шульган — нижнего. Имя Урала стало названием не только Ураль-

ских гор, но и всего срединного мира (т. е. земли башкир), поэтому родина — Земля-Вода башкир — с тех пор стала называться Уралом.

Судя по легендам и преданиям, кубаирам и сказкам, в среднем мире, кроме божества *Ер-һыу* — Урала, живут *Тау тәңре* ‘божество горы’, *Урман тәңре* ‘божество леса’, *Ут тәңре* ‘божество огня’ и др., которые со временем стали называться духами-покровителями, духами-хозяевами. Также обитателями среднего мира были различные животные и птицы, которые в эпосе «Урал-батыр» были приглашены на совет первочеловеком Янбирде. Судя по легендам, наряду с другими животными, в среднем мире жили земные лошади, в том числе крылатые кони — *тулпары*.

Судя по легендам, срединный мир первоначально освещался двумя солнцами, которые мешали людям спать. Богатырю Уралу удалось сбить лишнее солнце, от которого на земле образовались Уральские горы, а на небе — луна [БХИ 1997: 37].

В трехъярусном мироздании башкир **нижний мир** обычно представляет собой подводное, подземное царство. В этом мире нет ни солнца, ни луны, поэтому там тускло и темно. Владыкой этого мира, по эпосу «Урал-батыр», является старший сын первочеловека — злобный Шульган, имя которого связано с водой (*шүл* / *һүл* ‘нижние воды’ и *гән* / *хан* ‘хан’). В эпосе «Заятуляк и Хыухылыу» есть описание царя нижнего мира: он появляется на черном коне, в черной одежде, с черным соколом на седле [БХҠИ 2010; МНМ 1997, 2: 536—540]. По эпосу «Акбузат», в нижнем (или подводном) мире живут водяной царь *Шульган*, его дочь (девушка и золотая утка *Нэркэс*), дивы во главе с двенадцатиголовым *Кахкаха*, змеи, особая порода лошадей, быки, коровы и овцы, а также мертвые. Судя по легендам, в нижнем мире живет и божество — дух смерти *Улем эйәһе*, который в записках Ибн-Фадлана представлен как одно из двенадцати божеств башкир; дух смерти *Улем* присутствует и в эпосе «Урал-батыр». С принятием ислама образ древнего божества смерти в башкирской мифологии совпал с Газраилом. Интересно сравнить обитателей нижнего мира из башкирской мифологии с обитателями нижнего мира древнетюркской мифологии: если в башкирской мифологии владыкой нижнего мира является *Шульган*, то в древнетюркских памятниках — бог *Эрглиг*, в древнеуйгурских — *Таму-Эрклиг-хан*, а в енисейских — *Эрклиг* и *Бюрт* ‘бог скорой смерти’ [БХҠИ 2010; МНМ 1997, 2: 536—540].

Нижний мир, как и верхний, является семислойным, ср.: *ете ҡат ер аҫтындағын күреү* букв. ‘видеть то, что находится под седьмым уровнем земли’, *ете ҡат ер аҫтындағы йылан көйшәгәнен белеү* букв. ‘знать то, что змея жует под седьмым слоем земли’. В отличие от верхнего мира характеристика слоев нижнего мира в башкирской мифологии практически отсутствует. Лишь в отдельных легендах и мифологических рассказах говорится о том, что в самом низу нижнего мира находится ад (*тамук*, *йәһәннәм*), который в свою очередь состоит из семи слоев, ср.: *йәһәннәмдең етенсе ҡатында* ‘на седьмом уровне ада’, *ата-инәһенә ҡул күтәргән кешеләр йәһәннәм төбөндә яна икән* ‘те, кто подняли руки на своих родителей, горят на самом низу, на дне ада’. Интересно отметить, что у алтайцев нижний мир состоит из девяти слоев, а в шорской и телеутской мифологиях подземный мир также рисуется многослойным [МНМ 1997, 2: 538—540; Функ 2005: 304, 309, 315].

По другим представлениям башкир, в подземном царстве живут умершие люди: они живут, как люди на земле, семьями, обычаями и со своим скотом. В нижний мир иногда попадают люди земли, оттуда их выносят могучие птицы нижнего мира или сильные мулы. В целом, в башкирской мифологии нижний мир в определенной степени похож на земной: в нем есть реки и горы, леса и озера, только нет солнца и луны. Аналогичные представления о нижнем мире содержатся в мифологии тюрков Южной Сибири и якутов. Следует добавить, что представления о подземном мире — мире, где живет Эрлик, — отмечены в памятниках древнетюркской письменности. Таким образом, представления башкир о нижнем мире, по-видимому, сложились довольно рано. Следует, однако, отметить, что в мифологии башкир повелителем нижнего мира является Шульган, а персонаж по имени Эрлик не зафиксирован.

Кроме вертикальной модели, в мифологии нашли отражение представления башкир о **горизонтальной модели мира**. Так, судя по мифологическому эпосу «Урал-батыр», земля с четырех сторон окружена водой: «В древнюю пору, давным-давно было, говорят, место одно, куда никто не ступал ногой. И на целом свете никто не знал, не ведал о суше той. С четырех сторон обступала это место морская вода. С незапамятных пор проживала там семейная чета — старик по имени Янбирде с Янбикою, старухой своей» [Урал-батыр 2005: 199]. В сказке «Урал-батыр» мир людей с четырех сторон окружен непроходимыми лесами. Как известно, в мифологии вода и лес являются атрибутами чужой, неосвоенной территории. Таким образом, в горизонтальном мироздании башкиры выделяют «свою», окруженную с четырех сторон, освоенную территорию и находящуюся за ним чужую, неосвоенную.

Освоенная территория для башкира — это родовая территория. Внутри родовой, освоенной территории башкиры выделяли четыре стороны света. В основе выделения сторон света у башкир, как и у других тюрков, лежит ориентация в сторону восходящего солнца, поэтому у башкир восток — это *ал* ‘пе-

ред’, запад — *арт* ‘зад’, юг — *уң* ‘правый’, север — *һул* ‘левый’. В семантическом плане *ал* ‘перед’ и *уң* ‘правый’ имеют положительную семантику — в отличие от *арт* ‘зад’ и *һул* ‘левый’, связанных с отрицательными, опасными явлениями. Ср.: *Алдан килгән урын өсөн* ‘Тот, кто пришел раньше, имеет возможность выбора’; *Уңға барһаң — уңырһың*, *һулға барһаң — туңырһың* ‘Пойдешь направо — повезет, пойдешь налево — плохо будет’; *Алдыңдан артың йәмле* ‘Уходи, не возвращайся!’; *Артыңа — көл* ‘Смерти тебе’ (букв. ‘Вслед тебе зола’) и т. д.

Как фольклорные, так и письменные источники позволяют реконструировать божества и персонажей низшей мифологии башкир. Ценнейшие сведения о пантеоне и культах содержатся в записках Ибн-Фадлана, секретаря посольства арабов к волжским булгарам. Именно в данной работе отражена первая попытка сбора, переосмысления и объяснения некоторых мифологических представлений башкир, связанных с двенадцатью божествами у одной группы и тотемистическими верованиями с поклонением животным и птицам у другой: «Кое-кто из них говорит, будто бы у него двенадцать господов: “у зимы господь, у дождя господь, у ветра господь, у деревьев господь, у людей господь, у лошадей господь, у воды господь, у ночи господь, у дня господь, у смерти господь, у земли господь, который на небе, самый большой из них. Однако он объединяется с теми в согласии, и каждый из них одобряет то, что делает его сотоварищ”. Наш господь превыше того, что говорят нечестивые, возвышенным величием». Далее Ибн-Фадлан продолжает: «Мы видели как ⟨одна⟩ группа из них поклоняется змеям, ⟨другая⟩ группа поклоняется рыбам, ⟨еще одна⟩ группа поклоняется журавлям. Мне сообщили, что они ⟨когда-то⟩ вели войну с ⟨какими-то⟩ людьми из числа своих врагов, причем они ⟨враги⟩ обратили их в бегство, и что журавли закричали позади них ⟨врагов⟩ так, что они испугались и сами обратились в бегство. Поэтому они ⟨эти башкиры⟩ стали поклоняться журавлям и говорить: “Эти ⟨журавли⟩ — наш господь, так как они обратили в бегство наших врагов”. За это они им и поклоняются» [Хисамитдинова 2011: 5—20].

Кроме записок Ибн-Фадлана, сведения о божествах содержатся в эпосе, легендах и других жанрах башкирского фольклора. Как уже говорилось выше, божествами верхнего мира являются *Самрау*, *Ай теңри*, *Кояш* (или *Кон теңри*), *Күк теңри*, *Йашен теңри*, *Хумай* (позднее — *Теңри*), *Ходай* и *Алла*. Божествами более низкого уровня, т. е. среднего мира, являются *Ер-Һыу тәңре* (Урал) ‘божество Земля-Вода’, *Тау тәңре* ‘божество горы’, *Урман тәңре* ‘божество леса’, *Ағас тәңре* ‘божество дерева’, *Ут тәңре* ‘божество огня’, *Кыш тәңре* ‘божество зимы’, *Йәй тәңре* ‘божество лета’, *Ямғыр тәңре* ‘божество дождя’, *Ел тәңре* ‘божество ветра’ и др. Божествами более низкого уровня, т. е. подземного (подводного) мира, являются *Шульган*, его дочь *Нэркэс*, царь подводного мира *Аслыкуль*, его дочь *Хыухылыу*, божество смерти *Улем* и др. Божество подземного мира *Эрклиг* у башкир не зафиксировано.

Интересно отметить, что в древнетюркской мифологии также есть сведения о божествах (*Ai tengri*, *Kün tengri*, *Jashin tengri* и др.) во главе с верховным божеством *Tengri* и его супругой — богиней *Umaj*. В мифологии южносибирских тюрков отмечены божества *Ульген* и *Умай*, духи *Мангдашира*, *Майтора*, *Шалйима* и *Япкара*, хозяин погоды *Уркер*, хозяин грома *Насигай* и др. В мифологии чувашей также есть сведения о божествах во главе с небесным богом — творцом *Султи-тура* [МНМ 1997, 2: 536—540].

Кроме персонажей высшей мифологии (божеств), источники позволяют реконструировать **низшую мифологию** башкир. К низшей мифологии относятся мифологические персонажи, не имеющие божественного статуса: к таковым относятся различные духи и демоны, мифологизированные животные, птицы и растения, некоторые мифологизированные люди. Персонажи низшей мифологии в основном представлены в легендах и преданиях, сказках и быличках — в отличие от божеств, которые обычно присутствуют в эпических произведениях фольклора башкир. Персонажи низшей мифологии живут рядом с людьми, они помогают или вредят людям, участвуют в обрядах и ритуалах башкир.

К персонажам низшей мифологии башкир относятся различные **духи-хозяева**, **духи-покровители**. В фольклорных произведениях башкир зафиксированы хозяева гор (*Тау эйәһе*) и рек (*Һыу эйәһе*), озер (*Күл эйәһе*) и леса (*Урман эйәһе* или *Шурале*), дома (*Өй эйәһе*) и бани (*Мунса эйәһе*), домашних животных (*Мал бабалары*, *Мал эйәһе*, *Мал хужаһы*) и др. Названия хозяев и покровителей тех или иных объектов окружающей действительности различаются по территориальным группам башкир, однако их функции в целом едины. В башкирской мифологии представлено множество названий этих духов, которые, наряду с *эйә* ‘дух, хозяин’, могли называться *ана* ‘мать’, *инә* ‘мать’, *әбей* ‘старуха’, *бабай* ‘старик’, *ата* ‘отец’, *батша* ‘царь’, *хужа* ‘хозяин’ и др. Ср.: *Һыу инәһе* ‘мать воды’, *Асылыкүл батшаһы* ‘царь Асылыкуля’, *Ут хужаһы* ‘дух огня’, *Һыу ана* ‘дух, мать воды’, *Сыу бабаҫы* ‘дух воды’ и др. В [Хисамитдинова 2010] было зафиксировано более ста названий духов-хозяев, покровителей тех или иных объектов окружающего мира. Названия многих духов-хозяев, духов-покровителей часто совпадают с названиями божеств; по-видимому, они сформировались в результате низведения древних божеств: *Ут тәңре* ‘божество огня’ — *Ут эйәһе* ‘дух огня’; *Тау тәңре* ‘божество горы’ — *Тау эйәһе* ‘дух горы’; *Урман тәңре* ‘божество леса’ — *Урман эйәһе* ‘дух леса’ и др.

Духи-хозяева, духи-покровители в огромном количестве представлены и в мифологии других тюркоязычных народов. В частности, в якутской мифологии зафиксированы хозяин огня *Аан Уххан*, хозяин всех водоемов *Едюгет Боотур*, хозяин четвероногих зверей *Курагааччи Сюрюк Куралай Бэргэн*, дух плодородия *Айыысыт Хаан*, дух деревьев и трав *Аан Алах-чын* и др. В алтайской мифологии представлены духи гор (*Туу ээзи*), духи воды (*Су ээзи*), духи огня (*От эне*) и др. [МНМ 1997, 2: 536—540].

О возникновении духов-хозяев у тюркских народов существует ряд легенд. Например, у алтайцев зафиксирована следующая легенда: «Эрлик, низвергнутый с неба, упал на Землю. Слуги Эрлика, как град и дождь, посыпались за ним и пали: иной в воду, и он стал *су ээзи* (водяной), другой — на камень и стал *таш ээзи* (хозяин камней), на гору — *туу ээзи* (горный), в лес — *агаш ээзи* (лесной), на дом — *уй ээзи* (домовой), на скот — *мал ээзи*, на ровную землю — *эр ээзи*, на зверей, рыб, птиц и на все живущее и существующее — тому хозяин стал» [Традиционное мировоззрение 1988: 87].

В тюркской мифологии духи-хозяева являются покровителями и хранителями различных объектов, местностей, природных стихий, помещений, предметов, дней и других временны́х отрезков. Например, у башкир покровителями и хранителями водных объектов были различные духи воды: *Һыу эйәһе* ‘дух воды’, *Һыу инәһе* ‘мать воды’, *Һыу ҡыҙы Һыуһылыу* ‘русалка’, *Күл эйәһе* ‘дух-хозяин озера’, *Шишмә эйәһе* ‘хозяин родника’ и др. Духи воды в мифологических рассказах и эпосе представлены как обитатели подводного мира, поэтому они соотносятся в основном с черным цветом. В частности, хозяин озера Аслыкуль предстает в черном одеянии, на луке его седла сидит черный сокол. В то же время в ряде мифологических легенд, рассказов и эпосов тюрков хозяева воды могут жить и в срединном мире, поэтому духи воды могут соотноситься и с другими цветами.

Существует множество легенд, в которых дочь хозяина воды выходит замуж за человека. Она предстает в образе красивой девушки, расчесывающей золотым гребнем свои длинные золотистые волосы; например, такую встречает в эпосе «Заятуляк и Хыухылыу» джигит Заятуляк. Золотой (рыжий) цвет в тюркской мифологии соотносится не только с потусторонним миром, но и со средним.

В тюркской мифологии духи воды могут выступать также источником блага, благополучия человека: они дают пищу, исцеляют от болезней, предупреждают о предстоящих бедах и несчастьях. Иногда дух-хозяин воды может рассердиться на человека. В этом случае он насылает наводнения, осушает колодцы и другие водоемы, может увлечь человека на дно, наслать болезни и т. д., поэтому у тюрков существует множество запретов и обрядов, связанных с водой. Так, например, хакасы устраивали общественные жертвоприношения хозяину или хозяйке воды [Традиционное мировоззрение 1988: 89—90]. Башкиры и татары у рек и других водоемов устраивали обряды вызывания дождя, во время которых приносили в жертву черного барана, обливались водой и бросали друг друга в воду. В эпосе-кубаире башкир «Урал-батыр» зафиксирован обряд человеческого жертвоприношения колодцу, в котором когда-то омывали будущего царя.

В тюркской мифологии духи-хозяева и их дочери могли вступить в брачные отношения с человеком, однако этот брак приводил к гибели как человека, так и духа. Например, в башкирском эпосе «Заятуляк и Хыухылыу» влюбленный юноша Заятуляк берет в жены любящую его дочь хозяина воды Хыухылыу. Но жизнь молодых ни на земле, ни под водой не складывается, и в результате они оба погибают, т. к., как уже говорилось выше, человек является представителем среднего мира, а дух-хозяин воды — подводного. Аналогичные представления отмечены у тюрков почти обо всех духах-хозяевах.

Кроме духов-хозяев, в мифологии башкир зафиксированы различные **демоны**. Наиболее распространенными образами у большинства территориальных групп башкир являются *Аждаһа* ‘аждаха, злой дух, дракон’, *Албаҫты* ‘албасты, злой дух, враг рожениц и новорожденных’, *Бисура* ‘злой дух в облике женщины, кикимора’, *Дейеү* ‘див, демон’, *Бапаҡ* ‘бука (злой дух, которым пугают детей)’ и др., называемые *яман заттар* ‘злые духи’. Кроме вышеназванных демонов, к данной группе также относятся различные духи болезней: *Арпа эйәһе* ‘дух ячменя’, *Бирән* ‘дух водянки’, *Сәсәк инәһе* ‘дух оспы’, *Етейән* ‘дух рахита’, *Ҡатыу эйәһе* ‘дух остеохондроза’, *Татран* ‘дух болезней уха’, *Бүҫер* ‘дух грыжи’ и др. Этот класс низшей мифологии огромен: так, например, в [Хисамитдинова 2010] зафиксировано около 180 названий духов болезней. Это связано с тем, что по территориальным группам башкир зафиксировано множество местных, диалектных названий **духов болезней**. В качестве примера можно привести синонимические наименования духа цинги: *Зәңге эйәһе*, *Зәңгелә*, *Зәмбәлә*, *Зәңге бабай*, *Зәңгелә әбей*, *Зәңкә*, *Зәңлә сире* и др. К демонам низшей мифологии у башкир можно также отнести таких злых духов, как *Бәлә* ‘беда’, *Ҡайғы* ‘горе’, *Сихыр* ‘колдовство’, *Нужа бабай* ‘дух нужды и бедности’, *Ҡарғыш* ‘проклятие’ и др.

По представлениям башкир, все демоны являются оборотнями: они могут принять облик красивой девушки и беззубой старухи, дряхлого старика и собаки, сороки и козы, и т. д. Например, демон Албасты, по рассказам башкир, появляется в облике женщины с длинными распущенными светлыми волоса-

ми и длинными грудями, которые она закидывает за спину. Иногда демон Албасты может принимать облик животных и отдельных неодушевленных предметов. Аналогичные демоны зафиксированы и в мифологии многих других народов.

К персонажам низшей мифологии относятся также тотемные духи-предки башкир как животного, так и растительного происхождения. В башкирской мифологии наиболее распространенными являются следующие **тотемные предки**: *айыу* ‘медведь’ (зафиксированный под названиями *Айыу абзый* ‘брат-медведь’, *Айыу апа* ‘дядя-медведь’, *Айыу ата* ‘отец-медведь’, *Айыу бабай* ‘дед-медведь’, *Айыу олатай* ‘дедушка-медведь’, *Айыу егет* ‘юноша-медведь’, *Айыу батыр* ‘медведь-богатырь’), *буре* ‘волк’ (*Буре егет* ‘волк-джигит’, *Буребай*, *Бурехан*, *Акбуре* ‘мифический белый волк’, а также *Йылтангүҙ* ‘волк’), *ат* ‘лошадь’ (*Ат эйәһе* ‘дух лошади’, а также *толпар*, *тулпар* ‘крылатый конь’, *тарпан* ‘дикая лошадь-пророк, покровитель’, *ак мал* ‘священные лошади’, *Акбуҙ* ‘мифический крылатый конь’, *Акбуҙат* ‘мифический крылатый конь, божество, покровитель’, *Акъял батыр* ‘лошадь-джигит’) и др.

Представления о тотемных предках башкир нашли отражение и в **родоплеменной этнонимии** и **атрибутике** башкир. В частности, в составе названий многих родоплеменных групп башкир обнаружены тотемистические наименования: *айыу һеңрәне* букв. ‘медвежьи сынгрянцы’ (название родоплеменного подразделения северо-восточных башкир), *бүре йәлдәк* (родоплеменное подразделение башкир племени «елдяк», *йәлдәк*), *буре тоҡомо* букв. ‘потомок волка’ (родовое подразделение башкир-усерганцев) и др.

В родоплеменной атрибутике башкир нашли отражение не только **духи-предки животного происхождения**, но и **растительного**. Так, тотемными предками племени *бурзян* являются дуб (*имән*) и коршун (*төйлөгән*), башкир-тамъянцев — тополь (*тирәк*) и ворон (*карға*), табынцев — лиственница (*карағас*) и большой подорлик (*карағош*), башкир-катайцев — можжевельник (*артыш*) и аист (*каузы*), племени «кыпчак» — вяз (*карама*) и орел (*бөркөт*), минцев — береза (*кайын*) и ястреб (*карсыға*), племени «юрматы» — ветла (*өйәңке*) и кречет (*этәлге*), башкир племени «усерган» — рябина (*миләш*) и журавль (*торна*), племени «гайна» — клен (*саған*) и удод (*һөҙһөт*). Интересно отметить, что родоплеменная атрибутика, включающая в себя, наряду с тамгой и боевым кличем-«ораном», названия священных тотемных предков, изучается и сохраняется многими представителями современного башкирского народа.

Подводя итоги, можно сказать, что вышеприведенный материал не исчерпывает всего содержания мифологических представлений башкир о мире. Нами отобраны и приведены только те мифологические представления, которые наиболее ярко раскрывают как отличительные черты, так и общие с мифологией других тюркских и нетюркских народов Урало-Поволжского региона.

Литература

Ахметьянов 1981 — *Ахметьянов Р. Г.* Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1981. {*Axmet'janov R. G.* Obščaja leksika duxovnoj kul′tury narodov Srednego Povolž′ja. M., 1981.}

Аҡбуҙат 2010 — Аҡбуҙат // Башҡорт халыҡ ҡобайыр-иртәктәре / Төҙ. *Нәҙершина Ф. А.* Өфө, 2010. С. 30—79. {Aḳbuẕat // Baškort xalyḳ ḳobajyr-irtäktäre / Ed. *Näzeršina F. A.* Öfö, 2010. P. 30—79.}

БХИ 1997 — Башҡорт халыҡ ижады: Риүәйәттәр, легендалар. Т. 2 / Төҙ. *Нәҙершина Ф. А.* Өфө, 1997. {Baškort xalyḳ ižady: Riüäjättär, legendalar. Vol. 2 / Ed. *Näzeršina F. A.* Öfö, 1997.}

БХҠИ 2010 — Башҡорт халыҡ ҡобайыр-иртәктәре / Төҙ. *Нәҙершина Ф. А.* Өфө, 2010. {Baškort xalyḳ ḳobajyr-irtäktäre / Ed. *Näzeršina F. A.* Öfö, 2010.}

Котов 2006 — *Котов В. Г.* Башкирский эпос «Урал-батыр»: Историко-мифологические основы. Уфа, 2006. {*Kotov V. G.* Baškirskij epos “Ural-batyr”: Istoriko-mifologičeskie osnovy. Ufa, 2006.}

МНМ 1997 — Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2-х тт. / Гл. ред. *Токарев С. А.* М., 1997. {Mify narodov mira: Enciklopedija. V 2-x tt. / Ed. *Tokarev S. A.* M., 1997.}

Овсянников 2009 — *Овсянников В. В.* Предисловие к 1-ому тому // История башкирского народа: В 7-ми тт. Т. 1 / Гл. ред. *Кульшарипов М. М.* М., 2009. С. 11. {*Ovs'annikov V. V.* Predislovie k 1-omu tomu // Istorija baškirskogo naroda: V 7-mi tt. Vol. 1 / Ed. *Kul'šaripov M. M.* M., 2009. P. 11.}

Традиционное мировоззрение 1988 — Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Пространство и время. Вещный мир / Отв. ред. *Гемуев И. Н.* Новосибирск, 1988. {Tradicionnoe mirovozzrenie t′urkov Južnoj Sibiri: Prostranstvo i vrem′a. Veščnyj mir / Ed. *Gemuev I. N.* Novosibirsk, 1988.}

Урал-батыр 2005 — Урал-батыр: Башҡорт халыҡ ҡобайыры Урал-батыр (= Башкирский народный эпос). Ural-batur: Bashkort Folk Epic. 2-е изд. / Вступ. ст., подгот. текстов *Надршиной Ф.* Уфа, 2005. {Ural-batyr: Baškort xalyḳ ḳobajyry Ural-batyr (= Baškirskij narodnyj epos). Ural-batur: Bashkort Folk Epic. 2nd ed. / Vstup. st., podgot. tekstov *Nadršinoj F.* Ufa, 2005.}

Функ 2005 — *Функ Д. А.* Миры шаманов и сказителей: Комплексные исследования телеутских и шорских материалов. М., 2005. {*Funk D. A.* Miry šamanov i skazitelej: Kompleksnye issledovanija teleutskix i šorskix materialov. M., 2005.}

Хисамитдинова 2010 — *Хисамитдинова Ф. Г.* Мифологический словарь башкирского языка. М., 2010. {*Xisamitdinova F. G.* Mifologičeskij slovarʹ baškirskogo jazyka. M., 2010.}

Хисамитдинова 2011 — *Хисамитдинова Ф. Г.* Словарь башкирской мифологии: В 3-х кн. Кн. 1. Уфа, 2011. {*Xisamitdinova F. G.* Slovarʹ baškirskoj mifologii: V 3-x kn. Kn. 1. Ufa, 2011.}

Хисамитдинова 2012 — *Хисамитдинова Ф. Г.* Словарь башкирской мифологии: В 3-х кн. Кн. 2. Уфа, 2012. {*Xisamitdinova F. G.* Slovarʹ baškirskoj mifologii: V 3-x kn. Kn. 2. Ufa, 2012.}

Юсупов 2012 — *Юсупов Р. М.* Антропологические типы башкирского народа // История башкирского народа: В 7-ми тт. Т. 2 / Гл. ред. *Кульшарипов М. М.* Уфа, 2012. С. 287—304. {*Jusupov R. M.* Antropologičeskie tipy baškirskogo naroda // Istorija baškirskogo naroda: V 7-mi tt. Vol. 2 / Ed. *Kulʹšaripov M. M.* Ufa, 2012. P. 287—304.}

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются основные мифологические представления башкир: о первотворении земли и формировании ландшафта, о двух братьях-демиургах (божествах-антагонистах), о вертикальной (три уровня мироздания) и горизонтальной (четыре стороны света) моделях мира. Также в статье уделяется внимание персонажам низшей мифологии башкир: образам духов-хозяев (духов-покровителей) и духов болезней, демонам и тотемным предкам башкир.

SUMMARY

The article considers the basic mythological concepts of the Bashkirs: about creation of the world and landscape formation, about the two brothers-demiurges (the deities-antagonists), about vertical (three levels of the universe) and horizontal (four cardinal directions) models of the world. The article also focuses on the characters of the Bashkir lowest mythology: the images of spirits-owners (patron-spirits) and spirits of diseases, demons and totemic ancestors of the Bashkirs.

Ключевые слова: башкиры, башкирский язык, мифология, вертикальная модель мира, горизонтальная модель мира, тотем, этнонимия

Keywords: the Bashkirs, the Bashkir language, mythology, vertical model of the world, horizontal model of the world, totem, ethnonymy

© 2014 ***И. В. Бродский***

Лексико-семантические модели сложных (составных) финно-пермских фитонимов, содержащие детерминант[1]

В финно-пермских языках (ветви финно-угорских языков, исключающей угорские языки) распространены общие для всех или части этих языков лексико-семантические модели сложных (или составных) названий растений. Многие из подобных моделей содержат детерминант — определитель класса объекта номинации; детерминант в этих финно-угорских фитонимах закономерно занимает последнее место. В данной работе наряду с фитонимами рассматриваются миконимы — названия грибов, которые в отношении их образования обнаруживают те же свойства, что и названия растений.

Мы не рассматриваем здесь те случаи, когда в качестве детерминанта выступает самостоятельное название растения. В данной работе рассматриваются только детерминанты двух видов: 1) названия народных ботанических таксонов (трава, куст, дерево, гриб, мох) и 2) названия морфологических частей растений (дудчатый стебель, цветок, лист, ягода, стручок, орех, корень, шляпка гриба). Общие лексико-семантические модели номинации растений, включающие в себя в качестве последнего компонента не детерминанты, а иные слова — названия конкретных растений или предметов, — более многочисленны и станут предметом последующего исследования.

Лексико-семантические модели сгруппированы нами по распространенности и на более низком иерархическом уровне — по детерминанту: вначале расположены названия таксонов, далее — названия частей растений (грибов). Детерминанты в пределах одного языка или в родственных языках могут быть синонимичными, например, когда в роли одного из последних компонентов сложного фитонима (миконима) выступает позднее заимствование: ср. фин. *koivu||tatti* ‘подберезовик’ и карел. *koivu||griba*, *koivu||sieni* ‘то же’.

Для финно-угорских и, в частности, финно-пермских языков характерно образование сложных (составных) фитонимов, что роднит их прежде всего с германскими и тюркскими языками. В других контактных языках (славянских и балтийских) резко преобладают простые по форме фитонимы. Во многих случаях финно-угорской композитной модели соответствуют простые бездетерминантные фитонимы русского или балтийских языков, и тогда мы приводим их в статье, например: фин. *tie||heinä* и рус. *дорожник*, *подорожник*; эст. *hapu||hein*, рус. *кислица* и лит. *rūgštynė*, *rūgštėlė*, *rūgštė*. Подобные соответствия указываются в данной работе, если они имеются.

По сути, сложный фитоним представляет собой словосочетание с подчинительной связью, при этом сочинительная связь в таких случаях вообще не встречается в прибалтийско-финских языках, а в других очень редка. В отношении написания таких названий растений финно-пермские языки разделяются на две группы: в одной сложные фитонимы практически всегда записываются слитно (прибалтийско-финские и саамские языки), в другой — чаще раздельно (остальные языки), хотя в связи с неустановленностью отдельных орфографических норм в последних повсеместно наблюдается разнобой в написании этих слов. В данной работе мы во всех случаях придерживаемся написания, принятого в источниках.

Саамские лексические данные привлекаются в настоящей статье в незначительной степени в силу двух причин: особых природно-климатических условий, в которых проживают саамы, что отражается на специфическом составе растений, имеющих народные названия, и заимствованности (или калькирования) многих фитонимов (в основном из финского языка).

Отметим, что идентичность модели номинации в ряде родственных языков совсем не означает ее генеалогически общего происхождения. Даже в языках, не находящихся в родстве между собой и распространенных в дистантных ареалах, наблюдается множество таких моделей, являющихся чуть ли не универсальными (например, названия мухоморов, мотивированные названиями мух). О трудностях, связанных с истолкованием общности моделей номинации, см., например, в [Попов 1957: 73]. Вероятность общего происхождения модели номинации выше в том случае, если хотя бы один из ее компонентов имеет в родственных языках генеалогически (этимологически) общее происхождение; соответственно,

[1] Данная статья подготовлена на средства гранта РГНФ №12-04-00279 «Взаимодействие родственных языков в полиэтническом пространстве».

Бродский Игорь Вадимович, Институт народов Севера Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург); kodima@mail.ru

вероятность такого происхождения выше тогда, когда все компоненты фитонима, созданного по этой модели, родственны между собой. В таком случае мы отмечаем общее происхождение модели номинации растения (подчеркиваем — именно **лексико-семантической модели**, а не конкретных названий растений).

Следует отметить, что лексемы-компоненты фитонима, соответствующего определенной общей модели, в родственных языках могут отличаться и иметь различное происхождение; это относится и к детерминантам, например: ср. фин. *kukka*, эст. *lill*, вепс. *änik* ‘цветок’. Появление этих отличий относится ко времени самостоятельного развития каждого языка в отдельности. Тем не менее, модель, в которую входят такие компоненты, с большой долей вероятности можно считать древней, существовавшей в предшествующей языковой общности, особенно, если в родственных языках такая модель относится к одним и тем же растениям: детерминант мог со временем замениться в языке.

Таким образом, в нашей работе констатируется наличие определенных моделей номинации сложных (составных) названий растений, функционирующих в ряде родственных языков. При этом осторожные выводы о совпадении моделей делаются лишь в отдельных случаях.

В работе над статьей мы использовали свыше 40 лексикографических источников; в список литературы вошли лишь те из них, на которые по какой-либо причине было необходимо сослаться в тексте. Во всех случаях сохраняется транскрипция оригинала; мордовские фитонимы в латинской транскрипции взяты из мордовского словаря Х. Паасонена [Paasonen 1990].

1. Наиболее распространенные модели: прибалтийско-финские, мордовские, марийский и пермские языки

1) **Модель ‘клопиная трава’** (‘трава ⟨от⟩ клопов’): фин. *lutikka*||*heinä*, *lutukka*||*heinä* ‘пастушья сумка’; карел. собств. *lutikka*||*heinä*, твер. *lut'ikka*||*hein'ä* ‘голокучник’, ‘погремок большой’, ‘ярутка полевая’; вепс. *ludęg*||*hein* ‘багульник’; эст. *lutik*||*hein*, *lutik*||*hain* ‘трясунка средняя’, *lutik(a)*||*rohi* ‘восковник болотный’, ‘трясунка средняя’, ‘ярутка полевая’; эрз. *кендял тикше* ‘клоповник’; мар. *умдыла*||*шудо* ‘донник’, ‘клоповник’; удм. *урбо*||*турын* ‘донник’, ‘клоповник’; к.-з. *лудік турун* ‘багульник’, ‘папоротник’; к.-п. *лудык*||*турун* ‘клоповник’.

При общности модели она относится к разным растениям, используемым как инсектицидные — для изгнания клопов из жилищ. Прибалтийско-финская модель, несомненно, является древней, как и общекоми модель.

Ср. также тат. *кандала үләне* ‘донник’, совпадающее по значению с марийским и удмуртским фитонимами; возможно, они являются кальками.

2) **Модель ‘белый цветок’** представлена следующим образом: фин. *valko*||*kukka* ‘нивяник’; карел. собств., твер. *valgie*||*kukka*, *valkee*||*kukka* ‘пушица болотная’, ‘кошачья лапка двудомная’; эст. *valge*||*lill*, *valge*||*lilli’*, *valged lilled*, *valged lillesed*, *valge*||*läll*, *valged lälled* ‘багульник болотный’, ‘ветреница дубравная’, ‘нивяник’, ‘поповник’, ‘пупавка полевая’, ‘ромашка непахучая’, ‘сердечник луговой’; мар. *ош*||*пеледыш* ‘ромашка белая’; удм. *тӧдьы сяська* ‘ромашка’; к.-п. *беля туту* ‘ромашка белая’.

Семантически близкая **модель ‘белая голова (верхушка)’** (с дополнительным детерминантом, ‘трава с белой верхушкой’) также получила значительное распространение: карел. собств. *valkee*||*pää* (||*heinä*) ‘пушица’, ‘тмин’; эрз. *ашо пря* ‘анис’, ‘клевер горный’, ‘ромашка’, ‘тысячелистник’, *ашо пŕа-ťикше* ‘ромашка белая’, ‘клевер горный’; мокш. *акша пря тише* ‘ромашка белая’; к.-з. *еджыд йыла турун* ‘нивяник’, ‘ромашка непахучая’, *еджыд юра турун* ‘пастушья сумка’.

Для прибалтийско-финских языков данная лексико-семантическая модель является общей. Общемордовское происхождение имеют эрз. *ашо пŕа-ťикше* и мокш. *акша пря тише* ‘ромашка белая’.

Ср. лит. *balt*||*galvė* ‘нивяник’. В русских говорах имеются следующие названия: *бело*||*цвет* ‘белозор’, ‘ветреница дубравная’, ‘ромашка непахучая’, ‘тысячелистник’; *бело*||*цветка* ‘бедренец-камнеломка’, ‘белозор’, ‘мелколепестник едкий’, ‘сердечник луговой’, ‘тысячелистник’; *бело*||*головник* ‘ромашка’.

3) **Модель ‘медвежья ягода’ (‘медвежьи ягоды’)**: фин. *karhun*||*marja* ‘водяника’, ‘вороний глаз’; вепс. *kon'd'jam*||*bol* ‘толокнянка’; эст. *karu*||*mari* ‘водяника’, ‘вороний глаз’, ‘ежевика сизая’, ‘куманика, ежевика несская’, ‘толокнянка’; вод. *karù*||*marjõ* ‘поленика’; лив. *oks mared* ‘Rauschbeeren, голубика’ [Kettunen 1938 (1999)]; мокш. *офта марькс* ‘шиповник’, ‘можжевельник’; мар. *маска*||*вӧчыж* ‘толокнянка’; удм. *гондыр*||*мульы* ‘толокнянка’.

Ср. рус. *медвежья ягода* ‘толокнянка’, *медвежьи ягоды* ‘паслен сладко-горький’. Словами со значением ‘медведь’ толокнянка мотивирована во многих языках Европы, например: немецком, английском, французском, чешском.

4) **Модель ‘белый гриб’** представлена следующим образом: фин. *valkea||sieni* ‘волнушка белая’, *valkea||tatti* ‘боровик’; карел. твер. *valgie||griba* ‘белый гриб’; вепс. *vouged||babuk* ‘белый гриб’; эрз. *ашо гриба* ‘подберезовик’, *ашо панго* ‘белый гриб’, ‘подгруздок’, ‘трюфель’, ‘шампиньон’, *белой гриба* ‘белый гриб’; мокш. *акша панга* ‘белый гриб’; мар. *ош||поҥго* ‘белый гриб’; удм. *тӧдьы губи* ‘белый гриб’; к.-з. *еджыд гоб* ‘белый гриб’; к.-п. *чочком гоб* ‘белый гриб’.

Вероятнее всего, что все эти названия являются независимыми друг от друга кальками русского миконима *белый гриб* ‘боровик’. Почти во всех случаях названия боровика, образованные по этой модели, не являются для перечисленных языков основными и наиболее распространенными.

5) **Модель ‘осиновый гриб’** представлена следующим образом: фин. *haapa||sieni* ‘рядовка, серушка’, *haapa||tatti* ‘подосиновик’; карел. твер. *huaba||griba* ‘подосиновик’; ижор. *haap||obokka* ‘подосиновик’, *haaba||seeni* ‘серушка’; эст. *haava||puravik* ‘подосиновик’, *haava||seen* ‘серушка’; вод. *aab||obahka* ‘подосиновик’, *aapa||siini* ‘подольшанка’; эрз. *пой гриба* ‘подосиновик’, *пой панго* (*poj-paŋgo*, *poj-pa·ŋgo*), *поень панго* ‘груздь белый’, ‘масленок’, ‘подберезовик’, ‘подосиновик’, ‘скрипица’, ‘сыроежка зеленая’; мокш. *пою панга* ‘подосиновик’; мар. *шопке||воҥго* ‘подосиновик’, *шопке||папка* ‘подосиновик’; удм. *пи||пу||губи* ‘подосиновик’.

Прибалтийско-финские миконимы восходят к общей праформе; кроме того, мордовские миконимы также восходят к общей форме.

Ср. тат. *усак гөмбәсе* ‘подосиновик’.

6) **Модель ‘березовый гриб’** представлена следующим образом: фин. *koivu||tatti* ‘подберезовик’; карел. твер. *koiv||gribu*, *koivu||griba*, люд. *koivun||griba* ‘подберезовик’, ‘трутовик березовый’, твер., ливв. *koivu||sieni*, ливв. *koivu||sien′*, люд. *koivoi||šien′* ‘скрипица’; ижор. *koivu||obokka* ‘подберезовик’; эст. *kase||seen* ‘подберезовик’; вод. *kahtši||obahka* ‘подберезовик’, *koivu||griba* ‘подберезовик’, *kahtši||siini* ‘волнушка’; лив. *ke’uvõ(š)||seen′*, *ke’iv||seen′*, *kiuš||seen′*, *küv||seen′* ‘подберезовик’; эрз. *килей грип* ‘подберезовик’, *килей гриба* ‘трутовик’, *ки́лej-paŋgo*, *ки́ле·j-paŋgo·*, *ки́лij-paŋga* ‘белянка’, ‘волнушка’, ‘подберезовик’; мокш. *келу панга* (*ке́lu-paŋga*) ‘белянка’, ‘волнушка’, ‘подберезовик’; мар. *куэ||воҥго* ‘белянка’, ‘волнушка’; удм. *кызь||пу||губи* ‘подберезовик’.

Сюда же относятся вепс. *koivištar′* и *koivuštar′* ‘подберезовик’, мотивированные словом *koivišt* ‘березняк’ (суффиксальным производным от *koiv* ‘береза’); сложные названия подберезовика, включающие детерминант, в вепсском языке отсутствуют. Данной модели близка мордовская модель ‘березовый трутовик’: эрз. *килей сей*, *килей сем* (*килей семе*) ‘трутовик’.

Эта распространенная модель является общей для прибалтийско-финских языков и отдельно — для мордовских языков (детерминант — эрз. *paŋga*, *paŋgo·*, мокш. *paŋga*).

Эта модель представлена также в неродственных контактных языках, например: нем. *Birken||pilz*, латыш. *berzu beka*. Названиями березы мотивированы и простые по форме миконимы, например: лит. *paberžis* ‘волнушка’, рус. *березовик*.

2. Модели, распространенные в прибалтийско-финских и пермских языках

1) **Модель ‘серебряная трава (серебро-трава)’** проявляется изолированно в эстонском и комизырянском языках: эст. *hõbe||hein* ‘двукисточник тростниковый’, ‘сеслерия голубая’; к.-з. *эзысь турун* ‘лапчатка серебристая’.

Ср. лит. *sidabra||žolė* ‘лапчатка серебристая’; рус. *серебряная трава* ‘василистник водосборолистный’.

2) **Модель ‘синяя трава’** представлена следующим образом: фин. *sini||heinä* ‘герань лесная’, ‘незабудка’; карел. собств. *sini||heinä* ‘клевер’, ‘василек’; эст. *sini||hein* ‘вероника лекарственная’, ‘пролесник многолетний’; к.-з. *лӧз турин* ‘василек’.

По-видимому, фитонимы прибалтийско-финских языков имеют общее происхождение.

3) **Модель ‘земляная (наземная) трава’**: фин. *maa||heinä* ‘овсяница красная’, ‘мятлик луговой’, *maan||nurmi* ‘горец птичий’; эст. *maa||hein*, *maa||hain* ‘истод горьковатый’, ‘мятлик луговой’, ‘овсяница’, ‘полевица’, *maa||rohi* ‘ястребинка волосистая’; вод. *maa||ein* (неидентифицированное растение); к.-з. *му выв турун* ‘сердечник луговой’.

Фитонимы прибалтийско-финских языков имеют общее происхождение.

4) **Модель ‘озерная трава’**: фин. *järvi||heinä* ‘рдест’, *järvi||ruoho*, *järven||ruoho* ‘тростник’; эст. *järve||hain* ‘рдест пронзеннолистный’; к.-з. *ты турун* ‘белокрыльник болотный’, ‘кувшинка’.

Данная модель относится к водным растениям, в основном растущим в непроточной воде.

5) **Модель ‘трава с колосом’** представлена следующим образом: фин. *tähkä||heinä* ‘тимофеевка’; удм. *шепо турын* ‘пырей’, *йыр||турын* ‘тимофеевка’; к.-з. *шепта турун* ‘лисохвост луговой’, ‘ежа сборная’, ‘душистый колосок’, *юра турун* ‘тимофеевка’.

За пределами пермских языков эта модель очень редка; удм. *шепо турын* и к.-з. *шепта турун* имеют общее древнее происхождение. Ср. также рус. *колосовая трава* ‘стальник’, ‘трясунка средняя’; кроме того, в русских говорах словом *колос* мотивированы простые по форме названия многих дикорастущих злаков (см., например, [Анненков 1878: 44, 64, 75, 131]).

6) **Модель ‘вонючая (сильно или плохо пахнущая) трава’**: фин. *haisu||heinä* ‘бор развесистый’, ‘душистый колосок’, ‘зубровка душистая’, *haisu||ruoho* ‘душистый колосок’; к.-з. *зын||турун* ‘багульник болотный’, *ис||турун* ‘багульник болотный’; к.-п. *зына||турун* ‘дурман’.

Фитонимы коми-зырянского и коми-пермяцкого языков имеют общекоми происхождение. Рус. *вонючка* и *вонюка* относятся к большому числу растений, имеющих выраженный запах.

7) **Модель ‘пчелиная трава’**: фин. *mehiläis||heinä* ‘гравилат речной’; эст. *mesilase||einä’* ‘гравилат речной’, *mesilaste||rohud* ‘донник белый’; удм. *муш||турын* ‘мелисса’, ‘мята’; к.-з. *мазі турун* ‘клевер’, *маля(муш) турин* ‘клевер’.

С одной стороны, финские и эстонские, с другой — пермские фитонимы, созданные по этой модели, имеют общее древнее происхождение. Ср. в русских говорах: *пчелиная трава* ‘мелисса’, ‘синяк русский, румянка’, а также *пчельник-трава*, относящееся к большому количеству травянистых растений.

8) **Модель ‘собачий дудник’** чрезвычайно распространена в прибалтийско-финских языках: фин. *koiran||putki*, ингерм. *koiran||putk(e)* ‘дудник’, ‘купырь лесной’; карел. собств., твер. *koiran||butki*, *koiram||butki*, *koiram||putki* ‘дудник’, ‘купырь лесной’; вепс. *koiran||but'k* ‘дудник’, ‘купырь лесной’, *koera||putk*, *koer||putk*, *koer||putke*, *koer||putkes*, *koer||putkjad*, *koer||putked*, *koera||putked*, *koera||putik* ‘бедренец-камнеломка’, ‘болиголов (омег) пятнистый’, ‘борщевик сибирский’, ‘василистник’, ‘вех ядовитый’, ‘жабрица порезниковая’, ‘кокорыш’, ‘купырь лесной’; вод. *koira||putkõ* ‘кокорыш, собачья петрушка’; лив. *pi’ŋ||put'kõz* ‘купырь лесной’; к.-з. *пон||пӧлян* ‘вех ядовитый, цикута’. Близкая модель — **‘дудник глупой собаки’**: эст. *hullu||koera||putk*, *hullu||koera||putked* ‘белена черная’.

Модель, несомненно, является общеприбалтийско-финской по происхождению. Чаще всего она относится к купырю лесному (съедобному растению), но может относиться и к ядовитым растениям — веху и болиголову. Модель имеется также и в коми-зырянском языке.

Ср. также латыш. *suŗ||stobri* ‘болиголов’, ‘вех’, букв. ‘собачья трубка (дудник)’. Из прибалтийско-финского источника калькирован русский фитоним *собачья пучка* ‘купырь’: *пучка* < фин. или карел. *putki*.

9) **Модель ‘желтый цветок’** представлена следующим образом: фин. *kelta||kukka*, *kelto||kukka*, *kelda||kukka*, *kiilto||kukka*, *kelta||kukkain*, *kelta||kukka(i)nen*, *kelta||kukkii*, *kelta||kukkia* ‘золотарник’, ‘календула’, ‘калужница болотная’, ‘кульбаба осенняя’, ‘купальница европейская’, ‘лютик’, ‘одуванчик’, ‘пупавка красильная’, ‘скерда кровельная’, ‘ястребинка’; карел. собств. *kelda||kukka* ‘лютик’, ‘кульбаба осенняя’; эст. *kollane lill*, *kollased lilled*, *kollased lälled* ‘ветреница лютичная’, ‘горчица полевая’, ‘лютик едкий’, ‘ноготки (календула) лекарственные’, ‘свербига восточная’; вод. *kõlta||kukka* ‘калужница’; эрз. *ожа твет* ‘лютик’, *ожо цеця* ‘лютик едкий’; удм. *ӵуж сяська* ‘пупавка’, ‘ромашка’; к.-п. *веж||цветки* ‘ромашка желтая’, *виж чвет* ‘ромашка желтая’.

Близкие модели: **‘трава с желтым цветком’** (мокш. *тюжя пря цеця* ‘одуванчик’), **‘желтая верхушка’** (мар. *тӱкы||вуй* ‘калужница болотная’) и **‘трава с желтой верхушкой (головкой)’** (эрз. *тюжа пря* (*тикше*) ‘лютик едкий’; мокш. *тюжя пря тише* ‘лютик ядовитый’, ‘сурепка’; к.-з. *виж йыла турун* ‘одуванчик’, *вижъ||юр турун* ‘девясил британский’, *виж юра турун* ‘соссюрея альпийская’, ‘гвоздика пышная’). Ср. также рус. *желто||головик* ‘одуванчик’.

Модель ‘желтый цветок’ функционирует и в других контактных языках, например: рус. *желто||цвет* ‘лютик’ (а также другие растения с ярко-желтыми цветками разных оттенков) [Анненков 1878: 10, 38, 39, 149]; тат. *сары чәчәк* ‘лютик’, ‘желтоцвет’, *сары тәтәй* ‘пупавка’, букв. ‘желтый цветок (желтая игрушка)’, *сары||баш* ‘лютик’, букв. ‘желтая голова (верхушка)’.

10) **Модель ‘синий цветок’** представлена следующим образом: фин. *sini||kukka*, *sini||kukkainen*, *sini||kukkain*, *sin'||kukka*, *sini||kukkai* ‘борец синий’, ‘василек синий’, ‘вероника весенняя’, ‘вероника дубравная’, ‘герань лесная’, ‘колокольчик сборный’, ‘незабудка’, ‘шлемник’; карел. собств. *sini||kukka*, *sin'||kukka* ‘василек’; эст. *sini||kann*, *sini||kannid* ‘фиалка пахучая’, ‘фиалка собачья’, *sini||lill*, *sini||lilli*, *sini||lilli’*, *sini||lilled*, *sini||lillid*, *sini||lillesed*, *sini||läll*, *sini||lillikas*, *sinine lill*, *sinised lillakad*, *sinised lillesed* ‘василек’, ‘вероника дубравная’, ‘ирис сибирский’, ‘незабудка болотная’, ‘первоцвет мучнистый’, ‘печеночница (перелеска)’, ‘фиалка пахучая’, ‘фиалка собачья’, ‘фиалка топяная’, *sini||õis*, *sinised õied*, *sinised öied* ‘василек’, ‘печеночница (перелеска)’, *sini||ninn*, *sini||ninni’* ‘василек’ (букв. ‘синий цветочек’); лив. *sin'n'i||put'kõz* ‘очанка’; удм. *лыз сяська* ‘василек’; к.-п. *вӧз||чача* ‘василек’, *вӧз||чветка* (*лӧз||чветка*) ‘василек’.

Близкие модели: **‘цветок с синей верхушкой’** (удм. *лыз||йыр||(сяська)* ‘василек’), **‘трава с синей верхушкой’** (к.-з. *лӧз юра турун* ‘герань лесная’, ‘вероника длиннолистная’), **‘синяя верхушка’** (мар.

канды||вуй ‘василек’) и **‘лазоревый цветок’** (эрз. *лазоревой тветка* ‘мальва’). Удмуртское и марийское названия василька можно сопоставить с тат. *күк||баш* ‘василек’, букв. ‘синяя голова (верхушка)’.

Эта модель весьма распространена в прибалтийско-финских и пермских языках, причем разнообразие детерминантов со значением ‘цветок’ в эстонском языке вызывает и особенное богатство ее проявления. Вряд ли возможно предположить, что прибалтийско-финские представители модели имеют общее историческое происхождение; возможна лишь связь карельского фитонима с финскими. Эта модель распространена и в славянских языках, например: рус. *синий цветок* ‘цикорий’, *сине||цветка*; болг. *сине||цвет* ‘василек’.

11) **Модель ‘синяя ягода’** представлена следующим образом: эст. *sinine mari* ‘вороний глаз’, ‘черника’; удм. *лыз||мульы* ‘голубика’; к.-п. *лӧзъ||ягӧд* (*вӧзъ||ягӧд*) ‘голубика’. С пермскими фитонимами можно сравнить тат. *күк җиләк* ‘голубика’ (букв. ‘синяя ягода’).

Модель, наблюдаемая в коми и удмуртском языках, является, очевидно, общепермской.

Против ожидания, эта модель редко относится к ягодам синего (темно-синего) цвета (голубика, черника, вороний глаз): цвет этих ягод чаще интерпретируется в народной фитонимии как черный (см. ниже).

12) **Модель ‘журавлиная ягода’** распространена в отношении клюквы не только в финно-пермских, но и в других языках, в т. ч. контактных (например, рус. *журавлика*, нем. *Kran||beere*): карел. собств. *kurem||marja*, ливв. *kurrem||mar'ju* ‘клюква’; лив. *kurg||mōŗa* ‘клюква’; к.-п. *тури||моль* ‘клюква’. К этой модели примыкают несколько других, в которых в качестве определяемого компонента выступают самостоятельные названия ягодных растений: **‘журавлиная клюква’** — карел. собств. *kurren||garbalo* ‘клюква’, к.-з. *тури||пув* ‘клюква’; **‘журавлиная брусника’** — к.-п. *тури||пул*, *тури||пув*, *тури||пу* (< *тури||пув*) ‘брусника’, ‘клюква’; **‘журавлиная малина’ —** удм. *тури||эмезь||(пу)* ‘ежевика’.

13) **Модель ‘древесный мох’**: эст. *puu||samal* ‘лишайник’; лив. *puu(š)||soomal* ‘лишайник мохнатый’; удм. *писпу||жӟуй* ‘лишайник’.

По-видимому, эта модель в прибалтийско-финских языках имеет общее происхождение. Ср. лит. *gerv||uogė* ‘ежевика’ (букв. ‘журавлиная ягода’) и рус. *журавлика* ‘клюква’.

14) **Модель ‘медвежий мох’**: фин. *karhun||sammal* ‘кукушкин лен’; ижор. *karhon||sammal*, *karun||samel* ‘кукушкин лен’; вепс. *kon'd'jan||samal* ‘кукушкин лен’, *kon'd'jan||so* ‘кукушкин лен’; вод. *karu||sammõl* ‘кукушкин лен’; лив. *okkš||šoomal* ‘кукушкин лен’; к.-з. *ош нитш* ‘кукушкин лен’.

Эта модель получила особенное распространение в прибалтийско-финских языках. Учитывая былые коми-прибалтийско-финские контакты, а также тот факт, что и прибалтийско-финские, и коми фитонимы относятся к одному и тому же мху, можно предположить, что коми *ош нитш* — калька вепсских названий.

Лив. *okkš* и коми *ош* родственны генеалогически. Ср. нем. *Bären||moos* ‘кукушкин лен’, калькой которого может быть ливский фитоним.

15) **Модель ‘олений мох’**: фин. *peuran||sammal*, *peuran||sammalia*, *peuran||samel* ‘вахта трехлистная’, ‘кладония’, *poron||sammal* ‘кладония’; удм. *пужей жӟуй* ‘лишайник’; к.-з. *кӧр||нитш* ‘кладония’; к.-п. *кӧр нитш* ‘кладония’.

Почти всегда эта модель относится к кладонии (ягелю) — любимой пище северного оленя. Ближайшая модель, также относящаяся к кладонии, — **‘лосиный мох’**: мар. *шорды||регенче* ‘ягель’.

16) **Модель ‘красный гриб’** представлена следующим образом: фин. *puna||tatti* (*punikki||tatti*) ‘подосиновик’; карел. твер. *ruškie||griba*, *ruskei||griba* ‘подосиновик’; вод. *kauniz||griba* ‘подосиновик’, *puna||siini* ‘сыроежка красная’; удм. *горд||губи* ‘подосиновик’; к.-з. *гӧрд гоб* ‘подосиновик’; к.-п. *гӧрд||гоб* (*гӧрд гоб*) ‘подосиновик’, *гӧрд||гриб* ‘подосиновик’. Близка ей **модель ‘гриб с красной верхушкой (шляпкой)’**: к.-з. *гӧрд юра гоб* ‘подосиновик’.

Скорее всего, во всех случаях присутствует калькирование русской модели. Тат. *кызыл гөмбә* ‘подосиновик’, по-видимому, также имеет русское происхождение.

17) **Модель ‘болотный гриб’** редка и проявляется в вепсском и коми-зырянском языках, в которых всегда относится к подберезовику (вероятнее всего, к его разновидности, предпочитающей сырые, болотистые места): вепс. *so||babuk* ‘подберезовик’; к.-з. *нюр выы тшак* ‘подберезовик болотный’.

18) **Модель ‘мохнатый гриб’**: ижор. *karva||sīni* (*karva||sę̄ni*) ‘волнушка’; удм. *гоно||губи* ‘волнушка’; к.-п. *гӧна||тшак* ‘волнушка’.

Во всех случаях модель относится к волнушке, шляпка которой на ощупь кажется ворсистой. Ср. семантически близкую финскую **модель ‘меховая сумка’**: *karva||laukku* ‘волнушка розовая’, ‘груздь желтый’.

19) Малораспространенная **модель ‘беличий гриб’**, по-видимому, основана на факте заготовки белками съедобных грибов на зиму: карел. твер. *orava||griba* ‘подосиновик’; удм. *коньы||губи* ‘рыжик’ (букв. ‘беличий гриб’).

20) **Модель ‘коровий гриб’**: фин. *lehmän||sieni* ‘боровик’, *lehmän||tatti* ‘боровик’, ‘козляк’, ‘подберезовик’; лив. *ni’em||päkkà* ‘подберезовик’; к.-з. *мöс||гоб* ‘боровик’, ‘подберезовик’, *мöс||тшак* ‘боровик’; к.-п. *мöс гоб* ‘боровик’, ‘подберезовик’, *мöс гриб* ‘боровик’, ‘коровяк’.

Заметна распространенность модели в коми языках: по-видимому, она имеет общекоми происхождение. По поводу общности модели для прибалтийско-финских языков невозможно сказать ничего определенного в связи с разнообразием детерминантов; во всяком случае, она присутствует в контактных языках: нем. *Kuh||pilz* ‘козляк’; латыш. *govju beka* ‘козляк’, ‘моховик болотный’; рус. *коровий гриб* ‘козляк’, ‘боровик’, *коровья печура* ‘моховик зеленый’. Рус. *коровяк* относится к целому ряду грибов (например, к боровику, колпаку), а также травянистым растениям.

21) **Модель ‘свиной гриб’**: карел. собств. *šiga||šien'i* ‘груздь черный’; вод. *sika||siini* ‘груздь черный’; удм. *парсь||губи* ‘свинуха’.

Удмуртское название, возможно, является калькой русского миконима: ср. рус. *свинуха* (лит. *kiaūlia||budė* ‘свинуха’ также мотивировано названием свиньи, в то время как нем. *Schwein||pilz* относится к подосиновику). В русских говорах зоосемизм *свинья* мотивирует и названия груздя, известно также *свиное ухо* ‘груздь черный’; ср. также рус. *свинуха*, *свинушка*, относящиеся не только к Paxillus, но и ко многим другим грибам.

В коми-зырянском и марийском языках есть общая **модель ‘свиной груздь’**, относящаяся в одном случае к свинухе, в другом случае — к желтому груздю; возможно, эти названия появились под русским влиянием.

3. Модели, распространенные в прибалтийско-финских, мордовских и пермских языках

1) **Модель ‘водяная трава’** (**‘вода||трава’** (1); ‘вода’ указывает на место произрастания) представлена следующим образом: фин. *vesi||heinä*, *ves'||heinä*, *ves||heenä*, *väsi||heinä* ‘водоросль вообще’, ‘звездчатка злаковая’, ‘звездчатка средняя’, ‘лютик ползучий’, ‘мятлик однолетний’, ‘рдест плавающий’, ‘торица полевая’, ‘традесканция’, ‘частуха подорожниковая’, ‘шелковник’, ‘ясколка костенцовая’, *vesi||ruoho* ‘болотник’, ‘звездчатка средняя’, ‘манжетка’, *ves'||yrtti* ‘вех ядовитый’; карел. собств. *vesi||heinä*, *vezi||heinä*, *veži||heinä*, карел. ливв. *vezi||heinä*, *vezi||heiny* ‘горец птичий’, ‘звездчатка злаковая’, ‘звездчатка средняя’, ‘мокрица’, карел. собств. *vesi||ruoho* ‘звездчатка средняя’; вепс. *vezi||hein* ‘осока’; эст. *vesi||hein*, *vesi||hain*, *vesi||ain*, *vesi||ein*, *vee||ein* ‘звездчатка средняя’, ‘манник плавающий’, ‘осока’, ‘элодея канадская’, *vesi||rohi*, *vesi||roho*, *vee||rohi*, *vee||rohud* ‘звездчатка средняя’, ‘лапчатка гусиная’, ‘лютик ползучий’, ‘манник наплывающий’, ‘манник плавающий’, ‘турча болотная’; вод. *vesi||roho* ‘водоросль’; эрз. *ведь тикше* ‘горец шероховатый’, ‘кувшинка’; к.-з. *ва турун* ‘водоросль’.

Данная модель является общей по крайней мере для прибалтийско-финских языков. Кроме указанных случаев, она почти повсеместно относится к водорослям, т. к. народная ботаника не подразумевает разделения растений на низшие и высшие. Эту модель следует отделять от формально идентичной модели ‘водяная трава’, в которой определяющая часть является носителем признака водянистости, сочности органов растения.

2) **Модель ‘речная трава’** представлена следующим образом: вепс. *jogi||hein* ‘вид травы, растущей на заливных лугах’; эст. *jõe||luht*, *jõe||luha* ‘осока’, ‘камыш озерный’; эрз. *лей тикше* ‘мать-и-мачеха’; к.-з. *ю турун* ‘рдест’.

3) **Модель ‘болотная трава’** представлена следующим образом: фин. *suo(n)||heinä* ‘лютик ползучий’, ‘осока береговая’, ‘осока сероватая’, ‘осока шаровидная’, ‘пушица альпийская’, ‘сабельник болотный’; карел. собств., твер. *šuo||heinä*, ливв. *suo||heinä*, *suo||heiny* ‘белоус торчащий’, ‘осока’, ‘пушица’; вепс. *so||hein* ‘осока’; эст. *soo||hein*, *soo||heinad*, *soo||ein* ‘осока узколистная’, ‘трясунка средняя’; эрз. *чей тикше* ‘золототысячник’, ‘рута пахучая’; удм. *нюр выл турын* ‘крупка моховидная, сибирская’; к.-з. *нюр турун* ‘пушица’; к.-п. *нюр||турун* ‘багульник’.

В прибалтийско-финских языках эта модель чаще относится к осокам, что может дополнительно свидетельствовать в пользу ее общности для этих языков; однако сама модель семантически широка и предполагает возможность номинации любого растения, растущего на болотах.

Эрз. *чей*, мокш. *шяй* имеют основные значения ‘осока’, ‘камыш’; ‘болото’, очевидно, является вторичным значением. Однако в составе данного выше фитонима, а также многих других сложных слов (словосочетаний) эрзянская основа *чей* употребляется именно в этом последнем значении (‘болото’).

Пермские фитонимы восходят к общепермской форме.

4) **Модель ‘горькая трава’** распространена следующим образом: эст. *kibe||ein*, *kibe||hein* ‘лютик едкий’, ‘молочай-солнцегляд’, *mõru||ein*, *mõru||hein*, *mõru||hain* ‘горец перечный’, ‘горец развесистый’,

‘качим пучковатый’, ‘рыжик бурачковый’, *viha||hein* ‘горец перечный’, *viha||rohi* ‘астра ивовая’, ‘горец перечный’; лив. *bittõr||aaina* ‘зверобой’; эрз. *чапамо тикше* ‘ярутка полевая’ (эрз. *šapam ťikše*, *šapam ťi·kšä*; мокш. *šapam ťišä*, *šapam ťišə* (?) ‘горчица’); удм. *курыд турун* ‘горчак’, *курыт||турын* ‘свербига восточная’, ‘сурепка’; к.-з. *курыд турун* ‘горчак’.

Эта модель особенно распространена в эстонском языке, причем там используются и синонимичные определения, и синонимичные детерминанты. Для мордовских языков она является общей, и пермские фитонимы восходят к общепермской форме.

Ср. рус. *горькая трава* ‘горец развесистый’, ‘горлюха ястребинковая’, ‘горчак розовый’, ‘зимолюбка зонтичная’, ‘зубровка’, ‘сердечник горький’.

5) **Модель ‘гусиная трава’** представлена в следующих языках: эст. *hane||rohi* ‘лапчатка гусиная’; эрз. *галань нар* ‘горец птичий’, удм. *ӟазэг||турын* ‘амарант, щирица’, ‘лапчатка’; к.-з. *дзодзöг турун* ‘ситник трехраздельный’.

Пермские фитонимы восходят к общепермской форме.

6) **Модель ‘медвежий дудник’** (или **‘медвежьи дудники’** в случае оформления фитонима формой множественного числа): фин. *karhun||putki* ‘дягиль’, ‘дудник’; ижор. *karhom||putki* ‘дягиль’; эст. *karu||putk*, *karu||putked*, *karu||putke*, *karu||putkes* ‘борщевик сибирский’; вод. *karu||pudgõd* (неидентифицированное растение); мокш. *офтонь почка* ‘тростник’; удм. *гондыр||гумы* ‘борец, аконит’ (?); к.-з., к.-п. *ош||гум* ‘реброплодник уральский’.

Прибалтийско-финские фитонимы имеют, очевидно, общее происхождение.

7) **Модель ‘водяной цветок’** представлена следующим образом: фин. *vesi||kukka* ‘частуха подорожниковая’, ‘калужница болотная’, ‘кубышка желтая’; ижор. *vezi||kukka* ‘кувшинка’; эст. *vesi||lill*, *vesi||lilled*, *vesi||lillid*, *vee||lill*, *vee||lilled* ‘калужница болотная’, ‘лютик водный’, ‘лютик жгучий’, ‘лютик ядовитый’, ‘незабудка болотная’, ‘селезеночник очереднолистный’, ‘сердечник горький’, ‘хохлатка плотная’, ‘частуха подорожниковая’; эрз. *ведь цеця* ‘кувшинка’; мокш. *вед||цеця* ‘лилия водяная’, ‘стрелолист’, ‘сусак зонтичный’, *ведень панчф* ‘ряска’; удм. *ву||сяська* ‘кувшинка’; к.-п. *ва||чача* ‘кувшинка’, ‘лилия водяная’.

Модель относится обычно к кувшинке и схожим с ней формой, цветом или местом произрастания растениям (кубышке, калужнице и т. д.).

Прибалтийско-финские фитонимы восходят к общей форме; мордовские названия также имеют общее происхождение. Пермские данные, скорее всего, восходят к общепермской форме.

8) **Модель ‘черная ягода’**: карел. собств. *must'oi||muarju*, *must'oi||marjaine* ‘черника’; эст. *must||mari* ‘вороний глаз’; вод. *muus marjõ* ‘черная смородина’; эрз. *ravǯ uma·ŕ* ‘черника’; удм. *сьӧд мульы* ‘паслен черный’.

Общеприбалтийско-финское название черники (например, ср. фин. *mustikka*, вепс. *mustik*) мотивировано *musta-* ‘черный’. Ср. также рус. *черника*, *черница*. К «черным ягодам» в народной фитонимии относятся синие и темно-синие: вороний глаз, черника и т. д.

9) **Модель ‘болотная ягода’**: фин. *suo||marja* ‘морошка’; эст. *soo||marja*, *soo||mari* ‘голубика’, ‘клюква’; эрз. *чей умарь* ‘клюква’, ‘ежеголовник ветвистый’; удм. *нюр||мульы||(пу)* ‘клюква’; к.-п. *нюр||моль* (*нюр||мӧль*) ‘клюква’.

Эта модель почти во всех случаях относится к одному и тому же растению — клюкве. Пермские названия клюквы могут иметь общее происхождение.

10) **Модель ‘собачья ягода’** представлена в следующих языках: фин. *koira(n)||marja||(рuu)* ‘крушина ольховидная’; карел. собств. *koiran||marja*, *koiram||marja*, ливв. *koiram||mar'ju* ‘водяника черная (вороника, шикша)’, ‘голубика’, ‘толокнянка’; ижор. *koiram||marja* ‘калина’; вепс. *koira||mar'g'äd* (*koiran||marjad*) ‘крушина’; эст. *koera||marjas* ‘вороний глаз’; вод. *koira||marja* ‘толокнянка’, *koira||marja||рuu* ‘крушина ольховидная’; эрз. *кискань умарь* ‘волчье лыко’, ‘жостер слабительный’; удм. *пуны||мульы* ‘волчеягодник’.

Близкие модели: **‘дерево собачьей ягоды’** (ижор. *koiram||marja||рū* ‘купырь лесной’; эст. *koera||marja||рuu* ‘калина’), **‘ягода глупой собаки’** (фин. ингерм. *hullu||koiran||marja* ‘крушина ольховидная’), **‘собачий ягодный куст’** (эрз. *kiska-umaŕ-ńetĺks* ‘шиповник’).

Ср. тат. *эт җиләге* ‘белладонна’, ‘паслен’ (букв. ‘собачья ягода’), однако связь этого фитонима с финно-угорскими неясна. В русском языке имеется *собачья ягода* со следующими значениями в европейской части России: ‘волчеягодник’, ‘крушина’, ‘паслен’.

Чаще всего названия, созданные по этой модели, относятся к несъедобным ягодам, внешне схожим со съедобными. Слова со значением ‘собака’ в составе сложных фитонимов маркируют несъедобность или ядовитость растений не только в финно-угорских, но и в других языках [Бродский 2011: 402].

11) **Модель ‘мышиный стручок’** распространена следующим образом: фин. ингерм. *hiiren||palko* ‘мышиный горошек’, ‘чина луговая’; карел. ливв. *hiiren||palgo* ‘мышиный горошек’; мокш. *шееронь куфтол* ‘мышиный горошек’; к.-з. *шыр||пуртöс* ‘мышиный горошек’.

12) **Модель ‘болотный мох’** представлена следующим образом: фин. *suo*||*rahka* ‘сфагнум’, *suo*||*sammal* ‘сфагнум’; карел. собств. *suo*||*sammal*, *šuo*||*šammal* ‘сфагнум’; эст. *soo*||*sammal* ‘плаун булавовидный’; вод. *soo*||*sammõl* ‘сфагнум’; эрз. *болотань нупонь* ‘сфагнум’; к.-п. *нюр нитш* ‘разновидность болотного мха’.

Прибалтийско-финские названия, очевидно, восходят к общему предку.

13) Модель ‘желтый гриб’ представлена следующим образом: фин. *kelta*||*sieni* ‘рыжик’; карел. собств. *kelda*||*kripa*, карел. ливв. *keldu*||*griba* ‘масленок’, карел. собств. *kelta*||*šieni*, *kelda*||*šieni*, *kelda*||*sieni*, карел. ливв. *keldu*||*sieni* ‘масленок’, ‘моховик’, ‘лисичка’; мокш. *тюжя панга* ‘рыжик’; удм. *ӟуж губи* ‘лисичка’.

Эта модель относится к самым разнообразным грибам. Ср. также: тат. *сары гөмбә* ‘желтяк (гриб)’ (букв. ‘желтый гриб’) и рус. *желтушка* относятся более чем к десяти грибам.

14) **Модель ‘синий гриб’** представлена следующим образом: фин. *sini*||*sieni* ‘паутинник фиолетовый’; мокш. *сенем панга* ‘сыроежка’; удм. *лыз*||*губи* ‘сыроежка’.

Модель редка, как редки и грибы со шляпками синего цвета: из съедобных грибов к ним относятся лишь сыроежки.

15) **Модель ‘пневый гриб’** (‘**гриб**〈, **растущий на**〉 **пне**’), напротив, очень распространена и относится к опенку: фин. *kanto*||*sieni* ‘опенок’; вепс. *kandon*||*sen′* ‘опенок’; эст. *kannu*||*seen* ‘опенок’; вод. *kanto*||*griba*, *kanto*||*obahka*, *kanto*||*siini* ‘опенок’; лив. *kannt*||*päkkaa* ‘опенок’; мокш. *пенёк панга* ‘опенок’; удм. *дӥял*||*губи* ‘опенок’, *лӥял*||*губи* ‘опенок’, *мырк*||*губи* ‘опенок’; к.-п. *мыр*||*дор*||*тшак* ‘опенок’.

Данная модель является общей для прибалтийско-финских языков [Бродский 2007: 38]; в других родственных языках она возникла независимо, возможно, в результате калькирования русских миконимов с перестройкой под финно-угорское морфологическое строение (определение + детерминант). Ср. рус. *опёнок*, *обабок*.

16) **Модель ‘собачий гриб’** представлена в следующих языках: карел. собств., ливв. *koiran*||*griba*, *koiran*||*sieni* ‘несъедобный гриб’; вепс. *koiran*||*sen′* ‘несъедобный гриб’; мокш. *пинень панга* ‘поганка бледная’; к.-з. *пон*||*тшак* ‘опенок’, ‘шампиньон’.

В русских говорах сочетаниями *собачья ягода* и *собачий гриб* называются соответственно несъедобные ягоды и поганки; ср. также лит. *šūn*||*grybis* ‘поганка’, латыш. *suņu*||*sēne* букв. ‘собачий гриб’. В прибалтийско-финских языках модель проявляется в вепсском языке и карельских наречиях, которые рано вступили в контакт с древнерусским языком, поэтому в данном случае возможно калькирование русского названия.

17) **Модель ‘гриб мухи’**: фин. *kärpäs*||*sieni* ‘мухомор’; карел. *kärbä*||*sieni* и др. ‘мухомор’; ижор. *kärpsen*||*griba*, *kärpäizen*||*obokka* ‘мухомор’; вепс. *kärbäs*||*sen′* ‘мухомор’; эст. *kärbse*||*seen* ‘мухомор’; вод. *tšärpeizè*||*obakk* ‘мухомор’; лив. *kärmi*||*seeŗ* ‘мухомор’; эрз. *карво панго* ‘мухомор’; мокш. *кару панга* ‘мухомор’. Близкая модель, которую возможно объединить с этой: удм. *кут кулон губи* ‘мухомор’; к.-з. *гут кулан тшак* ‘мухомор’; к.-п. *гут*||*кулан*||*тшак* (*гут*||*куан*||*тшак*, *гут*||*куван*||*тшак*) ‘мухомор’ (букв. ‘гриб смерти мухи’).

В основе модели лежат инсектицидные свойства мухомора, использовавшегося в этих целях в высушенном виде. С небольшими семантическими вариациями она присутствует практически во всех языках рассматриваемой ветви, но, кроме того, широко распространена и в неродственных, в т. ч. контактных языках: ср. рус. *мухо*||*мор*, лит. *mus*||*mirė*, англ. *fly*||*killer*, нем. *Fliegen*||*pilz*, тат. *чебен гөмбәсе* и т. д. Таким образом, эта модель является почти универсальной для огромного ареала.

Прибалтийско-финские фитонимы восходят к общеприбалтийско-финской форме, несмотря на наличие в некоторых из них детерминантов, являющихся поздними русскими заимствованиями. Как мордовские, так и пермские названия также имеют общее в рамках языковых ветвей древнее происхождение.

4. Модели, распространенные в прибалтийско-финских, марийском и пермских языках

1) **Модель ‘кислая трава’** распространена следующим образом: эст. *hapu*||*hein* ‘щавель’; мар. *шоп*||*шудо* ‘щавель’; удм. *чырс*||*турын* ‘щавель’; к.-з. *шома турун* ‘щавель’; к.-п. *шӧма*||*турун* ‘щавель’. Сюда же относятся вепс. *muiktad* ‘щавель’, мотивированное *muikta-* ‘кислый’, и эст. *hapukas* ‘щавель’, мотивированное *hapu-* ‘кислый’. Модель относится к растениям, имеющим выраженный кислый вкус.

В контактных языках имеются названия кислых растений, образованные сходным образом: ср. рус. *кислица*, *киселица*, *кисличка*, *кисленица*, *кислец*, относящиеся ко многим кислым на вкус растениям; лит. *rūgštynė*, *rūgštėlė*, *rūgštė* ‘щавель’, мотивированные словом *rūgštis* ‘кислота’. Русское название *щавель* родственно болг. *щава*, серб.-хорв. *штава* ‘кислота’ [Меркулова 1967: 72].

2) **Модель ‘пахучая трава’**: фин. *haju||heinä* ‘бор развесистый’, ‘душистый колосок’, ‘зубровка душистая’, ‘ромашка пахучая (безъязычковая)’, *haju||ruoho* ‘душистый колосок’, ‘зубровка душистая’; карел. собств. *haisu||heinä* ‘разновидность осоки’; мар. *пушан||шудо* ‘ромашка пахучая’, ‘мята’; к.-з. *дука турун* ‘лабазник вязолистный’, ‘пастушья сумка’; удм. *зын||турын* ‘донник’, ‘мята’, *зыно||турын* ‘ромашка’.

В татарском языке, контактном для марийского и удмуртского, эта модель обозначает чабрец и чабер (*исле үлән*). Ср. также: рус. *пахучая трава* ‘тысячелистник’ и простой по форме фитоним *пахучка*, относящийся к собственно пахучке обыкновенной, мяте и ясменнику пахучему; ср. рус. *вонюка*, *вонючка*, *душица*, *душница*, относящиеся к целому ряду сильно пахнущих растений.

Вероятнее всего, перечисленные названия сформировались в каждом языке отдельно.

3) **Модель ‘(при)дорожная трава’** (‘**трава**<, **растущая у**> **дороги**’): фин. *tie||heinä* ‘подорожник’; вепс. *dorog||hein* ‘подорожник’; эст. *tee||rohi* ‘подорожник’; мар. *ты шудо* ‘подорожник’; удм. *сюрес дур турын* ‘подорожник’, ‘цикорий дикий’; к.-п. *туй||дор||турун* ‘подорожник’.

Модель, функционирующая в удмуртском и коми языках, по-видимому, автохтонна и является общепермской. Прибалтийско-финские и марийский фитонимы, вероятнее всего, несамостоятельны и частично калькированы: ср. рус. *дорожник*, *дорожница*, *подорожник*, *придорожник*, *путник*, *путик*, *припутник* ‘подорожник’.

4) **Модель ‘чайная трава’** распространена следующим образом: фин. ингерм. *saju||heinä* ‘зверобой’; мар. *чай||шудо* ‘зверобой’; к.-з. *чай турун*, *тшай турун* ‘зверобой’. Ей семантически близка **модель ‘чайный цветок’**: фин. *tsaju||kukka* ‘зверобой’.

Во всех случаях эта модель номинации относится к зверобою — растению, которое заваривали для получения чайного напитка.

5) **Модель ‘овечья трава’**: фин. *lammas||heinä*, *lampaan||heinä* ‘бодяк полевой’, ‘короставник полевой’, ‘майник двулистный’; эст. *lamba||hein* ‘козелец приземистый’, ‘манжетка’; мар. *шорык||шудо* ‘очиток пурпуровый’; к.-з. *баля турун* ‘тимофеевка луговая’.

Названия относятся в основном к охотно поедаемым овцами растениям (во всех случаях разным). Рус. *овечья трава* относится к овсянице овечьей.

6) **Модель ‘волчья ягода’** (названия белладонны, бузины, волчеягодника, вороньего глаза, калины, смородины альпийской, толокнянки): фин. *suden||marja*; карел. *hukam||marja*, *hukan||mard'a*, *hukan||muarju*; ижор. *suem||marja*, *suzi||marja*; эст. *hundi||mari*, *hundi||marjad*; вод. *suð||marjð*; мар. *пиры||гичке*, *пиры||мӧр*; удм. *кион||нин*; к.-з. *кӧин вотыс*.

Слова со значением ‘волк’ мотивируют названия растений с несъедобными (и чаще ядовитыми) ягодами.

В данном случае применение модели имеет по крайней мере общепермское происхождение. Данная модель широко представлена и в неродственных (в т. ч. контактных) языках: ср. рус. *волчеягодник*, тат. *бүре җиләге*.

7) **Модель ‘масляный гриб’**: фин. *voi||sieni* ‘груздь’; карел. твер. *voi||griba*, *voi||tatti* ‘масленок’; вепс. *voi||sen'* ‘масленок’; мар. *ӱй||воҥго* ‘масленок’, ‘моховик’; удм. *вӧё||губи* ‘масленок’; к.-з. *выя гоб* ‘масленок’.

Ср. рус. *масленок*, *масленик*, *маслюк*, *маслуха* и др. ‘масленок’.

5. Модели, распространенные в прибалтийско-финских, мордовских и марийском языках

1) **Модель ‘желтая трава’** представлена в следующих языках: фин. *kelda||ruoho* ‘лютик жгучий’, ‘чистотел большой’; карел. собств. *kelta||heinä*, *kelda||heinä*, карел. ливв. *keldu||heiny* ‘кульбаба осенняя’, ‘лютик’, ‘одуванчик’; эст. *kollane hain* ‘пупавка красильная’; эрз. *ожа тикше* ‘сурепка’; мар. *тӱкы||шудо* ‘калужница болотная’.

Данная модель всегда относится к травянистым растениям с желтыми цветками.

Ср. рус. *желтая трава*, *желтоцвет*, *желтянка*, *желтяница*, *желтуха* ‘резеда’.

2) **Модель ‘шерстяная трава’**: фин. ингерм. *villa||heinä* ‘пушица’; эст. *vill||hein* ‘иван-чай’; мокш. *пона тишe* ‘полевица’; мар. *шар||шудо* ‘гречиха птичья’.

Сходны и модели номинации одуванчика в мокшанском и марийском языках: мокш. *пух пря тишe* — **модель ‘трава с пуховой головой (верхушкой)’**; мар. *пун||вуй||шудо* букв. ‘меховая голова (верхушка) трава’.

Ср. рус. *пуховая трава*, *пушки* ‘клевер полевой’, а также *пуховка*, *пушица*, относящиеся ко многим растениям.

3) **Модель ‘сосновый гриб’**: фин. *petäjä||sieni* ‘горькушка’, ‘свинуха’, ‘серушка’, *petäjä||tatti* ‘моховик’; эст. *männi||seen* ‘горькушка’, ‘сыроежка’; вод. *pihku||siini* ‘горькушка’; эрз. *пиче панго* (*ṕiče-paŋgo*)

‘рыжик’; мокш. *пичень панга* (*ṕičə̑-paŋga*, *ṕič-paŋga·*) ‘рыжик’; мар. *пӱнчы||вапка*, *пӱнчы||воҥго* ‘масленок’.

4) **Модель ‘лошадиный гриб’**: фин. *hepo||sieni* ‘сморчок’ (букв. ‘лошадиный гриб’), *hepo||tatti* ‘боровик, белый гриб’ (букв. ‘лошадиный гриб (трубчатый)’); эрз. *алашань панго* ‘свинуха’; мокш. *алаша панга* ‘свинуха’; мар. *имньы||воҥго* ‘свинуха’.

Эрзянский и мокшанский миконимы явно восходят к единой общемордовской форме.

Ср. рус. *конский гриб* ‘поганка серая’.

6. Модели, распространенные в прибалтийско-финских и марийском языках

1) **Модель ‘красная трава’** представлена следующим образом: фин. *puna||yrtti*, *punainen yrt(t)i* ‘амарант хвостатый (метельчатый)’, ‘лапчатка прямостоячая’, ‘маргаритка многолетняя’, *rusko||heinä* ‘воробейник полевой’, *rusko||ruoho* ‘горец земноводный’; карел. собств. *ruskee||heinä* ‘росянка’; эст. *puna||hein*, *puna||ein(a)*, *puna||hain*, *punane hein* ‘душица’, ‘зверобой продырявленный’, ‘пушица узколистная’, ‘тимьян ползучий’, *puna||rohi*, *punane rohi* ‘душица’, ‘зверобой продырявленный’, ‘пушица узколистная’, ‘синяк’; мар. *йошкар||шудо* ‘лисохвост’ (в марийском языке *йошкар* имеет также значение ‘рыжий’).

Эта модель относится к растениям, имеющим красные, красноватые, коричневые морфологические части. Сок зверобоя имеет красный цвет и используется в качестве природного косметического средства: ср. эст. *puna(d)* ‘румяна’.

2) **Модель ‘шелковая трава’**: фин. *silkki||heinä* ‘луговик дернистый, щучка’, *silkki||taina*, *silkki||taino* ‘камыш озерный’, ‘рогоз широколистный’; карел. собств. *silkki||heinä*, *solkki||heinä*, *sulku||heinä*, *šulku||heinijä*, *silkki||ruoho* ‘ежеголовник малый’; мар. *порсын||шудо* ‘повилика’.

Особенно широко эта модель представлена в финском языке и карельских наречиях, в которых она, конечно, имеет общее происхождение.

Ср. рус. *шелковая трава* ‘осока мохнатая’, ‘повилика’, ‘вид канареечника Phalaris arundinacea’.

3) **Модель ‘щетина-трава’**: фин. *harjas||heinä* ‘белоус’, ‘камыш дернистый’; мар. *шондаш||шудо* ‘плаун сплюснутый’, ‘баранец’, ‘ликоподий’.

4) **Модель ‘мышиная трава’** распространена следующим образом: фин. *hiiren||heinä* ‘осока’; карел. собств. *hiiren||heinä*, карел. ливв. *hiiren||heiny* ‘мышиный горошек’; вод. *īrè||roho* (неидентифицированное растение) букв. ‘мышиная трава’; мар. *коля||шудо* ‘овсяница луговая’, ‘подорожник’, ‘череда трехраздельная’.

Названия мыши обычно мотивируют названия миниатюрных растений или растений, имеющих маленькие морфологические части. По поводу мар. *коля||шудо* в значении ‘подорожник’ ср. мар. *коля||воч*, эст. *hiire||saba*, удм. *шыр||быж* ‘подорожник’ (букв. ‘мышиный хвост’): с хвостом мыши в этой модели сравнивается соцветие подорожника.

5) **Модель ‘полевой дудник’** представлена следующим образом: эст. *põld||putk* ‘пастернак’; мар. *мали||вуч* ‘пастернак’.

6) **Модель ‘ласточкин цветок’**: фин. *pääskyn||kukka*, *pääskysen||kukka*, *pääskusen||kukkai*, *pääskysen||kukkanen* ‘гвоздика-травянка’; эст. *pääsu||lill*, *pääsu||lilled*, *pääsü||lilli’*, *päsuk(e)se||lill*, *päsukese||lilled* ‘гвоздика-травянка’, ‘незабудка болотная’, ‘первоцвет мучнистый’, ‘печеночница благородная’; мар. *вараксим||пеледыш* ‘гвоздика-травянка’, (мар. Г *цӹгäк* ‘ласточка’ >) мар. Г *цӹгäк пеледыш* ‘гвоздика-травянка’ (букв. ‘ласточкин цветок’).

Редкий случай представляет совпадение объекта номинации (‘гвоздика-травянка’) в прибалтийско-финских и марийском языках. К сожалению, данная модель номинации растений не представлена в других ветвях финно-угорских языков, поэтому это совпадение следует считать случайностью. Финские и эстонские фитонимы могут иметь общее происхождение.

7. Модели, распространенные в прибалтийско-финских и мордовских языках

1) **Модель ‘водяная трава’ (‘вода||трава’** (2); ‘вода’ указывает на водянистость растения) представлена следующим образом: фин. *vesi||heinä* ‘звездчатка средняя, мокрица’; карел. твер. *vez'i||hein'ä* ‘звездчатка средняя, мокрица’; ижор. *vesi||roho* ‘звездчатка средняя, мокрица’; эст. *vesi||rohi* ‘звездчатка средняя, мокрица’; эрз. *ведь тикше* ‘звездчатка средняя, мокрица’.

Во всех случаях эта модель относится к звездчатке — растению, стебли которого накапливают влагу. Как уже указывалось выше, эту модель следует отличать от модели ‘водяная трава’ (1), где слова со значением ‘вода’ являются носителями признака места произрастания.

Прибалтийско-финские фитонимы, по-видимому, имеют общее древнее происхождение: помимо общности модели, они во всех случаях относятся к одному и тому же растению.

2) **Модель ‘медвежья трава’**: фин. *karhun||ruoho* ‘тофильдия маленькая’, ‘тофильдия болотная’; эст. *karu||hein*, *karu||ein*, *karu||haina* ‘коровяк’, ‘щавель курчавый’, *karu||rohi* ‘любисток’, ‘огуречная трава’; мокш. *офтонь тише* ‘зверобой’.

Ср. лит. *lok||žolė* ‘толокнянка’ и нем. *Bären||kraut* ‘толокнянка’ (букв. ‘медвежья трава’).

3) **Модель ‘свиная трава’**: фин. *sian||heinä*, *sika||heinä* ‘горец птичий’, ‘звездчатка средняя’, ‘зверобой’, ‘льнянка’, ‘осока’, *sian||nurmi* ‘горец шероховатый’, *sian||ruoho*, *sika||ruaho* ‘белозор болотный’, ‘горец шероховатый’, ‘звездчатка средняя’, ‘коровяк’, ‘череда трехраздельная’; карел. собств. *šiga||hein'ä* ‘багульник’; эст. *sea||hein*, *sea||ain* ‘бодяк огородный’, ‘осот полевой’, ‘пырей ползучий’, *sea||muru* ‘будра плющевидная’, *sea||rohi* ‘звездчатка средняя’, ‘лапчатка гусиная’, ‘льнянка’, ‘любисток лекарственный’, ‘марь белая’, ‘норичник шишковатый’, ‘подмаренник северный’, ‘пырей ползучий’, ‘спорыш’, *sea||tarn* ‘сеслерия голубая’; лив. *sigad||àina* ‘клевер темноцветный’; эрз. *туво||нар* ‘горец птичий’, ‘спорыш’, *тувонь тикше* ‘щирица запрокинутая’; мокш. *тувонь тише* ‘горец птичий’, ‘молочай’, ‘просвирник (мальва) приземистый’, ‘щирица запрокинутая или колосистая’, *тува нар* (*тувонь нар*) ‘горец птичий’, ‘просвирник (мальва)’.

Функционирование модели ограничено прибалтийско-финскими и мордовскими языками, при этом в качестве детерминантов используется целый ряд слов со значением ‘трава’. Наиболее часто эта модель относится к следующим растениям: горец, звездчатка (мокрица), льнянка, просвирник. Именно эти растения, а также пырей и щирица наиболее часто мотивируются названиями свиньи; во многих случаях это обусловлено пищевыми пристрастиями этого животного: например, щирица — одна из любимых трав свиней.

Ср. также нем. *Schweine||gras* ‘горец птичий’; модель активна и в русских говорах: *свиная трава* ‘горец птичий’, ‘лапчатка серебристая’, ‘пикульник’, ‘просвирник’.

4) **Модель ‘прибрежный цветок’** представлена следующим образом: фин. *ranta||kukka*, *ranta||kukkanen* ‘зюзник европейский’, ‘дербенник иволистный’, ‘калужница болотная’, ‘мытник болотный’; мокш. *ведь||грай панчф* ‘чистец болотный’.

5) **Модель ‘полевой цветок’**: фин. *pelto||kukka* ‘короставник полевой’, ‘фиалка трехцветная’; эст. *põllu||lill* ‘фиалка полевая’; эрз. *пакся цеця* ‘гвоздика-травянка’.

6) **Модель ‘ржаной цветок’**: фин. *ruis||kukka*, ингерм. *ruis'||kukka* ‘василек’; карел. ливв. *ruis||kukka*, *ruis||kukku*, *rukhin||kukka*, *rukihin||kukka* ‘василек’, ‘короставник полевой’; ижор. *ruis||kukko* ‘василек’; эст. *rukki||lill(ed)* ‘василек’; вод. *rüis||kukk*, *rüttšè||kukk* ‘василек’; эрз. *розь тветка* ‘василек’, ‘живокость полевая’ (сюда же *розь потмонь цеця* ‘василек’, ‘живокость полевая’, букв. ‘цветок внутри ⟨посевов⟩ ржи’); мокш. *розь панчф* (*розь||панчф*) ‘василек’ (сюда же вепс. *rugiž||bobaine* ‘василек’, букв. ‘ржаная игрушка’).

Данная модель номинации, относящаяся к васильку, — ‘ржаной цветок’ (т. е. ‘цветок, растущий в посевах ржи’) — широко распространена не только в прибалтийско-финских и мордовских, но и в контактных языках: ср., например, лит. *rugia||gėlė*, нем. *Roggen||blume* ‘василек’. Учитывая конфигурацию изоглоссы, мы предполагаем калькирование балтийского фитонима еще в эпоху активных прибалтийско-финских контактов [Бродский 2007: 39].

7) **Модель ‘бычий цветок’**: фин. *här(j)än||kukka*, *härkä||kukka* ‘коровяк’, ‘тысячелистник’; эст. *härja||lill(ed)* ‘гравилат речной’, ‘марьянник луговой’, ‘нивяник обыкновенный’; эрз. *букань цеця* ‘мать-и-мачеха’.

8) **Модель ‘пчелиный цветок’**: фин. *mehiläis||kukka*, *mehiläisen||kukka*, *mehiläisen||kukkai*, *mehiläisen||kukkanen* ‘гравилат речной’, ‘короставник полевой’, ‘мята полевая’, ‘подмаренник’, ‘черноголовка’, *mesiäis||kukka*, *mötiääsen||kukka* ‘гравилат речной’, *mettisen||kukka* ‘гравилат речной’; эст. *mesilase||lill*, *mesiliste||lill* ‘пикульник обыкновенный’, ‘тимьян ползучий’, ‘яснотка белая’, *mesilase||õis* ‘яснотка белая’ (букв. ‘пчелиный цветок’); мокш. *меш панчф* ‘лютик’.

Названия пчелы входят в состав названий тех растений, цветки которых часто посещаются пчелами. Ср. нем. *Bienen||kraut* ‘мелисса лекарственная’.

9) **Модель ‘(при)дорожный лист’** (‘**лист**⟨, **растущий у**⟩ **дороги**’) представлена следующим образом: фин. *tien||lehti* ‘подорожник’ (букв. ‘лист⟨, растущий у⟩ дороги’); карел. твер. *doroga||l'eht'i*, люд. *dorog(u)||leht*, *dorogu||lehted*, *dorogu||lehtid* ‘подорожник’, собств. *tie||lehti* ‘подорожник большой’; ижор. *tie||lehti* ‘подорожник’; эст. *tee||leht* ‘подорожник’; вод. *tee||lehto* ‘подорожник’; эрз. *ки лангонь лопа* ‘подорожник’; мокш. *ки лангонь лопа* ‘подорожник’.

Прибалтийско-финские представители этой модели, по-видимому, имеют общее древнее происхождение [Бродский 2007: 40]. Мордовские названия также восходят к общему предку.

Модели ‘(при)дорожная трава’ и ‘(при)дорожный лист’ близки, они различаются только детерминантами; практически во всех случаях обе они относятся к подорожнику. В первом случае внимание при номинации обращается на травянистый характер всего растения, во втором случае — на лист, имеющий

лекарственные свойства и оттого являющийся важнейшей для применения частью растения. В связи с этим обе модели в отношении происхождения можно не различать.

Данная модель (или близкие ей) широко распространена в различных языках и, как правило, повсюду относится к подорожнику (некоторые источники уточняют вид — Plantago major ‘подорожник большой’). Кроме рус. *подорожник*, *подорожница*, *попутник*, *придорожник*, *припутник*, *путничное листье*, *подорожный лопух*, относящихся не только к Plantago, но и ко многим другим растениям, растущим вдоль дорог, отметим проявления модели и в контактных индоевропейских языках — германских и балтийских, например: нем. *Wegblatt*, *Wegerich*, *Wegebreit*, *Wegetritt*; латыш. *ceļteka*, *ceļmallapa*. Основываясь на этих данных, мы предполагаем калькирование балтийского фитонима.

10) **Модель ‘лесной дудник’**: эст. *mets*||*putk* ‘двукисточник тростниковый’; мокш. *вирень почка* ‘борщевик сибирский’.

11) **Модель ‘мохнатый дудник’**: ижор. *karva*||*putki* (неидентифицированное дудчатое растение); мокш. *понав почка* ‘борщевик сибирский’.

12) **Модель ‘волчий дудник’**: фин. *hukan*||*putki* ‘кокорыш’; карел. собств. *hukam*||*butki*, *hukam*||*putki* ‘дудник лесной’; эст. *hundi*||*putk* ‘борщевик’; мокш. *врьгазонь почка* ‘белена черная’.

Модель относится к совершенно различным растениям. Финские и карельские названия имеют общее происхождение.

13) **Модель ‘коровий дудник (дудчатый стебель)’**: фин. *lehmän*||*putki* ‘сныть’; мокш. *тракс почка* ‘сныть’.

Эта модель редко встречается в пределах рассматриваемых языков, но относится к одному и тому же растению. Также ср. в русском языке название сныти — *коровник*.

14) **Модель ‘земляная ягода’** может относиться к двум различным растениям: землянике и картофелю. В первом случае определение указывает на расположение ягод у поверхности земли, во втором — на наличие корнеплодов («ягод») под землей, например: эрз. *мода*||*марь* (*moda-umaŕ*, *modama·ŕ*, *modamar*) или *mastor-umaŕ*, *masto·r-uma·ŕ*, *mastu·r-uma·r* ‘земляника’, ‘картофель’. Во всех прибалтийско-финских языках названия земляники мотивированы *maa-* ‘земля’, например: фин. *mansikka*, вепс. *manzikaine*.

Саам. норв. *eana*||*muorji*, *eanan*||*muorji*, по-видимому, является калькой норвежского названия земляники *jord*||*bær*.

15) **Модель ‘козья ягода’**: эст. *kits marri*, *kitse*||*marja*||*(puu)*, *kitse*||*marjad* ‘вороника’, ‘ежевика несская’, ‘крушина ольховидная’; мокш. *каза марькс* ‘шиповник’.

Ср. также саам. норв. *gáicca*||*muorji* ‘малина’ (букв. ‘козья ягода’), нем. *Bocks*||*beere* ‘черная смородина’.

16) **Модель ‘белый мох’** представлена следующим образом: фин. *valkia sammal*, *valko*||*sammal* ‘кладония’, ‘кукушкин лен’, ‘сфагнум’; ижор. *valkea*||*sammal* ‘лишайник’; вод. *valka*||*sammõl* ‘лишайник (вид ?)’; эрз. *ашо нупонь* ‘ягель’.

17) **Модель ‘водяной мох’** представлена следующим образом: фин. *vesi*||*rahka* ‘сфагнум’, *vesi*||*sammal*, *ves'*||*sammal*, *ves*||*sammalta* ‘болотник’, ‘сфагнум’, ‘хвостник’; эрз. *ведь*||*нупонь* ‘разновидность мха’; мокш. *ведь*||*нупонь* ‘разновидность водоросли, растущей в болотах и заводях, хорошо прикрепляющейся к грунту’.

Мордовские фитонимы имеют общее происхождение.

18) **Модель ‘ольховый гриб’** представлена следующим образом: фин. *leppä*||*sieni* ‘горькушка’, ‘рыжик’, ‘свинуха’; карел. твер. *leppä*||*šien'i* ‘горькушка’; вепс. *lep*||*sen'* ‘рыжик’; эст. *lepa*||*seen* ‘млечник тривиальный’; вод. *leppä*||*siini* ‘горькушка’, ‘млечник’; мокш. *лепе панга* ‘лисичка’. К этой же модели относятся вепс. *lepač* и *lepkeh* ‘рыжик’, мотивированные *lep* ‘ольха’.

Данная модель является общеприбалтийско-финской. Ср. лит. *alksnia*||*budė* ‘подольшанка’; наличие модели в балтийских языках может указывать на ее балтийское происхождение в прибалтийско-финских языках. Мокшанский миконим, по-видимому, образовался независимо.

19) **Модель ‘лягушачий гриб’** представлена в следующих языках: ижор. *konnan*||*griba* (неидентифицированный гриб); мокш. *ватракш панга* ‘поганка бледная’.

8. Модели, распространенные в прибалтийско-финских языках

1) **Модель ‘прибрежная трава’** (‘**трава**⟨, **растущая на**⟩ **берегу**’) представлена следующим образом: фин. *ranta*||*heinä*, *randa*||*heinä* ‘двукисточник тростниковидный’, ‘осока водяная’, ‘колосняк песчаный’, *ranta*||*yrtti*, *randa*||*yrtti* ‘вех ядовитый’, ‘зюзник европейский’; эст. *rand*||*ein* ‘болотница одночешуйная’, *rand*||*luha* ‘осока’.

2) **Модель ‘глиняная трава’** представлена в прибалтийско-финских языках: фин. *savi||heinä*, *sav||heinä*, *sav'||heenä*, *sav'||heinä* ‘лебеда’, ‘марь’, ‘очиток’, ‘щавель’, *savi||ruaho*, *savi||ruoho*, *savi||ruuho* ‘лебеда’, ‘марь’, ‘очиток’; карел. собств. *šavi||heinä*, карел. ливв. *savi||heiny* ‘лебеда’; ижор. *savi||heinä* ‘марь белая’; эст. *savi||hein*, *savi||ein*, *savi||einad*, *savi||einäd* ‘марь белая’, *savi||rohi* ‘лебеда’, ‘марь белая’; вод. *savi||einä* ‘лебеда’, *sav(v)i||roho* ‘бурачник’, ‘лебеда’, ‘марь белая’ (букв. ‘глиняная трава’), сюда же *savi||kukk* ‘лебеда’ (букв. ‘глиняный цветок’).

Модель является общеприбалтийско-финской. Названия, образованные по ней, относятся к растениям, предпочитающим произрастать на глинистых почвах. Предположения некоторых авторов (см., например, [Коппалева 2007]) о том, что в основе этой семантической модели лежит признак наличия серого, «глинистого» налета на листьях, по нашему мнению, неосновательно: такая внешность листьев присуща лишь части растений, мотивированных словами со значением ‘глина’.

3) **Модель ‘соленая трава’** распространена следующим образом: фин. *suola||heinä*, *suola||ruoho* ‘щавель’; карел. собств. *suola||heinä* ‘щавель’; ижор. *soola||heinä* ‘щавель’; вепс. *sol'||hiįn* ‘щавель’; эст. *soola||rohi* ‘солерос европейский’; мар. *шинчалан||шудо* ‘щавель’.

Данная модель мотивирована словами со значением ‘соль’; обычно это носитель признака ярко выраженного вкуса (см. выше), исключение — эст. *soola||rohi*. Почти все фитонимы, образованные по данной модели, относятся к щавелю.

4) **Модель ‘блошиная трава’** представлена следующим образом: фин. *kirppu||heinä* ‘клевер полевой’, ‘овсяница тростниковая’, ‘яснотка пурпурная’, ‘яснотка стеблеобъемлющая’; эст. *kirp||ain*, *kirp||hain*, *kirp||hein* ‘горец щавелелистный’, ‘горец перечный (водяной перец)’, ‘трясунка средняя’, ‘лютик едкий’, ‘ожика равнинная’; лив. *siezõr||àina* ‘гречиха развесистая’.

5) **Модель ‘собачья трава’** распространена следующим образом: фин. *koiran||heinä* ‘ежа сборная’; карел. собств. *koira||heinä*, *koiran||heinä*, *koiran||heiny* ‘голубика’, ‘щавель’, ‘вейник’; эст. *koera||rohi*, *koera||roht* ‘белена черная’, ‘бодяк болотный’, ‘двукисточник тростниковидный’, ‘ежа сборная’.

За пределами прибалтийско-финских языков эта модель в группе не встречается. Близок ей ряд моделей в эстонском языке: **‘трава глупой собаки’** (*hullu||koira||hein*, *hullu||koira||hain* ‘белена черная’; *hullu||koera||rohi*, *hullo||koira||roh(h)i*, *ullo||koera||rohhi* ‘белена черная’, ‘частуха подорожниковая’, ‘чернокорень лекарственный’), **‘трава бешеной собаки’** (*maru||koera||rohi*).

Ср. рус. *собачья трава* ‘таволга вязолистная’ (с пометой «Олон.» ⟨олонецкое⟩) [Анненков 1878: 340]. Модель присутствует и в литовском языке: *šuna||žolė* ‘ежа сборная’. В связи с совпадением модели в литовском и прибалтийско-финских языках, а также совпадением фитонимов, образованных по ней, мы предполагаем калькирование: балт. > приб.-фин.

6) **Модель ‘коровья трава’**: фин. *lehmän||heinä* ‘одуванчик’; эст. *lehma||rohi* ‘бодяк разнолистный’, ‘вороний глаз’, ‘петров крест’, ‘пустырник сердечный’, ‘чистотел большой’.

Данная модель является общей лишь для финского и эстонского языков, но относится к разным растениям. Она представлена и в контактных языках: ср. нем. *Kuh||kraut* ‘пролесник однолетний’, ‘тысячеголов пирамидальный’ (причины мотивации тут прямо противоположны: пролесник ядовит для коров и отравляет молоко, в то время как тысячеголов увеличивает количество молока); рус. *коровья трава* ‘рыжик’ (травянистое растение), ‘чистотел большой’, ‘купальница европейская’, ‘колокольчик жестковолосистый’.

Растения, названия которых образованы по этой модели, использовались для лечения домашних животных (чистотел, купальница, пустырник), как кормовое растение (рыжик), как молокогонное, пищевое и лекарственное растение одновременно (одуванчик).

7) **Модель ‘бычья трава’**: фин. *härkä||heinä*, *härkin||heinä*, *hörkkä||heinä* ‘горец шероховатый’, ‘коровяк’, ‘торица полевая’; эст. *härg||hein*, *härg||hain*, *härg||haina* ‘клевер ползучий’, ‘марьянник дубравный’, ‘марьянник луговой’, ‘погремок’, ‘черноголовка’.

Ср. нем. *Stier||kraut* ‘заразиха высокая’ (букв. ‘бычья трава’).

8) **Модель ‘змеиная трава’**: фин. *käärmeen||heinä* ‘пальчатокоренник’; эст. *ussi||hein*, *ussi||hain* ‘горец змеиный’, ‘пижма’, ‘седмичник европейский’.

Ср. лит. *gyvat||žolė* ‘горец змеиный’ (букв. ‘змеиная трава’).

9) **Модель ‘окуневая трава’** представлена следующим образом: фин. *ahven||heinä*, *ahven||heenä* ‘рдест’, ‘стрелолист’, ‘уруть’, ‘шелковник’, *ahven||ruoho*, *ahvenan||ruoho*, *ahvenen||ruoho*, *ahavenen||ruaho* ‘рдест’, ‘стрелолист’, ‘шелковник’; карел. собств. *ahven||heinä*, *ahven||ruoho* ‘рдест’, люд. *ahveę||hein* ‘лютик водяной’; вепс. *ahven||hiįn* ‘рдест’.

Модель относится в основном к рдесту; она присутствует в финском и вепсском языках, а также в карельских наречиях и, возможно, имеет в них общее происхождение. Названия окуня входят обычно в состав названий водных растений, около которых эту рыбу чаще замечают.

В отношении людиковского фитонима отметим, что нам кажется более вероятным наличие в “Lyydilaismurteiden sanakirja” [LS 1944] фактической ошибки: карел. люд. *ahveę||hein*, обнаруженное нами в этом лексикографическом источнике, также относится к рдесту.

10) **Модель ‘собачье дерево’**: карел. собств., ливв. *koiram||puu* ‘калина’; эст. *koera||puu* ‘калина’. Семантически близкая модель — **‘дерево глупой собаки’**: эст. *hullu||koera||pu* ‘белена черная’.

11) **Модель ‘красный цветок’**, относящаяся к растениям с красными или красноватыми цветками, соцветиями, представлена в двух прибалтийско-финских языках: фин. *puna||kukka*, *puna||kukkanen* ‘дербенник иволистный’, ‘лапчатка прямостоячая’, ‘мак’, ‘щавель кислый’; эст. *puna||lill*, *puna||lilled*, *punane lill* ‘герань Роберта’, ‘зверобой продырявленный’, ‘горицвет кукушкин’, ‘душица’, ‘куколь’, ‘максамосейка’, ‘первоцвет мучнистый’, ‘подмаренник северный’.

12) Модель с синонимичными детерминантами **‘черный цветок’** и **‘черная голова (верхушка)’** активна в финском языке и собственно карельском наречии: фин. *musta||kukka* ‘клевер темно-каштановый’, *musta||pää*, *musta||piä* ‘пушица’, ‘тимофеевка альпийская’, *musta||pää||luhta(n)||ruoho* ‘ежеголовник’, *musta||pään||ruoho* ‘марьянник дубравный’; карел. собств. *mušta||piä* ‘рогоз’, *musta||pää||heinä* ‘схенус ржавый’.

В вепсском языке в идентичной модели детерминант *pä* ‘голова’ относится к шляпке гриба (*must||pä* ‘подберезовик’); в водском языке по этой модели создано название головни (*mussa||pää*), ср. также фин. *noki||pää* и эст. *nõgi||pea* ‘головня’, где в качестве определительного компонента используется слово со значением ‘сажа’.

13) **Модель ‘болотный цветок’**: фин. *suo||kukka* ‘мытник болотный’, ‘пушица’; эст. *soo||lilled* ‘белозор болотный’, ‘пушица узколистная’; лив. *suo||kann'i* ‘пушица’.

Различия в детерминантах, которые, тем не менее, являются синонимичными, несущественны и легко заменяются в языках. Данная модель относится в основном к одному и тому же растению (пушица), что может говорить в пользу ее общего происхождения в прибалтийско-финских языках.

14) **Модель ‘речной цветок’** представлена следующим образом: фин. *joki||kukka*, *joki||kukkain*, *jok||kukkain* ‘калужница болотная’, ‘кубышка желтая’, ‘кувшинка’; эст. *jõe||kannid* ‘кувшинка’, *jõe||lill*, *jõe||lilled* ‘кубышка желтая’, ‘кувшинка’, ‘сусак зонтичный’.

15) **Модель ‘озерный цветок’**: фин. *järvi||kukka*, *järven||kukka* ‘кувшинка’; эст. *järve||lill* ‘кувшинка’.

По двум последним моделям образуются названия наиболее заметных растений реки и озера — кубышки, кувшинки; см. также более широкую семантически и более распространенную модель ‘водяной цветок’.

16) **Модель ‘снежный цветок’**: фин. *lumi||kukka* ‘ветреница’; эст. *lume||lill* ‘ветреница’, ‘печеночница (перелеска)’, ‘подснежник’.

Фитонимы, образованные по этой модели, являются результатом номинации по признаку времени цветения (ранняя весна), а не белой окраски цветков.

17) **Модель ‘мохнатый (меховой) цветок’**: фин. *karvas||kukka* ‘сердечник горький’; эст. *karva||lill* ‘прострел’.

18) **Модель ‘шерстяной цветок’ (‘шерстяная верхушка’)**: ижор. *villa||kukka* ‘одуванчик’, *villa||pää* ‘пушица’; эст. *vill||pea* ‘пушица’.

Волокна цветка пушицы похожи на длинный шерстяной покров; они используются в хозяйственных целях, например, ими набивают подушки.

19) **Модель ‘пахучий цветок’**: фин. *haju||kukka* ‘резеда душистая’; эст. *haisu||lill* ‘душица’, ‘мята полевая’.

20) **Модель ‘собачий цветок’**: фин. ингерм. *koiran||kukka* ‘поповник’; эст. *koera||lill* ‘белена черная’; лив. *pi’ŗ||liļļ* ‘сныть’, ‘гирча тминолистная’.

Близкие модели: **‘цветы глупой собаки’** (эст. *hullu||koera||õied* ‘белена черная’), **‘цветок глупой собаки’** (эст. *lolli||koera||lill* ‘паслен сладко-горький’).

21) **Модель ‘лошадиный цветок’**: фин. *hepo||kukka* ‘иван-чай, кипрей’, ингерм. *hevosen||kukka* ‘ятрышник’; эст. *hobuse||lill* ‘лютик едкий’ (букв. ‘лошадиный цветок’).

22) **Модель ‘свиной цветок’**: фин. *sian||kukka* ‘белозор болотный’, ‘кубышка желтая’, ‘норичник шишковатый’, ‘одуванчик’; эст. *sea||lill* ‘незабудка болотная’, *sea||pellik* ‘свербига восточная’, *sea||õitse(d)*, *sea||õied*, *sea||öis*, *sea||öitsed* ‘кульбаба осенняя’, ‘одуванчик’, ‘спорыш’.

23) **Модель ‘овечий цветок’**: фин. *lammas||kukka*, *lampaan||kukka* ‘короставник полевой’, ‘нивяник’, ‘ястребинка’; эст. *lamba||lill* ‘камнеломка зернистая’, ‘короставник полевой’.

В представленных выше моделях названия животных указывают на преимущественное поедание ими какого-либо растения.

24) **Модель ‘серебряный лист’ (‘серебро-лист’)** представлена следующим образом: фин. *hopea||lehti* ‘манжетка’; эст. *hõbe||leht* ‘бегония’, ‘двукисточник тростниковый’, ‘лунник оживающий’.

25) **Модель ‘земляной лист’**: карел. собств. *moa||lehti*, карел. ливв. *mua||lehti* ‘пельтигера пупырчатая’, ‘подорожник большой’; ижор. *maa||lehti* ‘подорожник’; эст. *maa||leht* ‘подорожник большой’; вод. *maa||lehto* ‘подорожник’.

Эта модель относится к приземистым растениям, листья которых находятся обычно у самой поверхности земли; наиболее распространенным из них является подорожник.

26) **Модель ‘полевая ягода’**: эст. *põld||mari*, *põld||marjad* (также *põld||marja||vääned*) ‘донник белый’, ‘ежевика’, ‘земляника зеленая’, ‘куманика’, ‘паслен черный’; вод. *põlto||marja* ‘поленика’.

Ср. рус. *поленика*; во всяком случае, водский фитоним может являться частичной калькой русского названия этой ягоды.

27) **Модель ‘ягода с косточкой’** представлена следующим образом (здесь же отметим суффиксальные производные от слов со значением ‘ягодная косточка’): вепс. *lunz'ik*, *lunz'ikäine* ‘костяника’; вод. *luu||marjõ* ‘костяника’; лив. *luu||mare* ‘костяника’.

Во всех случаях эта модель относится к костянике.

28) **Модель ‘медовая ягода’**: фин. *mesi||marja* ‘вишня’, ‘поленика’; ижор. *mezi||marja* ‘вишня’, ‘поленика’; эст. *mesi||marja* ‘вишня’; вод. *mesi||marja* ‘вишня’.

Вероятно, первоначально это название относилось к поленике, т. к. культура вишни в Прибалтику была привнесена поздно. Сама модель является общей для прибалтийско-финских языков.

29) **Модель ‘квашня-ягода’ (‘тесто-ягода’)** представлена следующим образом (возможны дополнительные детерминанты; здесь же помещаем фитонимы, являющиеся суффиксальными производными от слов со значением ‘квашня’): фин. *taikina||marja||(puu)* ‘боярышник’, ‘смородина альпийская’; эст. *taig||mari* (*taig||marja||puu*), *taig||marjad*, *taigna||mari*, *taigne||mari*, *taigen||mari* (*taigen||marja||puu*), *taigina||mari*, *taina||mari*, *taina||marjad*, *taik||marja||puu*, *taikna||marja||põõsas* ‘толокнянка’, ‘красная смородина’, ‘смородина альпийская’; сюда же фин. *taikinainen*, *taikinais*, *taikinaiset* ‘смородина альпийская’, эст. *taigne* ‘красная смородина’, ‘смородина альпийская’, *taitsigad*, *taitsikad*, *taitsikas*, *taitsika||põõsas* ‘смородина альпийская’, а также *taig||mori||lehed* ‘толокнянка’ (букв. ‘листья тесто-ягоды’).

В финском и эстонском языках функционируют также модели **‘тесто-дерево (квашня-дерево)’** (фин. *taikina||puu* ‘костяника’, ‘крушина’; эст. *taigen||puu*, *taina||puu*, *tainap* ‘смородина альпийская’) и **‘тесто-куст (квашня-куст)’** (фин. *taikinais||puska* ‘смородина альпийская’; эст. *taig||põõsas* ‘красная смородина’). В эстонском языке есть также схожие модели с дополнительными определениями: **‘сладкая тесто-ягода’** (*make||taigna||marja* ‘смородина альпийская’), **‘сладкий тесто-куст’** (*mageda||taigne||põõsas* ‘смородина альпийская’), **‘кислый тесто-куст’** (*apu||taigne||põõsas* ‘красная смородина’), **‘тесто-смородина’** (*taig||sõstar*, *taik||sõstar*, *taina||sõstar* ‘смородина альпийская’), **‘тесто-чашки’** (*taigin||tassid* ‘смородина альпийская’); сюда же эст. *leiva||marjad* ‘боярышник’ (букв. ‘хлебные ягоды’).

Данная модель относится к растениям, имеющим съедобные ягоды. Определение ‘квашня’ указывает на хозяйственное применение этих ягод, которые подмешивались в тесто.

30) **Модель ‘лошадиная ягода’**: фин. *hepo||marja*, *hevon||marja* ‘кизил шведский’, ‘роза сизая’, ‘черная смородина’, *hevosen||marja* ‘голубика’; карел. собств. *hebo||marja*, люд. *hebon||mard'a* ‘поленика’.

Названиями лошади мотивированы и другие названия поленики в карельском и вепсском языках. Ср. также лит. *arklia||uogė* ‘толокнянка’ (букв. ‘лошадиная ягода’).

31) **Модель ‘тетеревиная ягода’** представлена следующим образом: карел. твер. *t'edrin||mar'ja* ‘костяника’; эст. *tedre||mari*, *teddre||marri* ‘водяника черная (вороника, шикша)’, ‘ландыш майский’, ‘лапчатка прямостоящая’; вод. *tedrè||marjõd* ‘водяника черная (вороника, шикша)’.

32) **Модель ‘желтый корень’** представлена следующим образом: фин. *kelta||juuri* ‘чистотел большой’; эст. *kollane juur* ‘лапчатка прямостоячая’.

33) **Модель ‘водяной корень’**: карел. люд. *veži||d'uur'* (неидентифицированное водное (донное) растение); эст. *vesi||juurik* ‘вахта трехлистная’.

Эстонское название позволяет предположить, что и карельское имеет значение ‘вахта’, т. к. именно у этого водного растения есть заметное корневище.

34) **Модель ‘свиной корень’**: фин. *sian||juuri*, *siko||juuri* ‘горец живородящий’, ‘козелец’; эст. *sea||juur*, *sea||juured* ‘горичник болотный’, ‘козелец приземистый’, ‘одуванчик’, ‘хвощ полевой’.

35) **Модель ‘можжевеловый гриб’**: фин. *kataja||tatti* ‘гриб козляк’; вод. *kataga||siini* ‘груздь черный’.

36) **Модель ‘медовый гриб’** распространена следующим образом: фин. *mesi||sieni* ‘опенок’; лив. *mie't||seen'* ‘вид съедобного гриба (?)’.

37) **Модель ‘овечий гриб’**: фин. *lammas||seni*, *lampa(h)an||sieni* ‘краснушка’, ‘трутовик овечий Albatrellus ovinus’, *lammas||tatti*, *lampaan||tatti* ‘козляк’, ‘трутовик овечий Albatrellus ovinus’; ижор. *lampahan||obokka*, *lampān||obokka*, *lampān||griba* ‘подберезовик’.

Ср. в русских говорах *овечка*, *овечник* ‘козляк’.

Трутовик овечий представляет собой редкий случай съедобного трутовика, который охотно поедается овцами.

9. Модели, распространенные в мордовских, марийском и пермских языках

1) **Модель ‘кошачья трава’** представлена следующим образом: эрз. *katkań ťi·kšä*, *katkań ťikše* (неидентифицированное растение, ? ‘репешок’); мокш. *катонь тише* ‘мята полевая’; мар. *пырыс||шудо* ‘валериана лекарственная’; удм. *писэй||турын* ‘валериана’.

Обращает на себя внимание локализация модели в приволжском ареале, что может указывать на ее тюркское происхождение: ср. тат. *мәче үләне*, *песи үләне* ‘валериана’ (букв. ‘кошачья трава’).

Также ср. рус. *кошачья трава*, *кошкина трава* ‘клевер пашенный’, ‘котовник (мята кошачья)’, ‘скерда’. Русские названия относятся к другим растениям, нежели финно-угорские и тюркские.

2) **Модель ‘мыльная трава’ (‘мыло-трава’)**: эрз. *сапонь тикше* ‘мыльнянка’; мокш. *сапонь тише* ‘мыльнянка’; мар. *шовын||шудо* (мар. Г *шавынь||шуды*) ‘грыжник голый’; удм. *майтал||турын* ‘мыльнянка’; к.-п. *матег||турун* ‘мыльнянка’, сюда же *быга||турун* ‘мыльнянка’ (букв. ‘пенная трава’).

В прибалтийско-финских языках эта модель полностью отсутствует. Название мыльнянки в мордовских языках является общим, т. е. общемордовским. Коми-пермяцкий и удмуртский фитонимы также определенно восходят к одной форме. Таким образом, данная модель сама по себе является достаточно древней. Она (или близкая ей модель) имеется и во многих других языках, в т. ч. контактных: ср. рус. *мыльнянка*, *собачье мыло*, *полевое мыльце* ‘грыжник’; тат. *сабын үләне* ‘мыльнянка’.

3) **Модель ‘лягушачья трава’** представлена в следующих языках: мокш. *ватракш тише* ‘кислица’, ‘пастушья сумка’; мар. *ужава||шудо* (мар. Г *жава||шуды*) ‘горец перечный’, ‘перец водяной’; удм. *эбек||турын* ‘вахта’; к.-з. *лягӧй турун* ‘калужница болотная’, *лягуша турун* ‘белокрыльник болотный’.

Модель присутствует в пермских языках, языках волжско-камского региона. В связи с этим нельзя не обратить внимания на наличие идентичной модели в татарском языке: *бака үләне* ‘лебеда душистая’.

4) **Модель ‘зеленый гриб’**: эрз. *пиже панго* ‘зеленушка’; мокш. *пиже панга* ‘зеленушка’; мар. Л *ужар||вонго*, мар. Г *ыжар||вонгы* ‘сыроежка сине-зеленая’; к.-з. *веж тшак* ‘домовый гриб’.

Для мордовских языков модель является общей, древней.

В отличие от финно-пермских языков, в русском и балтийских языках миконимы образуются от основ со значением ‘зеленый’ суффиксацией: ср. рус. *зеленушка* и лит. *žaliuokė* ‘зеленушка’ (< *žalias* ‘зеленый’).

5) **Модель ‘черный гриб’** представлена следующим образом: эрз. *раужо панго* ‘груздь черный’; мокш. *равжа панга* ‘груздь черный’, ‘шампиньон’; мар. *шем||вонго* ‘чернушка; черный подгруздок’; к.-з. *сьӧд гоб* ‘боровик’; к.-п. *сьӧд||гриб* ‘подберезовик’.

Близкие модели: **‘черная шляпка’** (вепс. *must||pä* ‘подберезовик’), **‘черная верхняя сторона шляпки ⟨гриба⟩’** (мар. *шем||туп* ‘черный груздь’).

6) **Модель ‘дубовый гриб’**: эрз. *тумо грип* ‘дубовик’, *тумо панго* ‘дубовик’; мокш. *тумаа губа* ‘дубовик’, *тума панга* ‘дубовик’, ‘груздь черный’; мар. *тумы||вапка* ‘дубовик’, *тумы||вонго* ‘дубовик’; удм. *тыпи||губи* ‘дубовик’.

Возможно, модель является финно-пермской по происхождению, т. к. присутствует в мордовских, марийском и удмуртском языках, относясь почти во всех случаях к одному и тому же грибу. Среди детерминантов встречаются как исконные, так и заимствованные.

Ср. также тат. *имән гөмбәсе* ‘дубовик’ (букв. ‘дубовый гриб’).

7) **Модель ‘мышиный гриб’**: мокш. *шеер панга* ‘опенок ложный’; мар. *коля||вонго* ‘поганка’; удм. *шыр||губи* ‘сыроежка’.

10. Модель, распространенная в марийском и пермских языках

Модель ‘вязовый гриб’ представлена в двух языках: мар. *шолы||вонго* ‘вязовик’, ‘трутовик чешуйчатый’, ‘пестрец’, ‘вешенка’; удм. *сир||губи* ‘вязовик’.

То, что в прибалтийско-финских языках названия вяза (а также, дуба, липы, ясеня) не входят в модели номинации грибов, естественно, т. к. эти деревья не характерны для прибалтийско-финского ареала.

11. Модель, распространенная в мордовских и пермских языках

Модель ‘земляной гриб’ представлена следующим образом: мокш. *мастор панга* ‘трюфель’, *mastə̂rń paŋgə̂* ‘груздь’; к.-з. *му||тшак* ‘боровик’; к.-п. *му||тшак* ‘груздь черный’. Для коми языков модель имеет общее происхождение.

12. Модели, распространенные в мордовских и марийском языках

Модели, распространенные в мордовских и марийском языках, относятся только к названиям грибов.

1) **Модель ‘липовый гриб’** представлена следующим образом: эрз. *лейкс панго* ‘груздь настоящий’, ‘волнушка’, *пекше панго* ‘груздь’; мокш. *ленгакс панга* ‘груздь белый’, *пяше панга* ‘подгруздок’, ‘белянка’; мар. *писты||воӈго* ‘моховик’.

Мордовские миконимы: эрз. *лейкс панго* и мокш. *ленгакс панга* — восходят к общемордовской форме. Эрз. *пекше панго*, мокш. *пяше панга*, мар. *писты||воӈго* также имеют общее происхождение.

2) **Модель ‘ясеневый гриб’** представлена следующим образом: эрз. *сиртень панго* ‘груздь’; мар. *шӧр||воӈго* (< *шӧрва||воӈго*) ‘млечник серо-розовый’.

О моделях, включающих определения со значениями ‘вяз’, ‘липа’, ‘ясень’, см. выше.

3) **Модель ‘весенний гриб’**: мокш. *тундань панга* ‘опенок весенний’, ‘сморчок’; мар. *шошы||воӈго* ‘вешенка’.

Возможно, марийский миконим — калька русского названия.

4) **Модель ‘горький гриб’** распространена следующим образом: эрз. *чапамо панго* ‘ложный груздь’; мар. *кочы воӈго* ‘горькушка’.

В этом случае также возможно калькирование рус. *горькушка* (*горькуха*, *горькуша*).

13. Модель, распространенная в мордовских языках

Нам известна одна модель номинации растений, проявившаяся только в мордовской народной фитонимии.

Эта **модель ‘водяной орех’** представлена следующим образом: эрз. *ӧвед-ӧеšче* (неидентифицированное съедобное водное растение) ‘вахта’ (?); мокш. *ведень пяште* (*ведь||бяште*), *ӧвед-ӧäšťа* (неидентифицированное съедобное водное растение) ‘вахта’ (?).

Фин. *vesi||pähkinä* ‘водяной орех (чилим)’ является не народным фитонимом, а конструктом (авторство — Элиас Леннрот).

Данная модель является общемордовской, хотя не исключена возможность того, что мордовские названия чилима калькированы с рус. *водяной орех*.

14. Модели, распространенные в пермских языках

1) **Модель ‘ладан-трава’**: к.-з. *ладан||турун* ‘валериана лекарственная, волжская’; к.-п. *ладан||турун* ‘валериана лекарственная’. Указанные фитонимы — кальки русских названий валерианы: ср. рус. *ладан*, *земляной ладан*, *лесной ладан* (с пометами «Вят.» ⟨вятское⟩, «Перм.» ⟨пермское⟩) [Анненков 1878: 372].

2) **Модель ‘вонючее, сильно пахнущее дерево’**: к.-з. *зына||пу* ‘бузина’; к.-п. *зына||пу* ‘бузина’. Это общекоми модель, не встречающаяся за пределами коми языков.

3) **Модель ‘водяной лист’** представлена в пермских языках и является для них общей по происхождению: удм. *ву||куар* ‘калужница’, ‘мать-и-мачеха’; к.-з. *ва||кор* ‘кувшинка’.

4) **Модель ‘кислый лист’** также представлена лишь в пермских языках и относится к одному растению: удм. *чырс||куар* ‘щавель’; к.-з. *шом||кор* ‘щавель’. По-видимому, эта модель также имеет общепермское происхождение.

Из нашего небольшого исследования можно сделать некоторые выводы. Еще раз подчеркнем, что выводы эти могут быть лишь весьма осторожными, т. к. совпадение модели номинации в родственных языках необязательно свидетельствует о ее древности и общности происхождения для этих языков. Кроме того, не секрет, что представленные в работе фитонимы по большей части не являются ни общенародными, ни даже зафиксированными в границах какого-либо диалекта: они имеют немногочисленные фиксации в отдельных населенных пунктах (см., например, в [СВЯ 1972; KKS; Paasonen 1990; Vilbaste 1993]).

Тем не менее, некоторые существенные явления могут быть отмечены. В первую очередь кажется необычным наличие большого количества моделей номинации сложных фитонимов, общих для прибалтийско-финских и пермских языков (чаще всего — прибалтийско-финских и коми языков); в фитонимии других родственных языков эти модели не представлены. Кроме того, существует значительное количество моделей, функционирующих в прибалтийско-финских, пермских и мордовских языках (оговоримся, что в подавляющем большинстве случаев соответствия имеются лишь в одном из мордовских языков — эрзянском).

Необычен и тот факт, что почти все рассмотренные модели, общие для прибалтийско-финских и мордовских языков, проявляются только в мокшанском языке, редко — в обоих мордовских языках, совсем редко — в одном эрзянском языке.

В то же время модели, общие для мордовских и пермских, марийского и пермских языков, единичны и относятся только к грибам. Исключительно мордовско-марийские модели также крайне малочисленны и все относятся к грибам. Вообще, оказывается, что моделей номинации, общих для мордовских и марийского языков (в т. ч. одновременно проявляющихся в других родственных языках), очень мало; подавляющее их большинство относится к грибам, а не к высшим растениям.

Большое количество общих прибалтийско-финских моделей номинации не вызывает удивления. В большинстве своем это модели древние, восходящие к общеприбалтийско-финской общности.

Подытоживая, отметим следующее: по общности моделей номинации сложных фитонимов и микронимов финно-пермские языки достаточно четко делятся на три группы — прибалтийско-финско-мордовскую, марийскую и пермскую. Мордовские языки показывают в таких моделях номинации выраженную несамостоятельность, большинство моделей имеет соответствия в прибалтийско-финских языках и иногда — в пермских.

Наиболее самостоятельной является система моделей номинации сложных фитонимов в марийском языке. В этом языке такие названия растений образуются чаще по моделям, отсутствующим в родственных языках (соответственно, в этой работе они не рассматривались).

Сокращения

Языки и диалекты

англ. — английский
балт. — балтийские
болг. — болгарский
вепс. — вепсский
вод. — водский
ижор. — ижорский
карел. — карельский
  ливв. — ливвиковское наречие
  люд. — людиковское наречие
  собств. — собственно-карельское наречие
    твер. — тверские говоры
коми
  к.-з. — коми-зырянский
  к.-п. — коми-пермяцкий
латыш. — латышский
лив. — ливский
лит. — литовский
мар. — марийский
  Г — горномарийский
  Л — луговой марийский
морд. — мордовские
  мокш. — мокшанский
  эрз. — эрзянский
нем. — немецкий
приб.-фин. — прибалтийско-финские
рус. — русский
саам. — саамские
  норв. — норвежско-саамский
серб.-хорв. — сербохорватский
тат. — татарский
удм. — удмуртский
фин. — финский
  ингерм. — ингерманландские говоры
эст. — эстонский

Литература

Анненков 1878 — *Анненков Н. И.* Ботанический словарь. СПб., 1878. {*Annenkov N. I.* Botaničeskij slovarʹ. SPb., 1878.}

Бродский 2007 — *Бродский И. В.* Названия растений в финно-угорских языках. СПб., 2007. {*Brodskij I. V.* Nazvanija rastenij v finno-ugorskix jazykax. SPb., 2007.}

Бродский 2011 — *Бродский И. В.* Названия собаки в составе финно-пермских фитонимов // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования — 2011. СПб., 2011. С. 402—417. {*Brodskij I. V.* Nazvanija sobaki v sostave finno-permskix fitonimov // Leksičeskij atlas russkix narodnyx govorov: Materialy i issledovanija — 2011. SPb., 2011. P. 402—417.}

Коппалева 2007 — *Коппалева Ю. Э.* Финская народная лексика флоры. Петрозаводск, 2007. {*Koppaleva Ju. E.* Finskaja narodnaja leksika flory. Petrozavodsk, 2007.}

Меркулова 1967 — *Меркулова В. А.* Очерки по русской народной номенклатуре растений. М., 1967. {*Merkulova V. A.* Očerki po russkoj narodnoj nomenklature rastenij. M., 1967.}

Попов 1957 — *Попов А. И.* Из истории лексики народов Восточной Европы. Л., 1957. {*Popov A. I.* Iz istorii leksiki narodov Vostočnoj Evropy. L., 1957.}

СВЯ 1972 — *Зайцева М. И.*, *Муллонен М. И.* Словарь вепсского языка. Л., 1972. {*Zajceva M. I.*, *Mullonen M. I.* Slovarʹ vepsskogo jazyka. L., 1972.}

Kettunen 1938 (1999) — *Kettunen L.* Livisches Wörterbuch mit grammatischer Einleitung. (= Lexica Societatis Fenno-Ugricae, V.) Helsinki, 1938 (reprint — 1999).

KKS — Karjalan kielen sanakirja. O. 1—6 / Toim. *Virtaranta P.* Helsinki, 1968—2005.

LS 1944 — Lyydilaismurteiden sanakirja / Ker. *Donner K.*, *Kalima J.*, *Kettunen L.*, *Kujola J.*, *Ojansuu H.*, *Pakarinen E.* Toim. *Kujola J.* Helsinki, 1944.

Paasonen 1990 — *Paasonen H.* Mordwinisches Worterbuch. Bd. I—V. Helsinki, 1990.

Vilbaste 1993 — *Vilbaste G.* Eesti taimenimetused. (= Emakeele Seltsi Toimetised, № 20 (67).) Tallinn, 1993.

РЕЗЮМЕ

В финно-пермских языках (ветви финно-угорских языков, исключающей угорские языки) распространены общие для всех или части этих языков лексико-семантические модели сложных названий растений, содержащие детерминант — определитель класса объекта номинации. В предлагаемой статье автор рассматривает такие модели, классифицируя их по наличию в отдельных ветвях финно-угорских языков. Если в контактных языках имеются идентичные или близкие модели, они также указываются. Как выясняется, необычно большое количество общих лексико-семантических моделей сложных названий растений имеется в прибалтийско-финских и пермских языках. С другой стороны, совпадающих моделей в финно-волжских языках очень немного, большинство их относится к грибам.

SUMMARY

In the Finno-Permic languages (the branch of the Finno-Ugric languages excluding the Ugric languages) common lexical-semantic models of composite phytonyms (names of plants) are found. Many of these models are common for all branches of the Finno-Permic languages or only for a part of them. Many of these models contain a determinant which points to the class of the nomination object. In the article the author examines such models, classifying them by existence in different branches of the Finno-Ugric languages. If there are identical or close models in contact languages, they are also specified. As it becomes clear, an unusually large number of the lexical-semantic models is common for the Baltic Finnic and Permic languages. On the other hand, in the Finno-Volgaic languages the common models are found very rarely; their majority applies to the names of mushrooms.

Ключевые слова: финно-угорские языки, лексика, фитонимия, названия растений, лексико-семантические модели, детерминант

Keywords: the Finno-Ugric languages, lexicon, phytonymy, names of plants, lexical-semantic models, determinant

© 2014 ***Ю. В. Норманская***

К вопросу о принципах реконструкции номинационных моделей (дискуссионная заметка)

В статье И. В. Бродского «Лексико-семантические модели сложных (составных) финно-пермских фитонимов, содержащие детерминант» собран чрезвычайно интересный и обширный (по 40 лексикографическим источникам) фактический материал по фитонимам в финно-пермских языках. Эти данные классифицированы по группам в зависимости от их представленности в отдельных современных языках. Сама по себе эта работа очень информативна и, без сомнения, будет активно использоваться будущими исследователями.

Однако И. В. Бродский не останавливается на достигнутом, а предлагает в каждом конкретном случае с помощью этимологического анализа выявить, какие из моделей номинации являются древними. И эта часть статьи, как нам представляется, выполнена не вполне систематично. В начале статьи И. В. Бродский эксплицитно приводит принципы реконструкции модели номинации на прауровень:

> «Отметим, что идентичность модели номинации в ряде родственных языков совсем не означает ее генеалогически общего происхождения. Даже в языках, не находящихся в родстве между собой и распространенных в дистантных ареалах, наблюдается множество таких моделей, являющихся чуть ли не универсальными (например, названия мухоморов, мотивированные названиями мух). 〈…〉 Вероятность общего происхождения модели номинации выше в том случае, если хотя бы один из ее компонентов имеет в родственных языках генеалогически (этимологически) общее происхождение; соответственно, вероятность такого происхождения выше тогда, когда все компоненты фитонима, созданного по этой модели, родственны между собой. В таком случае мы отмечаем общее происхождение модели номинации растения (подчеркиваем — именно **лексико-семантической модели**, а не конкретных названий растений).
>
> Следует отметить, что лексемы-компоненты фитонима, соответствующего определенной общей модели, в родственных языках могут отличаться и иметь различное происхождение; это относится и к детерминантам, например: ср. фин. *kukka*, эст. *lill*, вепс. *änik* ‘цветок’. Появление этих отличий относится ко времени самостоятельного развития каждого языка в отдельности. Тем не менее, модель, в которую входят такие компоненты, с большой долей вероятности можно считать древней, существовавшей в предшествующей языковой общности, особенно, если в родственных языках такая модель относится к одним и тем же растениям: детерминант мог со временем замениться в языке».

С этими рассуждениями нельзя не согласиться. Но, к сожалению, в тексте статьи, как нам кажется, единый подход оценки данных системно не проведен. Приведем примеры несистемного осмысления на материале прибалтийско-финских слов, собранных в статье.

Таблица 1

Иллюстрация несистемного осмысления слов, не все из которых являются этимологическими аналогами друг друга

названия этимологически **НЕ сводятся** в единую праформу, слова имеют близкое значение, модель признается	
древней	**инновационной**
отклонение от общей модели только в одном языке	
модель ‘белый цветок’: фин. *valko*||*kukka* ‘нивяник’; карел. собств., твер. *valgie*||*kukka*, *valkee*||*kukka* ‘пушица болотная’, ‘кошачья лапка двудомная’; эст. ***valge*||*lill***, ***valge*||*lilli’***, ***valged lilled***, ***valged lillesed***, ***valge*||*läll***, ***valged lälled***[1] ‘багульник болотный’, ‘ветреница дубравная’, ‘нивяник’, ‘поповник’, ‘пупавка полевая’, ‘ромашка непахучая’, ‘сердечник луговой’	**модель ‘желтый цветок’**: фин. *kelta*||*kukka*, *kelto*||*kukka*, *kelda*||*kukka*, *kiilto*||*kukka*, *kelta*||*kukkain*, *kelta*||*kukka(i)nen*, *kelta*||*kukkii*, *kelta*||*kukkia* ‘золотарник’, ‘календула’, ‘калужница болотная’, ‘кульбаба осенняя’, ‘купальница европейская’, ‘лютик’, ‘одуванчик’, ‘пупавка красильная’, ‘скерда кровельная’, ‘ястребинка’; карел. собств. *kelda*||*kukka* ‘лютик’, ‘кульбаба осенняя’; эст. ***kollane lill***, ***kollased***

[1] Полужирным шрифтом отмечены отклонения от общей модели.

Норманская Юлия Викторовна, Институт языкознания РАН (Москва); julianor@mail.ru

	lilled, ***kollased lälled*** ‘ветреница лютичная’, ‘горчица полевая’, ‘лютик едкий’, ‘ноготки (календула) лекарственные’, ‘свербига восточная’; вод. *kõlta*||*kukka* ‘калужница’
модель ‘водяной цветок’: фин. *vesi*||*kukka* ‘частуха подорожниковая’, ‘калужница болотная’, ‘кубышка желтая’; ижор. *vezi*||*kukka* ‘кувшинка’; эст. ***vesi*||*lill***, ***vesi*||*lilled***, ***vesi*||*lillid***, ***vee*||*lill***, ***vee*||*lilled*** ‘калужница болотная’, ‘лютик водный’, ‘лютик жгучий’, ‘лютик ядовитый’, ‘незабудка болотная’, ‘селезеночник очереднолистный’, ‘сердечник горький’, ‘хохлатка плотная’, ‘частуха подорожниковая’	**модель ‘ржаной цветок’**: фин. *ruis*||*kukka*, ингерм. *ruis'*||*kukka* ‘василек’; карел. ливв. *ruis*||*kukka*, *ruis*||*kukku*, *rukhin*||*kukka*, *rukihin*||*kukka* ‘василек’, ‘короставник полевой’; ижор. *ruis*||*kukko* ‘василек’; эст. ***rukki*||*lill(ed)*** ‘василек’; вод. *rüis*||*kukk*, *rüttšè*||*kukk* ‘василек’
модель ‘ласточкин цветок’: фин. *pääskyn*||*kukka*, *pääskysen*||*kukka*, *pääskusen*||*kukkai*, *pääskysen*||*kukkanen* ‘гвоздика-травянка’; эст. ***pääsu*||*lill***, ***pääsu*||*lilled***, ***pääsü*||*lilli’***, ***päsuk(e)se*||*lill***, ***päsukese*||*lilled*** ‘гвоздика-травянка’, ‘незабудка болотная’, ‘первоцвет мучнистый’, ‘печеночница благородная’	**модель ‘(при)дорожная трава’**: фин. *tie*||*heinä* ‘подорожник’; вепс. *dorog*||*hein* ‘подорожник’; эст. ***tee*||*rohi*** ‘подорожник’
модель ‘березовый гриб’: фин. ***koivu*||*tatti*** ‘подберезовик’; карел. твер. *koiv*||*gribu*, *koivu*||*griba*, люд. *koivun*||*griba* ‘подберезовик’, ‘трутовик березовый’, твер., ливв. *koivu*||*sieni*, ливв. *koivu*||*sien'*, люд. *koivoi*||*šien'* ‘скрипица’; ижор. *koivu*||*obokka* ‘подберезовик’; эст. *kase*||*seen* ‘подберезовик’; вод. *kahtši*||*obahka* ‘подберезовик’, *koivu*||*griba* ‘подберезовик’, *kahtši*||*siini* ‘волнушка’; лив. *ke'uvõ(š)*||*seen'*, *ke'iv*||*seen'*, *kiuš*||*seen'*, *küv*||*seen'* ‘подберезовик’	**модель ‘желтая трава’**: фин. ***kelda*||*ruoho*** ‘лютик жгучий’, ‘чистотел большой’; карел. собств. *kelta*||*heinä*, *kelda*||*heinä*, карел. ливв. *keldu*||*heiny* ‘кульбаба осенняя’, ‘лютик’, ‘одуванчик’; эст. *kollane hain* ‘пупавка красильная’
модель ‘пневый гриб’: фин. *kanto*||*sieni* ‘опенок’; вепс. *kandon*||*sen'* ‘опенок’; эст. *kannu*||*seen* ‘опенок’; вод. *kanto*||*griba*, *kanto*||*obahka*, *kanto*||*siini* ‘опенок’; лив. ***kannt*||*päkkaa*** ‘опенок’	**модель ‘масляный гриб’**: фин. *voi*||*sieni* ‘груздь’; карел. твер. ***voi*||*griba***, ***voi*||*tatti*** ‘масленок’; вепс. *voi*||*sen'* ‘масленок’
	модель ‘медвежья ягода’: фин. *karhun*||*marja* ‘водяника’, ‘вороний глаз’; вепс. ***kon'd'jam*||*bol*** ‘толокнянка’; эст. *karu*||*mari* ‘водяника’, ‘вороний глаз’, ‘ежевика сизая’, ‘куманика, ежевика несская’, ‘толокнянка’; вод. *karù*||*marjõ* ‘поленика’; лив. *oks mared* ‘Rauschbeeren, голубика’
отклонение от общей модели в двух языках	
модель ‘гриб мухи’: фин. *kärpäs*||*sieni* ‘мухомор’; карел. *kärbä*||*sieni* и др. ‘мухомор’; ижор. ***kärpsen*||*griba***, ***kärpäizen*||*obokka*** ‘мухомор’; вепс. *kärbäs*||*sen'* ‘мухомор’; эст. *kärbse*||*seen* ‘мухомор’; вод. ***tšärpeizè*||*obakk*** ‘мухомор’; лив. *kärmi*||*seeŋ* ‘мухомор’	**модель ‘белый гриб’**: фин. *valkea*||*sieni* ‘волнушка белая’, *valkea*||*tatti* ‘боровик’; карел. твер. ***valgie*||*griba*** ‘белый гриб’; вепс. ***vouged*||*babuk*** ‘белый гриб’
модель ‘водяная трава’: фин. *vesi*||*heinä* ‘звездчатка средняя, мокрица’; карел. твер. *vez'i*||*hein'ä* ‘звездчатка средняя, мокрица’; ижор. ***vesi*||*roho*** ‘звездчатка средняя, мокрица’; эст. ***vesi*||*rohi*** ‘звездчатка средняя, мокрица’	**модель ‘синий цветок’**: фин. *sini*||*kukka*, *sini*||*kukkainen*, *sini*||*kukkain*, *sin'*||*kukka*, *sini*||*kukkai* ‘борец синий’, ‘василек синий’, ‘вероника весенняя’, ‘вероника дубравная’, ‘герань лесная’, ‘колокольчик сборный’, ‘незабудка’, ‘шлемник’; карел. собств. *sini*||*kukka*, *sin'*||*kukka* ‘василек’; эст. ***sini*||*kann***, ***sini*||*kannid*** ‘фиалка пахучая’, ‘фиалка собачья’, ***sini*||*lill***, ***sini*||*lilli***, ***sini*||*lilli’***, ***sini*||*lilled***, ***sini*||*lillid***, ***sini*||*lillesed***, ***sini*||*läll***, ***sini*||*lillikas***, ***sinine lill***, ***sinised lillakad***, ***sinised lillesed*** ‘василек’, ‘вероника дубравная’, ‘ирис сибирский’, ‘незабудка болотная’,

	‘первоцвет мучнистый’, ‘печеночница (перелеска)’, ‘фиалка пахучая’, ‘фиалка собачья’, ‘фиалка топяная’, ***sini*||*õis***, ***sinised õied***, ***sinised öied*** ‘василек’, ‘печеночница (перелеска)’, ***sini*||*ninn***, ***sini*||*ninni’*** ‘василек’ (букв. ‘синий цветочек’); лив. ***sin'n'i*||*put'kõz*** ‘очанка’

Нам представляется, что в *Табл. 1* примеры, приведенные в правом и левом столбцах, в большинстве случаев совершенно однотипны. Необходимы серьезные дополнительные аргументы, чтобы оценивать древность этих моделей по-разному. Кажется, что, исходя из традиционных постулатов компаративистики, следует во всех случаях, где **отклонение** касается **лишь одного слова**, реконструировать **древнюю общую модель номинации**. Случаи, когда отклонение касается двух или большего количества слов, должны быть осмыслены в соответствии с правилами о возможных типах инновационных изменений. Древнюю модель можно постулировать в тех случаях, когда изменение касается лишь одной близкородственной ветви языков, или оно произошло в строго локализованном географическом ареале, возможно, под влиянием контактных языков. В остальных случаях для надежной верификации древности модели номинации необходимо, чтобы она была представлена у рефлексов родственных слов за пределами прибалтийско-финских языков. В противном случае модель следует признавать инновационной. Если следовать этой системе, то **все вышеприведенные модели**, в которых встречаются **отклонения** (т. е. этимологически неродственные слова) **в двух языках**, следует признать **инновациями**, поскольку 1) ни в одном из случаев отклонения не локализованы лишь в северных или южных прибалтийско-финских языках, 2) за пределами прибалтийско-финских языков в этих моделях используются неродственные слова.

Таблица 2

Иллюстрация несистемного осмысления слов, имеющих общую этимологию

названия этимологически **сводятся** в единую праформу, слова имеют **разные значения**, модель признается	
древней	**инновационной**
модель ‘клопиная трава’: фин. *lutikka*||*heinä*, *lutukka*||*heinä* ‘пастушья сумка’; карел. собств. *lutikka*||*heinä*, твер. *lut'ikka*||*hein'ä* ‘голокучник’, ‘погремок большой’, ‘ярутка полевая’; вепс. *ludęg*||*hein* ‘багульник’; эст. *lutik*||*hein*, *lutik*||*hain* ‘трясунка средняя’	**модель ‘свиная трава’**: фин. *sian*||*heinä*, *sika*||*heinä* ‘горец птичий’, ‘звездчатка средняя’, ‘зверобой’, ‘льнянка’, ‘осока’; карел. собств. *šiga*||*hein'ä* ‘багульник’; эст. *sea*||*hein*, *sea*||*ain* ‘бодяк огородный’, ‘осот полевой’, ‘пырей ползучий’; лив. *sigad*||*àina* ‘клевер темноцветный’
модель ‘болотная трава’: фин. *suo(n)*||*heinä* ‘лютик ползучий’, ‘осока береговая’, ‘осока сероватая’, ‘осока шаровидная’, ‘пушица альпийская’, ‘сабельник болотный’; карел. собств., твер. *šuo*||*heinä*, ливв. *suo*||*heinä*, *suo*||*heiny* ‘белоус торчащий’, ‘осока’, ‘пушица’; вепс. *so*||*hein* ‘осока’; эст. *soo*||*hein*, *soo*||*heinad*, *soo*||*ein* ‘осока узколистная’, ‘трясунка средняя’	**модель ‘овечья трава’**: фин. *lammas*||*heinä*, *lampaan*||*heinä* ‘бодяк полевой’, ‘короставник полевой’, ‘майник двулистный’; эст. *lamba*||*hein* ‘козелец приземистый’, ‘манжетка’
модель ‘синяя трава’: фин. *sini*||*heinä* ‘герань лесная’, ‘незабудка’; карел. собств. *sini*||*heinä* ‘клевер’, ‘василек’; эст. *sini*||*hein* ‘вероника лекарственная’, ‘пролесник многолетний’	**модель ‘шерстяная трава’**: фин. ингерм. *villa*||*heinä* ‘пушица’; эст. *vill*||*hein* ‘иван-чай’
модель ‘земляная (наземная) трава’: фин. *maa*||*heinä* ‘овсяница красная’, ‘мятлик луговой’; эст. *maa*||*hein*, *maa*||*hain* ‘истод горьковатый’, ‘мятлик луговой’, ‘овсяница’, ‘полевица’; вод. *maa*||*ein* (неидентифицированное растение)	**модель ‘сосновый гриб’**: фин. *petäjä*||*sieni* ‘горькушка’, ‘свинуха’, ‘серушка’; эст. *männi*||*seen* ‘горькушка’, ‘сыроежка’; вод. *pihku*||*siini* ‘горькушка’

На основании анализа примеров, собранных в *Табл. 2*, также неясно, почему в одних случаях модель признается древней, а в других нет. Нам кажется, что все случаи, когда слова, использованные в номинации, являются **родственными**, следует относить к **древним моделям номинации** для **прибалтийско-**

финских языков. Сепаратное возникновение таких моделей под влиянием контактов с русскими диалектами должно быть в каждом из случаев доказано с помощью данных из контактных русских диалектов и демонстрации того, что в них отличаются значения так же, как в разных прибалтийско-финских языках.

В целом, кажется, что работа по реконструкции моделей номинации не отличается принципиально от обычной реконструкции лексем. В ней следует системно применять все принципы традиционной компаративистики: принципы выделения инноваций и архаизмов, каталога возможных семантических переходов, ареального рассмотрения слов и тщательного изучения контактных диалектов.

Сокращения

Языки и диалекты

вепс. — вепсский
вод. — водский
ижор. — ижорский
карел. — карельский
ливв. — ливвиковское наречие
люд. — людиковское наречие
собств. — собственно-карельское наречие
твер. — тверские говоры
лив. — ливский
фин. — финский
ингерм. — ингерманландские говоры
эст. — эстонский

РЕЗЮМЕ

В данной дискуссионной заметке отмечается важность проблемы, затронутой в статье И. В. Бродского «Лексико-семантические модели сложных (составных) финно-пермских фитонимов, содержащие детерминант», а также указывается на некоторые методические недостатки этой работы.

SUMMARY

The author of the discussion article notes the importance of the problem, that Igor Brodski deals with in the paper “Lexical-semantic models of composite Finno-Permic phytonyms with determinants”. The author also pays attention to some methodic disadvantages of this work.

Ключевые слова: финно-угорские языки, лексика, фитонимия, названия растений, лексико-семантические модели, детерминант

Keywords: the Finno-Ugric languages, lexicon, phytonymy, names of plants, lexical-semantic models, determinant

Требования к оформлению статей / Style sheet

Резюме

Просьба приложить к статье два резюме: 1) написанное на языке статьи, 2) написанное на одном из языков сборника (напоминаем, что это русский, английский, немецкий), но не на языке статьи.

Оформление

Допустимые форматы файла: .rtf или .doc.
Просим Вас также обязательно присылать текст в формате .pdf или распечатку.
Должны использоваться шрифты, поддерживающие Unicode.
В начале статьи указываются фамилия автора и место его работы.
Заголовки выделяются **полужирным шрифтом**.
Языковые примеры выделяются *курсивом*; смысловые выделения отмечаются **полужирным шрифтом** или р а з р я д к о й.
Примеры, которые занимают отдельную строку или абзац, просьба нумеровать; номера ставятся в начале в круглых скобках.
Длинные цитаты даются как отдельный абзац и отделяются в начале и в конце одной пустой строкой.
Цитаты заключаются в «кавычки».
Переводы и значения выделяются ‘одинарными (марровскими) кавычками’.
Просьба не расставлять переносы.

Язык и орфография

В статьях на английском языке просьба последовательно придерживаться британского или американского варианта и соответствующей орфографии; в статьях на немецком языке — старых либо новых орфографических правил.
Если статья написана не на родном языке автора, мы рекомендуем дать текст на вычитку носителю языка.

Библиографические ссылки

В тексте статьи по образцу:
в квадратных [] скобках Фамилия год: страница (страницы) (например, [Aijmer 1996: 22—25]).
В конце статьи дается список использованной литературы по приводимым ниже образцам.
Если статья написана не на русском языке, то в библиографии к ней работы на русском и других языках с кириллическим шрифтом можно дать отдельным блоком, без латинской транскрипции. В любом случае ссылка в тексте статьи должна соответствовать написанию в списке литературы.

Summaries

Please provide two summaries: 1) in the language of your paper, 2) in one of the languages of the journal (Russian, English, German), but not in the language your paper is written in.

Formatting

The file is to be submitted in one of the following formats: .rtf or .doc.
Please also add either a .pdf version or a hard copy of the text.
Please use Unicode fonts.
Please indicate the author’s name and affiliation on the title page.
Headings have to be **boldfaced**.
Use *italics* for language data; **boldface** or s p a c i n g for emphasis.
Please number language examples which are not in the body of the text; enclose each number in parentheses.
Please format long quotations as separate paragraphs; add one blank line before and after them.
Please use «double quotes» for quotations.
Please use ‘single quotes’ for meanings.
Please do not hyphenate the document.

Language and spelling

In English articles please use consistently either British or American norm and the respective spelling; in German articles please follow either the old or the new orthography rules.

If the paper is not written in the author's native language, we highly recommend to have it checked by a native speaker.

References

In the body of the text please use the following format:

[Name year: page(s)] (e.g. [Aijmer 1996: 22—25]).

In papers not in Russian works in Cyrillic can be listed separately, without Latin transcription. In any case, their spelling must be identical with the references cited in the text.

At the end of the paper add a list of references as exemplified below.

Примеры оформления библиографии / Sample lists of references

Монография, словарь с именами авторов на титульном листе / Monographic work or dictionary with author's (authors') name(s) on the title page

Грунина 1991 — *Грунина Э. А.* Историческая грамматика турецкого языка. М., 1991.

Janhunen 1977 — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.

Коллективная монография, словарь с именем ответственного редактора на титульном листе / Collection of papers or dictionary with editor's (editors') name(s) on the title page

Этническая история 1982 — Этническая история народов Севера / Отв. ред. *Гурвич И. С.* М., 1982.

Lessing 1960 — Mongolian-English Dictionary / Ed. *Lessing F.* Berkeley; Los Angeles, 1960.

Статья в коллективной монографии, сборнике / Paper in an (edited) book

Дёрфер 1986 — *Дёрфер Г.* О языке гуннов // Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986. С. 71—134.

Дмитриев 1958 — *Дмитриев Н. К.* О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. Вып. 3. М., 1958. С. 3—47.

Kiefer, Gyuris 2006 — *Kiefer F.*, *Gyuris B.* Szemantika // A magyar nyelv kézikönyve / Ed. *Kiefer F.* Budapest, 2006.

Nikolaeva 2005 — *Nikolaeva I.* Agreement and linguistic construal // Uralic languages today / Ed. *Fernandez-Vest J.* Paris, 2005.

Статья в журнале / Journal paper

Иллич-Свитыч 1963 — *Иллич-Свитыч В. М.* Алтайские дентальные: *t*, *d*, *δ* // ВЯ. 1963, 6. С. 23—45.

Clark 1980 — *Clark L. V.* Turkic Loanwords in Mongol. I: The Treatment of non-initial *s*, *z*, *š*, *č* // Central Asiatic Journal. 1980. Vol. 24, 1—2. P. 23—45.

Doerfer 1969 — *Doerfer G.* Ein altosmanisches Lautgesetz im Kurdischen // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 1969. Bd. 62. S. 250—263.

Цифровые и интернет-источники / Digital and Internet sources

Helimski 2007 — *Helimski E.* База данных энецкого языка // www.helimski.com, 2007.

Как подписаться / How to subscribe

Стоимость журнала
по СНГ
Для организаций:
— годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 1500 руб.;
— годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 800 руб.

Агентствам предоставляется скидка 20%.

Для частных лиц:
— годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 1000 руб.;
— годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 500 руб.;

— стоимость одного печатного номера журнала без подписки — 300 руб.;
— стоимость одного электронного номера журнала без подписки — 150 руб.

не в странах СНГ
Для организаций:
— годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 89 €;
— годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 39 €;

— стоимость одного печатного номера журнала без подписки — 49 €;
— стоимость одного электронного номера журнала без подписки — 29 €.
Агентствам предоставляется скидка 20%.

Для частных лиц:
— годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 69 €;
— годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 29 €;

— стоимость одного печатного номера журнала без подписки — 39 €;
— стоимость одного электронного номера журнала без подписки — 19 €.

Оплатить журнал «Урало-алтайские исследования» можно:
— В ОТДЕЛЕНИИ ЛЮБОГО БАНКА;
— ЧЕРЕЗ СИСТЕМУ PAYPAL.

Порядок оформления подписки или покупки одного номера для частных лиц

Оплата через отделения банка
1. Заполните квитанцию об оплате, перечислите деньги на наш расчетный счет через Сбербанк; в настоящее время принимаются только банковские переводы; квитанцию Сбербанка можно вырезать из последних страниц журнала.
2. Информацию об оплате, почтовый или электронный адрес, по которому следует высылать журнал, отправьте по электронному адресу: jurnaluralaltai@mail.ru.
3. Номера два раза в год будут высылаться заказной бандеролью.

Оплата через систему PAYPAL
1. Если у Вас есть банковская карточка и электронный адрес, зарегистрируйтесь на сайте www.PAYPAL.com.
2. Напишите через систему PAYPAL письмо на электронный адрес jurnaluralaltai@mail.ru с информацией о том, какую именно подписку Вы хотите оформить и какую конкретно сумму перевести в качестве оплаты за подписку.

Порядок оформления подписки для организаций

Отправьте запрос по электронному адресу: jurnaluralaltai@mail.ru.

Внимание!

Стоимость подписки включает в себя почтовые расходы и не включает оплату банковских операций.

Journal Price
for CIS countries
For organizations:
— annual subscription for the printed copy of the journal is 1500 RUB;
— annual subscription for the electronic copy of the journal is 800 RUB.

Discount for agencies is 20%.

For individuals:
— annual subscription for the printed copy of the journal is 1000 RUB;
— annual subscription for the electronic copy of the journal is 500 RUB;

— price for a single printed issue without subscription is 300 RUB;
— price for a single electronic issue without subscription is 150 RUB.

outside CIS countries
For organizations:
— annual subscription for the printed copy of the journal is 89 €;
— annual subscription for the electronic copy of the journal is 39 €;

— price for a single printed issue without subscription is 49 €;
— price for a single electronic issue without subscription is 29 €.
Discount for agencies is 20%.

For individuals:
— annual subscription for the printed copy of the journal is 69 €;
— annual subscription for the electronic copy of the journal is 29 €;

— price for a single printed issue without subscription is 39 €;
— price for a single electronic issue without subscription is 19 €.
You can purchase URAL-ALTAIC STUDIES:
1) VIA ANY BANK;
2) VIA PAYPAL.

How to make a subscription or to purchase a single issue for individuals

Payment via bank transfer
1. You shall fill the payment receipt, transfer the money to our account via Sberbank. Presently we accept only banking transfer. The Sberbank receipt you can cut out from the last pages of the journal.
2. You shall send your payment details, postal or electronic mail for sending the journal to: jurnaluralaltai@mail.ru.
3. The issues will be sent to you via registered mail biannually.

PayPal payment
1. If you have a credit card and an e-mail you can register at www.paypal.com.
2. Please send us an e-mail to jurnaluralaltai@mail.ru via PAYPAL system, specifying which kind of subscription you need, and what amount of money you are going to transfer as a payment for subscription.

How to make a subscription for an organization

Please send a request to jurnaluralaltai@mail.ru.

Attention!

Subscription price includes postage expenses and does not include banking fees.

Форма № **ПД-4**

Извещение

ИП Кормушин И.В.,
Москов. фил. ОАО «AIKB «TATFONDBANK»
(наименование получателя платежа)

ИНН 772631307908
(ИНН получателя платежа)

№ р/с 40802810041000000004
(номер счета получателя платежа)

в ОАО «AIKB «TATFONDBANK», г. Москва
(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810700000000831, БИК 044583831

Оплата журнала:
«Урало-алтайские исследования»
(наименование платежа)

Дата _____ Сумма платежа: _____ руб. ___ коп.

Плательщик (подпись) _____

Кассир

ИП Кормушин И.В.,
Москов. фил. ОАО «AIKB «TATFONDBANK»
(наименование получателя платежа)

ИНН 772631307908
(ИНН получателя платежа)

№ р/с 40802810041000000004
(номер счета получателя платежа)

в ОАО «AIKB «TATFONDBANK», г. Москва
(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810700000000831, БИК 044583831

Квитанция

Оплата журнала:
«Урало-алтайские исследования»
(наименование платежа)

Дата _____ Сумма платежа: _____ руб. ___ коп.

Кассир

Плательщик (подпись) _____

Информация о плательщике:

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН налогоплательщика)

№

(номер лицевого счета (код) плательщика)

Журнал «Урало-алтайские исследования»

год / №	1	2	3	4

Информация о плательщике:

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН налогоплательщика)

№

(номер лицевого счета (код) плательщика)

Журнал «Урало-алтайские исследования»

год / №	1	2	3	4
2010				

Редактор
М. К. Амелина

Компьютерная верстка
В. Ю. Гусев

Адрес редакции
125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1, корп. 1,
Отдел урало-алтайских языков

Телефон
+7 (495) 691-63-06

Editor
Maria Amelina

Computer typesetting
Valentin Gusev

Editorial office
125009, Moscow, B. Kislovskiy sidestr., 1, 1,
Department of Uralo-Altaic languages

Phone
+7 (495) 691-63-06

Co-Published by Gorgias Press LLC
954 River Road Piscataway, NJ 08854 USA
Internet: www.gorgiaspress.com
Email: helpdesk@gorgiaspress.com

ISSN 2079-1003